

ВЕОМ

№ 8, 2018

А. Волынец

«Башня гостинного двора». Тобольск, 2017.

«ОТ УРАЛА ДО СИБИРИ»

В выставочном зале Ирбитской детской художественной школы состоялась выставка акварелей Марии Волынских – выпускницы ДХШ, студентки 5 курса Тюменского государственного института Культуры. Более 40 работ посвящены любимым городам – Тобольску, Ирбиту и Тюмени.

Мария Волынских – одна из наиболее талантливых и трудолюбивых выпускниц нашей школы, давно и успешно начала самостоятельную выставочную деятельность. Персональные выставки в Ирбите, Тюмени, участие в конкурсах и выставках в Петербурге. Ее любовь к акварели удивительно поэтична и нежна. На этом языке Мария думает, мечтает и говорит. Она отдает должное урокам академической живописи и классической акварели, но уже давно имеет свой узнаваемый почерк и стиль, который характеризует одновременно юношеская смелость и мудрая осторожность мастера, пронизательность взгляда и деликатность оценок. Порывистость чувств юного мастера уравнивается осознанностью и любовью к натуре. Она видит мир сквозь призму утонченных, прозрачных цветовых сочетаний, перламутровых переливов изысканных оттенков, выявляя духовную сущность всех предметов и явлений, которые привлекают ее взгляд. Они начинают раскрываться перед ней, оживать, дышать и выражать свои чувства, рассказывать истории своей жизни. Созидаются мечты и разрушаются иллюзии, даются клятвы и открываются тайны, спадают вековые оковы и вырастают крылья. И все это благодаря тонкому художественному чутью, таланту живописца и огромной любви к многогранному языку искусства живописи. Пейзажи родного Ирбита, Тобольска, Тюмени – мудрых старых городов сурового края, сохранивших в себе дух старины и величественные памятники деревянного и каменного зодчества, стали для нее большой любовью, нежной и трепетной, согревающей душу и вдохновляющей на творчество. Но это не просто традиционное любование современного художника стариной. Для Марии – это все живое и близкое: древние сибирские легенды и предания, «зеленые девушки» и хан Кучум, дух лесного озера и смелый Ермак, леса и реки Сибири, самобытная культура коренных народов. Музейные экспозиции, посвященные истории

Сибири, книги – область ее постоянного и глубокого интереса. Эта редкая для молодежи степень патриотизма привлекает не только в работах художника, она заставляет прислушаться к словам, приглядеться к личности и даже получить уроки мудрости и любви от совсем еще молодого человека. Улицы и уголки, дорожки, храмы, окна, ветви деревьев, небо... – отражения счастливого и полноценного сознания гармоничного человека и талантливого художника.

«Акварель – одна из самых сложных техник живописи, – говорит Мария, – она не прощает ошибок и промедлений художника. Она не скроет изъянов и промахов работы. Мне потребовалось несколько лет, чтобы научиться мыслить «акварельно», осознанно вести работу, знать и предугадывать каждое движение кисти и каждый отклик бумаги.

Владеть акварелью, для меня – это наивысшее выражение мастерства живописца и особой чистоты взгляда на окружающий мир, его многоликость и таинственность».

Образы художника ясно свидетельствуют о том, что перед нами человек особенный, ведь с помощью акварели он видит мир таким чистым и прозрачным, поэтичным и возвышенным. Она не фокусирует взгляд на мелочах, бытовых проблемах и временных увечьях, ей важно передать то, что называют «тонким телом». Это душа и память старых улиц и храмов, которую не каждый способен увидеть и понять. Глаз обыденности цепляет шероховатости, разрушения и провалы, а взгляд поэта направлен на чистоту и память. Ее акварели пронизаны любовью и благодарностью, они не просто совершенны в художественном, образном и техническом смысле, они поражают зрелостью и совершенством Души настоящего художника.

*Римма Алеева,
искусствовед, член Союза журналистов России.*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
Л.С.Богоявленский
О.А.Бухаркина
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Ерёмин (Ирбит)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
(зам. главного редактора)
д.и.н. В.В.Запарий
А.П.Комлев
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
В.В.Лютов
(Челябинск)
А.П.Мищенко (Тюмень)

Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
д.и.н. Д.А.Редин
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
д.и.н. А.В.Сперанский
(Екатеринбург)
доктор культурологии
С.Г.Фатыхов (Челябинск)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)
Корректор номера
Владимир Иванов

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkini@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке (1) М.Волынских «Крестовоздвиженская церковь».
2018, Тобольск..

Дата выхода в свет 31.10.2018 г.

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Заказ № 1098.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Прощение...

Прощать очень трудно, но жить в состоянии непроще-
ния еще труднее.

Вот представьте, жили-были он и она, и любили они
друг друга до слез. И вдруг он решил, что любовь и счастье
– это меньше, чем материальные блага, и ушел к той, у ко-
торой, как ему казалось, можно было их взять.

И он сознательно променял то, что уже было в его жиз-
ни, на то, что он хотел бы к тому еще получить. Понятно,
что такое бывает только в сказке, а в реальности любовь и
счастье сменились на связь с практическим интересом. Эту
историю я, пожалуй, расскажу вам в одном из следующих
номеров, а сейчас вернемся к прощению.

Он предал и исчез, а она со своей любовью осталась.
Простить? А может, не прощать?

В Новом Завете «прощение» выражается греческим
словом «afiemi», что означает отпустить или перестать
держаться за что-то.

Л.Н.Толстой написал: «Когда тебя предали, это всё рав-
но, что руки сломали... Простить можно, но вот обнять уже
не получается».

Простить можно. И это вовсе не значит, что мы призна-
ем, что как бы ничего не было, и это не значит, что то, что
произошло, это какая-то ерунда. Это даже не значит, что
его предательство не заслуживает наказания. Это не зна-
чит, что она должна восстанавливать отношения и продол-
жать испытывать к нему теплые чувства... Нет!

Это значит, что тебе больно и у тебя разрывается серд-
це, и ты разрешил себе всё это почувствовать и страдать,
потому что тебе очень-очень плохо.

И к этому самому «простить» ты приходишь именно по-
тому, что тебе это «плохо» не дает жить!

Прощение – это не чувства и эмоции, это – огромное
усилие воли. И пусть с тем, кого прощаешь, уйдет часть
твоей души, и время никогда не излечит душевные раны,
а только отдалит момент их нанесения, и пусть прощение
– очень нелегкий путь, но он – проявление силы духа чело-
века, и его надо пройти до конца.

Прощение – это не отношения между людьми. Это со-
стояние души и сердца того, кто прощает. И без прощения
невозможно освободиться от зла во всех проявлениях, ко-
торое разрушает человека, его здоровье, делает его безум-
ным, лишает мира, гармонии и удовлетворенности, дела-
ет несчастным, и невозможно, не простив, созидать, жить
дальше, радоваться жизни и творить.

Кто-то сказал, что прощение – «это аромат, который
дарит цветок, когда его топчут».

А мы-то знаем, что искореженное ураганом дерево, но
давнее новый побег, и цветет ярче, и плодоносит слаще, и
дарит радость, наполняющую душу до самых ее сокровен-
ных уголков.

*С любовью к авторам и читателям,
Татьяна Богина, главный редактор.*

12+

В

ВЕСИ

№ 8 (146) 2018
октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стэф Садовников</i>	Литературная коллекция	
Дорога.....		4
<i>Татьяна Смирнова</i>	Лики времени	
О бедном слугителе замолвите слово.....		11
<i>Николай Покидышев</i>	Литературная коллекция	
Как эту память мне осилить?.....		17
<i>Виталий Шитов</i>	Лики времени	
Последняя фотография последнего царя.....		20
<i>Михаил Бессонов</i>	Лики времени	
Монстры из Невьянского завода.....		24
<i>Владимир Запарий</i>	Литературная коллекция	
Сюжеты.....		26
<i>Сергей Коновалов, Алексей Курганов</i>		
Не царское это дело: писать романы... ..		33
<i>Алексей Молчанов</i>		
«Его опусы – особого рода катарсис».....		35
<i>Римма Алеева</i>	Мастерская	
«От Урала до Сибири». Мария Волынских.....		1, 40
<i>Владлен Козинец</i>	Литературная коллекция	
Мемориал.....		41

Спецвыпуск Литературной коллекции:
Влас Гвоздев. «Трудное начало» (1–56)

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2018 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте <http://www.ural-press.ru/>
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден
почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Выпуск журнала осуществлен
при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым ком-
муникациям.

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO Clubs,
centers and associations

РОССИЙСКОЕ
СОЮЗСТАРАТЕЛЕВ
РОССИИ

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИСЦИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

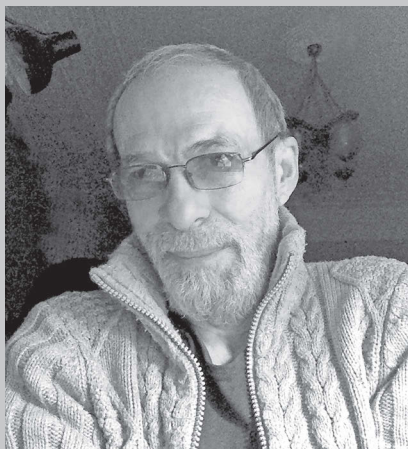
президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

президент
Урало-Сибирской федерации
АЦК ЮНЕСКО, казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ДОРОГА

Стэф САДОВНИКОВ

**Член Союза художников
России и Молдавии,
член Союза русских писателей
Молдавии им. А.С.Пушкина,
член Союза кинематографистов
конфедерации России
и стран СНГ,
участник более 60
коллективных и персональных
выставок в СССР, России,
Молдавии, Украине, Германии,
Польше, Израиле
и Голландии.
Автор трех литературно-
поэтических изданий,
десять
научно-исследовательских
статей
по средневековой геральдике
балканокарпатского ареала.**

1

Обыкновенным морозным утром, в казенном доме, в тесной комнате, за стеной которой располагалась поселковая почта, взрослые и дети быстро собирали свои пожитки в чемоданы да мешки. Затем, утомившись, присели «на дорожку», еще раз внимательно – дабы чего не забыть – оглядели опустевшую комнату, в которой прожили не самое счастливое время. К остывшей печке с поленицей дров сиротливо прижались голые железные кровати, у заиндевевшего окошка стоял пустой кривоногий стол с табуретками, а рядом с окошком на стене – одинокая казенная хриповатая «кукушка», проживавшая на стенке еще до их вселения. В наступившей тишине маятник «кукушки» неожиданно остановился.

– Это знак. Нам пора, – сказал папа, вставая.

– Какой знак? – спросил мальчишка.

– Кончилось тут наше время. Всё, поехали!

На улице их ждала урчащая полуторка. Взрослые быстро уложили пожитки в кузов. Потом папа с двумя старшенькими детьми влезли туда, укрывшись от мороза толстенным твердым замасленным брезентом с запахом бензина, а мама с младшенькой дочкой-трехлеткой – в кабину.

– Ну, что, хорошо укрылись? Смотрите, не замерзните, и держитесь покрепче. Если что – стучите по кабине! – весело сказал шофер в кургузом полушубке, кирзовых сапогах и военной выгоревшей ушанке с дыркой вместо красной звездочки.

Полуторка газанула и покати-лась по заснеженной улице, остав-ляя за собой поселок, окруженный лесом, с унылыми почерневшими деревянными домами с дымящими трубами, плотно укрытыми веселым снегом. Кочковатая засне-женная дорога, кое-как очищен-ная трактором, проходила сквозь густой непроходимый черный лес, обступивший ее словно двумя бес-конечными высоченными непри-ступными стенами. И эти стены у неба почти соприкасались друг с другом, образуя подобие тунне-ля. Папа, одетый в потрепанную фуфайку и шапку-ушанку, был молчалив и задумчив, мальчиш-ка – в самодельном пальтишке и большой ушанке, натянутой на глаза, – на все смотрел с инте-ресом, а сестренка, повязанная крест-накрест старым шерстяным платком, лишь хлопала глазками. В кузове трясло, но, крепко дер-жась друг за друга, они смотре-ли из-под брезента на уходящий вдаль черно-белый пейзаж.

– Пап, а тебе не жалко было «кукушку», когда она замолчала? – прервал молчание мальчишка.

– А почему ты о ней думаешь? – удивился папа.

– Ну, ты сам говорил, что «ку-кушка» должна жить и говорить который час, что ее всегда надо за-водить и поднимать гирьки. А ты гирьки не поднял, – с грустью ска-зал мальчишка.

– Не грусти. «Кукушка» свое откуковала.

– А я помню, как мы с мамой в лесу загадали кукушке – сколько нам тут еще зим зимовать, но она не захотела куковать. Я спросил маму почему, а мама ответила, что она нас не хочет слышать.

Папа тяжело вздохнул:

– Так часто бывает, сынок, когда тебя не хотят слышать.

Мальчишка понимающе замолчал и продолжал смотреть, как убегает дорога.

– Папа, почему мы едем вперед, а дорога едет назад?

– Дорога всегда убегает от человека, когда он едет не так как надо, спиной вперед. Вот если встанешь и посмотришь вперед, то увидишь, что дорога не убегает, а как бы едет к тебе.

Мальчишка привстал, посмотрел туда, куда мчалась полуторка, крепко держась за передний борт:

– Как интересно! А дорога, правда, едет к нам! – Затем, обернувшись, он крикнул:

– Ой, глядите! Там что-то красное бежит за нами!

– Это лиса, – ответил папа.

– Как интересно! – восторгался мальчишка.

– И чего так сильно удивился, как будто лис не видал?

– Но она все время бежит за нами. Как будто она нас провожает!

Папа улыбнулся:

– Конечно, провожает.

– А ты помнишь, когда мы переезжали из деревни, за нашими санями долго бежал наш кот Васька. Он не захотел с нами переезжать, но зато провожал. Мне так жалко. Как он там без нас? – с грустью сказал мальчишка.

– Я тебя очень понимаю, – ответил папа. – А кошки вообще любят тот дом, в котором живут, и не любят переезжать.

– Я тоже любил тот дом, и мне тоже тогда не хотелось уезжать. Помнишь, как я тогда плакал?

– Помню. А почему сейчас не плачешь?

– Потому что едем на станцию и на паровозе уедем далеко-далеко.

– А ты понимаешь, что мы отсюда уезжаем навсегда?

– Да, папа, понимаю!

– Ничего ты еще толком не понимаешь. Вот скоро станция, и там ты увидишь, наконец, настоящий паровоз с вагонами и много-много людей.

– А почему там много людей?

– Станция – это место, где люди встречаются или провожают.

Задул ветер. Пошел густой мелкий снег, с ветром залетающий к ним под брезент. Мальчишка замолк. Дорога была долгой. Полуторку часто потряхивало, от ветра и снега становилось все холоднее, и сидеть было уже невозможно.

Мальчишка спросил:

– Пап, мы поедem на большом поезде?

– Да.

– А кто нас там, на станции будет провожать?

– Никто.

Мальчишка снова задумался:

– А встречать?

– Встречать нас будут, но не на этой станции, а на другой.

– А где та станция?

– На западе, сыночек, далеко-далеко...

2

Встретила их, усыпанная снегом маленькая станция, выкрашенная в желто-серый цвет, с несколькими дымящими трубами и окнами, равнодушно отражающими пристанционное пространство.

Как только они выгрузились, к ним, откуда ни возьмись, подошли два краснолицых мужичка в потрепанных валенках, ватниках и ушанках и предложили помочь отнести тяжелые мешки и чемоданы.

– Какая огромная станция, и столько людей! – удивленно сказал мальчишка, когда они вошли в зал ожидания и нашли два свободных места в ряду сколоченных скамеек. На свободное место села мама, одетая в поношенное длинное толстое пальто и шерстяной коричневый платок, держа на руках укутанную младшенькую. Рядом села шустрая рыжеволосая сестренка, а мальчишка, приподняв ушанку, вечно напалзающую на глаза, примостился с папой на большом чемодане, обмотанном толстой веревкой.

– Это называется «железнодорожный зал ожидания», – сказал папа, копясь в кармане фуфайки.

– А кого зал ожидает? – удивился мальчишка.

– Ожидает всех, кто в него входит, – улыбнулся папа.

– Он и нас ожидал?

– Если бы он нас не ожидал, то как бы мы могли уехать на поезде?

Мальчишка удовлетворенно замолк. Мама стала кормить сестренку ломтиками черного хлеба с тонким слоем маргарина. Мальчишка от еды отказался и все озирался по сторонам. Народ терпеливо ждал открытия кассы. Папа, прежде чем стать в очередь за билетами, сказал мальчишке:

– Остаешься главным по охране мешков и чемоданов, а самый главный ценный груз вручаю тебе в руки. Держи крепко, чтобы не разбить, и никому не давай, понял? – и передал ему нечто с тонким длинным верхом и большим округлым низом, упакованное в мешок.

– Это мамина гитара? – догадался мальчишка.

– Да, и ты, как старший, за нее отвечаешь головой, – сказал, улыбнувшись, папа, и ушел к кассе.

Мальчишка обнял мешок с гитарой и задумался.

О том, что не надо ходить в новую школу, потому что привык к той старой деревенской, где училось всего 5 учеников, и была любимая первая учительница – добрая и внимательная Валентина Ефимовна. А в новой, поселковой – было много учеников, и все пацаны почему-то дрались. Он с горечью вспомнил, как к нему однажды пристал первый драчун класса, красивый белобрысый Вовка Белокопытов, и стал его дразнить «враг народа, враг народа, враг народа». Их тут же со смехом окружили одноклассники, с любопытством поглядывая в ожидании драки. Он оторопел от оскорбления и полез на Вовку с кулаками. Но тот увернулся, сделал подножку, запрыгнул на него, упавшего, и стал колотить по спине. Ему удалось вывернуться, столкнуться с собой и быстро вскочить на ноги, но в это время зазвенел звонок. С криком: «Что тут за драка!», вошла учительница, быстро подошла к нему и больно схватила за ухо:

– Не успел еще освоиться в классе, а уже дерешься? Ну-ка собери свой портфель и марш домой! И без родителей в школу не приходи!

Его больше всего обидело, что никто за него не заступился, хотя все школьники видели, из-за чего началась драка и кто ее начал. Эта обида на учительницу, Вовку, класс – осталась, и в школу он ходил только потому, что было надо...

Мальчишка поглядывал на очередь к кассе и тихо радовался, что в ту школу он уже не пойдет никогда.

Мысли его мгновенно отлетели, когда подошел папа:

– Всё, билеты куплены, и через пару часов придет наш поезд.

– Вот здорово! Скоро наш поезд придет! – воскликнул мальчишка, вскочив с чемодана, чуть не уронив свой мешок с гитарой.

– Оставь гитару возле мамы, а мы с тобой пойдем знакомиться с настоящим паровозом, – сказал папа, взяв мальчишку за руку.

Они вышли на небольшой перрон с навесом и колоколом, укрепленным в стену вокзала. Был поздний вечер. Все так же шел густой мелкий снег. За перроном тускло поблескивали рельсы в несколько рядов с неярко светящимися тускловатыми железнодорожными фонарями. А вплотную за рельсами угрюмый черный лес упирался вершинами в беззвездное темное небо. С левой стороны перрона на столбе светился фонарь. А с правой – стоял большой странный дом, с крыши которого спускалась труба.

– Пап, а что это за труба такая, вон на том доме?

– Это не дом, а водокачка. Возле нее останавливаются паровозы, и по трубе наливается вода в паровозные котлы.

– А зачем паровозам вода?

– У паровоза есть большой котел, он топится углем как печка. Вода в котле сильно нагревается, получается много пара, и этот пар крутит паровозные колеса. И потому эта огромная машина называется паро-воз. Возит вагоны паром. Понял?

Мальчишка кивнул головой.

Папа посмотрел на часы:

– Сейчас – вот-вот придет поезд. Паровоз будет громко гудеть, дымить, грохотать колесами и сильно шипеть горячим паром. И я тебя прошу – не пугайся, а привыкай.

Они стояли на краю перрона, почти у самых путей. Мальчишка, узнав, что паровоз будет сильно шипеть паром, испугался, потому что однажды сильно обжегся паром от горячего чайника. Он попытался отодвинуться назад и попробовал убрать свою руку из папиной руки. Но рука папы крепко держала его.

И вот, из сплошной заснеженной темноты, словно из-за поворота, неожиданно появился огромный черный ревуций паровоз, с шумом выпускающая из своих боков огромные облака пара, с дымящей трубой и мощным прожектором, осветившим все, что было на перроне, и, словно приветствуя и радуясь, издал ошеломляющий трубный крик.

Мальчишка так перепугался, что, закрыв глаза, задергался и закричал:

– Он нас сейчас задавит!

Папа прижал к себе мальчишку:

– Не бойся. Привыкай. Паровоз сейчас будет медленно проходить по рельсам мимо нас и остановится.

Мальчишка слушал шум оставившегося грохочущего состава и осторожно открыл глаза. Он видел, как паровоз, все еще шипя и выпуская пары, с грохотом дернув несколько раз состав, остановился. Двери вагонов открыли какие-то тетки и дядьки – в фуражках, с флажками в руках. Из дверей, со ступенек вагонов соскакивали и шли в зал ожидания пассажиры с чемоданами и мешками.

– Ну, что? Уже не страшно? – спросил, улыбаясь, папа.

Мальчишка, обнятый папой и переполненный увиденным действием, молчал, кивая головой.

– Вот ты и познакомился со своим любимым паровозом.

Неостановимо и монотонно пели железную песню колеса, и лишь через какие-то известные только им промежутки, менялась их песня и ритм.

Прошла ночь, и начался первый день дороги на запад.

Уже прошел утренний чай в стаканах с подстаканниками, с ложечками и блюдами с голубоватыми кусочками волшебного сахара, что разносил молчаливый проводник в тщательно застегнутом мундире, собирая за услугу копейки. Пассажиры ему улыбались, откусывали сахар и громко прихлебывали горячую воду, подкрашенную в коричневатый цвет. После чая вагон надолго стал шумным от возни пассажиров со своими сумками-чемоданами, от громких споров-разговоров о «секретаре никитке», об урожаях, о небогатых «жизнях» на своих местах.

Иногда пассажиры замолкали, глядя безучастными глазами в окна, за которыми пролетали все те же заснеженные леса с перелесками.

Но вот в вагон медленно вошла тетка в белом фартуке и белых рукавниках, со словами «кому обед», толкая перед собой большую трехэтажную тележку, заполненную алюминиевой посудой: большими кастрюлями, стопками тарелок и мисок, набором вилок-ложек и кружками для компота. Желаящим, за денечки, она разливала в миски горячий суп, в тарелки накладывала картофельное пюре с котлеткой, поливая белым соусом, и, по желанию, наливала в кружки жидкий компот из сухофруктов. Никто не отказывался от горячей еды.

Пассажиры, после съеденного, разваливались на своих полках, о чем-то негромко переговаривались, укрываясь стирано-перестиранными простынями сероватого цвета. В вагоне было тепло, и из-под простыней видны были только противные голые пятки. Стоял тяжелый воздух от недавней еды, дыхания ртов и давно немых тел.

За всем этим с верхней полки наблюдал примолкший мальчишка, впитывая в себя новые впечатления. Или, развернувшись, лежа к окошку, следил за пролетавшими столбами с проводами, которые медленно опускались и подымались от одного столба к другому. Другая верхняя полка досталась его вечно непоседливой, шустрой сестренке. Ей там не сиделось, она крутилась, постоянно слезала и залезала на полку, или пыталась побегать по вагону.

– Ну, что ты не сидишь спокойно, как твой брат? – спрашивала мама.

– Он большой, а мне там не интересно!

– Так, внимание! – громко сказал папа – Быстро все сюда ко мне! Сейчас мы проедем мимо большого памятного каменного знака, расположенного на границе двух частей света. На одной стороне будет видна надпись «Азия», а на другой – «Европа». Сейчас мы покинем Азию и появимся в Европе, – закончил папа с усмешкой.

Все пассажиры дружно прильнули к окнам правой стороны вагона. Поезд снизил скорость, и долго был виден старинный красивый монумент, величаво стоящий на возвышении.

Мальчишка с тихим восторгом всматривался в эту красоту, он впервые видел подобное. Ему очень захотелось нарисовать увиденное, но не было под рукой его тетрадки для рисования, потому что она оказалась в каком-то из чемоданов, уложенных на третью багажную полку.

За невымытыми вагонными окнами наступала темнота.

Пассажиры, поужинав из своих запасов, стали укладываться на ночь, и вскоре разноголосый храп полностью заполнил вагон.

Только в одном плацкартном отсеке не спали.

Мама, тихо напевая песенку, все успокаивала хныкающую младшенькую. Шустренькая сестренка, наконец-то утомилась, и молча улеглась на полке лицом к окошку. А папа, присев к столику, что-то в тетрадке писал остро точенным карандашом.

– Папа, – тихо произнес мальчишка, свесив с полки голову. – А что ты там пишешь?

Папа, отложив карандаш, грустно улыбнулся:

– Вот, когда вырастешь большой, ты все прочитаешь и поймешь.

– Пап, а дай мне тоже карандаш с тетрадкой.

– А тебе зачем? – удивился папа.

– Хочу записывать названия станций. У них такие интересные названия!

– Ты это заметил? Молодец! – сказал папа и протянул ему тетрадку.

Мальчишка положил тетрадку с карандашом перед собой у окошка и лег, поглядывая в темноту, в которой изредка высвечивались сигнальные фонари или огоньки отдаленных поселений. Сестренка еще не спала и молча глядела в заоконную темноту.

– А давай с тобой вместе будем читать названия станций, – предложил мальчишка, повернув голову к сестренке.

– Давай! – ответила она, посмотрев на брата. – Но я быстро читать не умею.

– А я тебе помогу, и мы с тобой будем записывать в тетрадку, хорошо?

Сестренка в знак согласия кивнула головой и стала внимательно смотреть в окошко, стараясь увидеть и станцию, и ее название.

Вскоре поезд, тихо скользя сквозь какой-то большой город, подъехал к очередной станции. И когда их вагон медленно проезжал мимо перрона, заполненного людьми с чемоданами, с огромным, ярко освещенным вокзалом, оба радостно и громко в один голос прочитали большую надпись «Челябинск».

– Да тише вы! А то всех разбудите! – отчетливо прошептал им папа. – И вообще вам давно пора спать.

4

Первой записью в тетрадке мальчишки стало – «станции на дороге». И это ему так понравилось,

что записывал, ниже, в столбик, все названия станций и полустанков, на которых останавливался поезд. Ему и сестренке нравилось целыми днями до позднего вечера валяться на полках, читать названия и спорить, кто первым увидел надпись. Некоторые названия, записанные в тетрадке, мальчишка читал по нескольку раз потому, что они для него звучали очень необычно: Юргамыш, Пивкино, Биргульда, Мисяш, Чебаркуль, Миасс, Тургояк!

– Какое смешное название «Тургояк!» – думал мальчишка, а потом с сестренкой, смеясь и веселясь, они часто повторяли эти названия, коверкая их на всякие лады.

За Тургояком дорога стала сильно петлять, отчего поезд шел очень медленно, и даже иногда останавливался. Мальчишке было скучно в ожидании новых станций, и, чтобы не скучать, он прикрывал глаза, и, сквозь темноту полуприкрытых ресниц, ему виделись какие-то странные цветные картинки. Потом картинка темнела, и вместо них, возникая из темноты, постепенно проявлялись колесики часов с тикающим маятником, который превращался в медленно исчезающий маленький паровоз. А на его месте, как бы ниоткуда, вдруг возникали странные люди, умеющие медленно растекаться и исчезать в темноту, откуда неожиданно возникали красивые бабочки...

Мальчишка любил такое состояние, когда в его полуприкрытых глазах оживал другой странный мир. В такие моменты ему казалось, что этим миром он может управлять, как машинист паровозом.

Он очнулся оттого, что сестренка дернула его за рукав:

– Скоро новая станция!

Мальчишка вскочил и с восторгом и упоением несколько раз прочитал – Златоуст!

– Папа! Смотри, какое красивое название – Златоуст! Правда, красиво – Златоуст! А что такое златоуст?

– Правда, красиво, – ответил папа, маня его рукой. – Давай, по-

лезай ко мне, и я тебе сейчас расскажу, откуда взялось это название.

Тихим голосом, чтобы никто не слышал, он впервые кратко рассказал о Боге, о рождении Мира, о рае и аде, об Адаме и Еве, о Мессии и его учениках и про Иоанна Златоуста, в честь которого называли город. Мальчишку потрясла история рождения нашего мира, но особенно – распятие Мессии. Когда папа закончил повествование, мальчишка спросил, вытаращив глаза:

– Пап, они, правда, забивали ему огромные гвозди в ноги и руки! И текла кровь?

– Ты ведь уже знаешь и видел, что вокруг нас есть очень жестокие люди, – тихо ответил папа. – И что таким людям ничего не стоит обидеть или убить человека.

– Пап, ты говоришь, что он умер, а потом воскрес, – все еще не успокаивался мальчишка. – Скажи, а почему сейчас люди не воскресают?

– Бог все создал: и жизнь, и смерть. Пойми правильно, что так Богом заведено, и от нас на земле ничего не зависит.

– И мы тоже умрем? Помнишь, как тот дядька в деревне?

– Давай, мой любопытный, я тебе про это расскажу в другой раз. Договорились? – папа нежно приобнял мальчишку, похлопал по плечу. – А сейчас, давай, лезь на полку и не прозевай следующую станцию.

Мальчишка молча полез наверх, долго там лежал и смотрел в окошко, пристроив свой подбородок на скрещенные руки. И вдруг он вспомнил, как однажды мама с ним, еще совсем маленьким, пошла на похороны одного умершего дядьки, и как ему стало страшно смотреть на худое бледное лицо с носом, торчащим над длинным ящиком, сколоченным из грубых досок. Вокруг ящика стояло несколько человек, и у всех текли слезы. Мама тоже плакала, крепко держа его за руку. Он тогда от испуга и отвращения так сильно дернулся назад, что вырвался из маминых рук и помчался домой...

Длинна дорога до Казани.

Мальчишка продолжал записывать наименования станций красивым крупным почерком, заполняя тетрадку – первую свою записную книжку. За это время он познакомился с несколькими пассажирами, соседями по отсеку, и узнавал – откуда, куда и зачем едут. А он им, отвечая на вопросы, рассказывал про свое прошлое житье-бытье.

– Приготовься! – сказал ему папа. – Сейчас ты увидишь самую большую реку в мире – Волгу.

О, Волга!

Поезд медленно и долго шел по мосту, так что мальчишка впал в оцепенение от вида широченной реки, берега которой с трудом просматривались. Он не выдержал и сказал:

– Я еще никогда не видел столько воды!

– Да, это одна из самых больших рек в мире. Но кроме рек, есть еще и моря, в которых намного больше воды, – сказал папа.

– А что такое море?

– Море – это когда ты стоишь на одном берегу, а другой берег не виден.

– Совсем-совсем?

– Совсем. И тебе кажется, что у моря другого берега вообще нет.

– А где же его другой берег?

– Он, конечно, есть. А не видно потому, что до него тысячи километров – ну, как от нашей станции до Волги.

– Ничего себе! Это столько дней ехать до другого берега моря? – сообразил мальчишка.

– Не ехать, а надо плыть на корабле. Помнишь, я тебе рисовал корабль с парусами?

– Помню! Пап, скажи, а что видит человек, когда стоит на одном берегу моря?

– Видит широченную воду до самого неба.

– Одну только воду до самого неба? Как интересно!

Диалог закончился из-за того, что по вагону, крича: «Раки! раки! раки!», шел большой краснолицый мужик, держа перед собой огромный поднос, накрытый скатеркой,

на которой лежала горка чего-то страшноватого красного с длинными тонкими усами и непонятными лапками.

– Пап, а что это он несет? – спросил удивленно мальчишка, пятясь поближе к окну.

Мужик как раз оказался в их отсеке, и чуть ли не тыкая подносом в лицо мальчишке, пошутил:

– Ну, чё, берем к пивку, или как?

Мальчишка со страхом смотрел на эти дивные красные существа. Папа, увидев испуганные глаза мальчишки, сказал, немного отодвинув поднос мужика:

– Не бойся, сынок, это раки, они уже сваренные и потому очень красные от кипятка.

– И не кусаются, – сказал мужик, взял одного крупного рака и протянул его мальчишке.

– Дядь, не надо, уберите его, – замахал руками мальчишка.

После Волги дорога пошла веселее. На разных станциях часто заходили всякие продавцы, предлагая пассажирам свой товар. Одна тетка торговала большими коричневатыми пуховыми платками, приговаривая: «В таком платке не страшны и сибирские морозы». Мама долго примеряла такой теплый мягкий платок, но цена была для нее велика, и она, возвратив, ответила:

– Спасибо, но Сибирь мне уже не нужна.

Один длинноволосый бородастый дядька с сумой на плече, играл на гармошке, и высоким громким голосом пел: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах». Приостанавливаясь у очередного отсека, он замолкал и, протягивая фуражку, просил: «Помогите собрать на билет, до матушки никак мне не добраться». Получив небольшую денежку, он шел дальше, продолжая свою тягучую заунывную песню. А другой смешной лысый дядька останавливался у отсеков, показывал фокусы на картах, предлагая сыграть, а если никто не реагировал, то предлагал купить детям свистульки со звуком «уйди-уйди» или трубочку с коробочкой, из которой он делал большие пузыри. Пузыри разлетались и лопались.

Мальчишке все было так интересно, что он не заметил, как пролетело много станций, которые так и не были записаны в его книжке.

Поздно вечером папа сказал:

– Достань гитару из мешка, а мешок отдай маме. Ей он сейчас будет нужен. Завтра приезжаем в Москву.

Мальчишка давно знал это волшебное слово. И перед сном он лежал и долго про себя повторял «Москва... Москва... Москва...».

5

Казанский вокзал сразу же окунул их в свое огромное пространство гула, криков, толкающихся и спящих в разные стороны спешащих людей и носильщиков. Казанский вокзал – это огромный котел человеческих судеб, радостных встреч, слез и разлук. Ошарашенный мальчишка, тесно прижав к груди обнаженную гитару, удивленно озираясь по сторонам, шел рядом с тележкой носильщика, груженной их пожитками. С трудом и с криками: «Берегись!», проталкиваясь по огромному перрону, носильщик ввез в зал ожидания тележку и остановился у длинных рядов со скамейками. Разгрузили тележку и сели, а папа ушел за билетами к кассовым окошкам, у которых стояли длинные очереди.

Мальчишка, сидя с гитарой, все еще разглядывал огромный гулкий зал с высоченными колоннами. Потом его глаза поднялись вверх, и он залюбовался потолком, росписями и узорами лепнины. Неожиданно возле него остановились двое в кирзовых сапогах «гармошкой»:

– Эй, пацан! – прохрипел один из них, с погасшей в зубах папироской. – Твоя гитара?

Мальчишка, увидев этих страшноватых и угрюмых верзил, лишь кивнул головой.

– А дай-ка нам поиграть.

Мальчишка крепче прижал к себе гитару и отрицательно замотал головой.

Верзила удивился:

– Это почему?

И тут вернулся к мальчишке голос:

– Папа не велел.

– А где твой папа?

Мальчишка кивнул в сторону касс, еще сильнее прижимая гитару.

Другой верзила неожиданно наклонился к нему, обдав его перегаром:

– Ты не бойся, дружок, мы ее не заберем, а вот тут рядом поиграем, – и взялся за гриф.

Мальчишка попытался выдернуть гитару из его лапищи, но тут подошел папа и громко спросил:

– Зачем у сына отбираете гитару?

Верзила выпрямился, вяло улыбнулся:

– Да вот хотел с приятелем одну песенку тут спеть, разрешите?

– Ладно, если только тут.

Верзилы, взяв гитару, присели на свободные места и затаили: «Таганка... я твой последний арестант, погибли юности талант...» Пели они тихо и задушевно. Мальчишка вслушивался в слова и никак не мог понять, за что их вроде бы посадили, а они вот тут, на вокзале.

Верзилы, увидев милиционера, идущего прямо на них, отдали гитару и быстро исчезли в толпе. Папа посмотрел им вслед и сказал, что надо перебираться на другой вокзал, потому что только с другого вокзала идет дорога на запад.

Мальш с восторгом смотрел на Москву из окна автомобиля с шашечками на дверцах. Он увидел, как толстый таксист нажал на какой-то рычажок, и вдруг понеслась задорная песня: «Утро красит нежным цветом стены древнего кремля!». От этой песни, пролетающих мимо высоченных домов с тысячами окон, от скорости автомобиля – у мальчишки закружилась голова. И ему так захотелось крикнуть всем пешеходам что-то хорошее. Но он этого не сделал, потому что он помнил слова папы: «Радость надо уметь прятать от людей, как белка прячет на зиму шишки».

По дороге на другой вокзал папа спросил таксиста, сколько будет стоить проезд.

– Рублей 500, плюс минус.

– Дорого берете, – ответил папа.

– Беру как все, цену не я назначаю, а дорога, чем дальше, тем дороже, – добродушно ответил таксист.

– Понятно... Но вот не знаю, хватит ли мне денег для оплаты.

Таксист резко затормозил:

– Ну, знаете ли! Посчитайте свои деньги, если вам их не хватает для оплаты услуги, то попрошу освободить машину.

Папа пересчитал денежки и понял, что на такси не хватит. Затем достал из штанов серебряные карманные часы и, держа за цепочку, спросил:

– Скажите, а вот этого за проезд хватит?

Таксист, увидев красивые часы, взял и приложил к уху:

– Но они не ходят, – безразлично сказал таксист.

– Знаю. Надо сменить простую пружинку от любых карманных часов, как сказал мне часовщик. Но я тогда не смог заплатить за мелкий ремонт. Смотрите, они, как новенькие, из чистого серебра и есть клейма высокой пробы. Прочитайте, там написано, что часы изготовлены в 1895 году в Голландии.

Таксист, открывая все сверкающие крышечки часов и читая все надписи, наконец, удовлетворенно произнес:

– Ладно, поехали, – и положил часы в карман.

Пока такси двигалось к вокзалу, мальчишка подумал, что никогда не видел у папы этих часов. Откуда же они у него? А может, привез ему дядя Петя – мамин брат, когда он три года назад у них гостил? – вспоминал мальчишка.

6

Другой вокзал оказался таким же шумным и многолюдным. Мальчишка, не выпуская из рук гитару, так устал от дороги, от первого вокзала, от толчеи, от

верзил и такси, что почти не обращал внимания на происходящее.

Наконец, они сели в вагон поезда, идущего на запад. Долго устраивались в своем отсеке, раскладывали нужное им в дороге. Мальчишка сразу же полез на верхнюю полку и замер, закрыв глаза. От усталости у него в мозгу все еще мелькали какие-то лица, вагоны, паровозы, тележки, рельсы с фонарями и огромная водопроводная с льющейся водой из своей кривой трубы. Его отрезвил папин голос:

– Смотри, что я тебе купил, – и папа протянул ему книжку.

Мальчишка мгновенно сел и прочитал название: «Серебряные коньки». Ах, как он мечтал о коньках, когда папа рассказывал о них и рисовал ему в тетради маленьких человечков на коньках!

– Папа, а про что книжка?

– Ты же читать умеешь? Вот и узнаешь, – улыбнулся папа.

Мальчишка открыл книжку и начал читать.

«Много лет назад в одно ясное декабрьское утро двое бедно одетых ребят стояли, пригнувшись к земле, на берегу одного замерзшего канала в Голландии. Солнце еще не взошло, но серая пелена на горизонте уже разорвалась, и ее края зарумянились, озаренные малиновым светом наступающего дня. Почти все добрые голландцы покоились в мирном утреннем сне. По каналу, покрытому гладким, как стекло, льдом, время от времени пробегали на коньках люди: то крестьянка с туго набитой корзиной на голове, то бойкий юноша, который спешил в город на работу и, проносясь мимо дрожавших от холода ребят, строил им добродушную гримасу.

Между тем эти двое – брат и сестра – пыхтя и напрягаясь, привязывали себе что-то к ногам – не коньки, конечно, нет, – а просто деревянные полозья, грубо обточенные и стесанные книзу, с дырками, через которые были продернуты ремешки из сыромятной кожи. Диковинные коньки сделал себе и сестре Ханс – так звали мальчика...»

– Папа, а что такое Голландия? – свесив голову вниз, спросил мальчишка.

Папа, отложив свою тетрадку с карандашом, ответил:

– Есть такая маленькая страна Голландия далеко-далеко на западе.

– Скажи, а почему ты отдал таксисту часы, которые не показывают время?

Папа внимательно, изучающе, посмотрел в глаза мальчишки:

– Скажи, пожалуйста, как ты думаешь – нужно ли мне остановившееся время?

Мальчишка молчал и понимал, что на этот вопрос он не сможет ответить. Знал он точно – то, что навсегда останавливается – это плохо. Он видел, как сломанные машины и трактора останавливались навсегда и покрывались ржавчиной. Он соображал, как ответить папе:

– Папа, мне не нравится такое время.

Мальчишка решил сменить разговор:

– А паровоз нас в Голландию довезет?

– Нет, туда наши паровозы не ездят, потому что там узкие железные дороги, и наш паровоз может остановиться и в землю провалиться. А почему ты спросил про Голландию?

– Как жалко, что туда не ездят наши паровозы...

– А почему жалко?

– Я бы там тоже научился делать себе коньки...

– Я понял. Про Голландию ты уже вычитал из книги, – улыбнулся папа – Ладно, иди читай дальше, будет еще интереснее.

Мальчишка кивнул и снова окунулся в чтение:

«Мать Ханса была бедная крестьянка, такая бедная, что она и подумать не могла о покупке настоящих коньков для своих детей. Но как ни грубы были эти полозья, они дали возможность детям провести много веселых часов на льду. А сейчас, когда, стараясь надеть их, наши юные голландцы изо всех сил дергали за ремешки застывшими красными пальцами, и так согнулись, что чуть не касались

коленей сосредоточенными лицами, и никакие несбыточные мечты о стальных лезвиях не омрачали их радости...»

Уже было темно, в вагоне проводник выключил освещение.

Мальчик отложил книжку и подумал, что они с сестренкой очень похожи на тех детей из книжки. Но у тех есть самодельные коньки, а у них нет. «Ничего, – подумал он, – как только приедем, я найду хорошие палочки и веревки и сделаю себе и сестренке отличные коньки. Вот только разрешил бы папа пользоваться его ножичком, который режет «как по маслу».

С утра мальчишка с сестренкой веселились, оттого что трудно было пить чай в качающемся вагоне. И каждый глоток давался с трудом и смехом, чай расплескивался из стакана, или слетал с губ брызгами от хохота.

После завтрака он полез на полку читать свою книжку про мальчика Ханса и коньки. Мальчишка потерял интерес к станциям, к самой дороге, ко всей жизни вагона. Он все больше влюблялся в этих голландских детей, им сопереживал и часто откладывал книжку, чтобы про себя мысленно повторить и оживить прочитанное в придуманных им картинках. Книжка, хотя она была очень грустной, ему очень нравилась, и трудно было оторваться на обед и ужин.

Но вот пришла ночь.

Перед сном папа с мамой необычно засуетились, собирая все разбросанное по полкам, и даже забрали у него книжку, чтобы упаковать в чемодан. Мальчишка, глядя с полки на эту суету, спросил:

– Что, скоро снова выходим?

– Выходим мы завтра с утра, – ответил папа.

– Завтра будет запад?

– Нет, мой дорогой. Завтра будет наш город, который ждет нас на западе нашей огромной страны.

О БЕДНОМ СЛУЖИТЕЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

ПОРЯДОК И БЛАГОЧИНИЕ
НА НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДАХ В XIX ВЕКЕ.

Татьяна СМИРНОВА

Научный сотрудник
Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал».

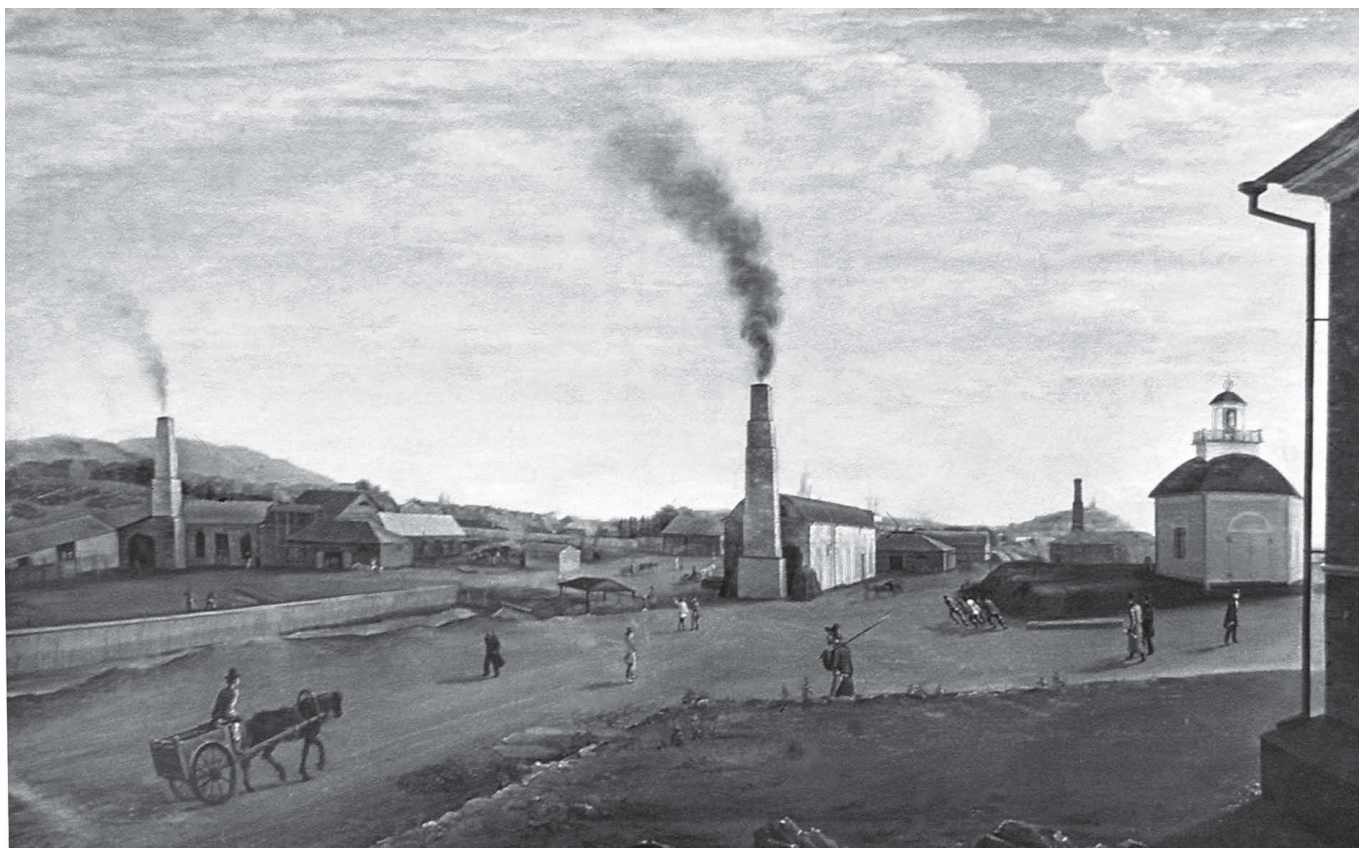
Защита, признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека, и с 1950 года именно этот день считается Днем защиты прав человека. Сам человек, его права и свободы являются высшей ценностью в соответствии со статьей 2-й Конституции России. Но так было в мировом и российском обществе не всегда. О нарушении прав работников и служащих Нижнетагильского завода, о правозащитниках XIX века и их трагической судьбе и пойдет речь в этой статье.

ЗАВОДСКОЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Жил в Нижнем Тагиле Терентий Саватеев Истомин. Был он служителем на Нижнетагильском заводе. И было ему, Истомину, 37 лет от роду по 8 ревизии (1834 год), следовательно, родился он, вероятнее всего, в 1797 году. Истомин был единоверческого вероисповедания, грамоте учен. В 1850 году Терентий Истомин был приговорен «по решению Уральского горного правления за слушание и неповиновение в исполнении заводских работ к наказанию при полиции розгами пятидесятью ударами», но решение над Истоминим в исполнение приведено не было «по случаю объявления неудовольствия заводладельцев» (ограничились пятнадцатью ударами вместо пятидесяти). А причина неповиновения была в следующем – Терентий Истомин отказался работать и требовал пенсии, положенной ему как

«вечноотданному» за 40-летнюю «беспорочную» службу на Нижнетагильских заводах. Свои права Истомин обосновывал тем, что считал себя «приписным вечноотданным к Нижнетагильским заводам, а не крепостным заводладельцев Демидовых», в связи с чем почитал себя вправе пользоваться дарованным от правительства правом на отставку от службы и на получение пенсии на основании Горных узаконений 3 тома Свода законов 809 и 810 статей (так в документе – Т.С.) и в соответствии с данными 5 ревизии 1794 года.

В деле Истомина была весьма пикантная подробность – Истомин «почитал» себя потомком «природного дворянина» Ивана Григорьева Градова, который приходился ему, Терентию Истомину, прадедом и, соответственно, подлинная фамилия Терентия была не Истомин, а Градов. Прадед Терентия Иван Градов проживал в Московской губернии Тверской Ямской улицы Благовещенского прихода Ружейной слободы (в 1850-х годах эта слобода называлась Стрелецкой). Градов был старообрядцем, приверженцем старой веры, возможно, происходил из стрельцов. По словам Истомина, дворянство было дано Ивану Градову покойным Государем Петром Первым, в связи с чем Градов имел право проживать, где пожелает. Но поскольку в то время начались стрелецкие бунты (по-видимому, речь идет о бунте 1698 года), то «помянутый его прадед», чтобы «удержаться ему в старой вере», прибыл с семейством своим в Нижнетагильские господ Демидовых заводы (когда – точно неизвестно, но не ранее

В.П.Худояров. Меднорудянский рудник. Из коллекции НТМЗ «Горнозаводской Урал».

1720-х годов – времени начала строительства Выйского и Нижнетагильского заводов), где и прописался в крепостное заводское состояние. Истомин называл прадеда «пришлым» и считал себя и своих четырех сыновей – «вечноотданными в казенную службу Нижнетагильским заводам», где он и прослужил господам владельцам в разных служительских должностях 40 лет. В том же документе Терентий Истомин называл себя «приписным Пермской губернии Верхотурского уезда господ наследников Демидовых заводов».

Однако Управление Нижнетагильских заводов донесло, что по данным ревизских сказок служитель Нижнетагильских заводов Терентий Истомин состоит крепостным господ Демидовых, а из какого звания происходят предки его по актам Управления – «не видно». Начал служить Истомин на Нижнетагильских заводах с 1812 года на разных низких служительских должностях: содержанием разной железной ветхости 4 года, записчиком поденных

работ 3 года, по золотым промыслам, лесобъездчиком 7 лет, в 1826 году смотрителем на золотых промыслах 2 года. В 1838 году Истомин за худое поведение от должности «отрешен», поступил в заводскую полицию, где и прослужил в должности квартального 11 лет (по свидетельству самого Истомина, он служил частным приставом в 3-й части Нижнетагильского завода, правда, неизвестно какой срок), и затем служил в караване писцом 9 лет. В 1848 году за беспорядки и упущения по службе, худое поведение и дерзости начальству он был совершенно исключен из служительского штата и замещен в личную работу. Но по приезде господ владельцев «последним летом» в заводы Истомин был прощен ими и уволен от работ на свое пропитание, после чего он стал «домогаться» пенсии за выслугу лет – сначала просил лично управляющего Нижнетагильскими заводами Дмитрия Васильевича Белова, а потом обратился с этой же просьбой к «заводовладелице» Авроре Карловне Карамзиной. И хотя Аврора Карловна

обещала Истомину «оную (пенсию – Т.С.) определить», но просьбу не выполнила. Истомин «никакого удовольствия не получил», вместо чего продержали его трое или пятеро суток в тюрьме (по другой версии – в заводской сторожке) за то, что Истомин «оказал дерзость и грубость лично владелице заводов и опекунке над малолетним сыном своим Авроре Карловне Карамзиной».

ДВОРЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕНСИЯ ЗА БЕСПОРОЧНУЮ СЛУЖБУ

В 1849 году Истомин подал главному начальнику Горных заводов жалобу, что как предок его будучи дворянином Уральского хребта только приписался в крепостное состояние к Нижнетагильским заводам, то он, Терентий Истомин, считая себя с четырьмя сыновьями вечноотданными, за выслугу 40 лет просил Заводоуправление и госпожу заводовладелицу о назначении ему пенсии, за что его наказали и выдержали

в тюрьме 5 суток. А поскольку в 1850 году Истомин имел от роду 53 года и, по удостоверению тагильского лекаря Романова, сложения был довольно здорового, болезней никаких не имел, а потому легкие заводские работы исполнять мог, то управление распорядилось употребить Истомина в «личную работу, свойственную его летам с производством ему платы». С января 1850 года он был отчислен в работу на поверхности Медного рудника.

Однако 30 января 1850 года Управление Нижнетагильских заводов донесло заводскому исправнику, что крепостной крестьянин Нижнетагильского завода Терентий Саватеев Истомин в работе совершенно не находился, хотя ему многократно делали внушение, но «ни внушения, ни даже сделанное ему заводским исправником оштрафование не подействовали», и Истомин решительно объявил, что не будет нигде работать. По словам Истомина, он прослужил на Нижнетагильских заводах 40 лет «беспорочно и без штрафа, кроме того, что ныне был оштрафован заводским исправником при Нижнетагильской управе благочиния розгами пятнадцатью ударами, что почитает себе за обиду и бесчестье».

Истомин, оправдываясь от несправедливых, по его мнению, обвинений утверждал, что он был исключен из службы в сентябре 1847 года не за «худое поведение и дерзости заводскому начальству», а по несправедливым доносам управляющего металльной продажи Крушина. Истомин отмечал, что не сделал никаких господам владельцам убытков и получал жалованье с пособием 706 руб. 75 коп. ассигнациями в год, а розгами был наказан «пятнадцатью ударами с переменной так, что кровью замаралось платье, потом засажен в тюремную сторожку, где и выдержан был «пятьдесят (пятьдесят или все-таки пять? – Т.С.) суток... и отпущен без поручителей».

Такое поведение Истомина – демонстративный отказ от работы

– показывало «самый дурной пример неповиновения» всем прочим служителям и работникам Нижнетагильских заводов. И чтобы другим неповадно было – «дабы Истомин не мог примером неповиновения сделать влияние на умы других рабочих, было принято решение на основании 156 статьи Уложения наказать розгами в мере определенной 35 статьей для первой степени ста ударами (по другим документам – 70 ударами – Т.С.) и сослать в Сибирь на поселение».

ДОНОС О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С КРЕПОСТНЫМИ ЛЮДЬМИ НА НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДАХ

В ответ Истомин подал апелляцию на Уральское Горное Правление в Правительствующий Сенат, а 31 мая 1851 года Истомин, «находясь в Верхотурском тюремном замке под стражей», подал прошение на Высочайшее имя Государю Императору Николаю Павловичу. Подписал прошение Терентий Саватеев сын Истомин как «приписной господ Демидовых отставной дворовый служащий». В прошении Императору Истомин упомянул поданное им 12 апреля 1850 года доношение министру финансов о жестоком обращении Нижнетагильского заводууправления с крепостными людьми и подробно изложил суть дела. Этот донос был впоследствии признан «ложным». И вот разворачивается второе действие этого интереснейшего дела. В прошении на имя Государя Императора Николая Павловича Истомин сообщил: «Во время проживания моего в Нижнетагильском заводе, имел я доношение Его Высокопревосходительству господину министру финансов от 12 апреля прошлого 1850 года о жестоком наказании розгами при Нижнетагильском горном руднике прикащиком Ивановым Шмаковым такового же приписного Ермила Колесникова, которое наказание и было причиной

его смерти, почему и был командирован от Екатеринбургского Горного Правления для производства следствия чиновник особых поручений господин Сафонов». Сафоновым было произведено следствие, которое Истомин охарактеризовал как неосновательное и имевшее многие недостатки, почему он и решился просить защиты у министра финансов.

СЛЕДСТВИЕ О ГИБЕЛИ ЕРМИЛА КОЛЕСНИКОВА

А суть дела была в следующем: Истомин обвинил управляющего Нижнетагильскими заводами Белова и приказчика Ивана Шмакова, что они подвергают жестокому наказанию заводских людей и что 21 марта 1850 года Ермил Матвеев Колесников за просрочку двух часов в явке на работу был так жестоко наказан приказчиком Шмаковым, что умер 28 марта того же 1850 года.

Участники конфликта: приказчик Медного рудника Иван Леонтьевич(?) Шмаков 38 с половиной лет, полицейский Ткачев 26 лет (по данным 8 ревизии), приписной Ермил Колесников. Узнал о жестоком наказании Ермила Колесникова «доноситель» (доносчик) Терентий Истомин от родственника умершего Леонтия Колесникова и крестьянина Емельяна Старикова.

Следствие по данному делу проводили чиновник особых поручений Севастьянов и уже упомянутый чиновник особых поручений Сафонов, командированный от Екатеринбургского Горного Правления.

Первоначальное дознание проводил Севастьянов, который выяснил, что крестьянин Ермил Колесников 20 марта 1850 года находился в работе на Медном руднике и, получив жалованье, домой пришел пьяный, а на другой день 21 марта 1850 года вновь пьянствовал. Вместе с крестьянином Стафеем Сотниковым в пьяном виде Колесников взят был на руднике полицейскими Ткачевым и Наги-

бинным и посажен под арест в арестантскую комнату.

22 марта Колесников и Сотников были наказаны розгами по распоряжению приказчика Медного рудника Шмакова и полицейского Ткачева. Колесникову было нанесено более 30 ударов розгами, так что у него «задние части тела просечены были до крови». После наказания Колесников и Сотников были отправлены в рудничную казарму. Поутру 23 марта Колесников, «встав в здоровом положении, наряжен был... в работу». Но плотинный Ухов, видя, что он работать не может, отправил его в квартиру, а оттуда в заводской госпиталь, где Колесникова осматривали лекарские ученики Иван Паклин и Волков и «ни рубцов, ни шрамов, ни струпов не заметили». К делу был приложен «скорбный лист» (т.е. история болезни) Нижнетагильского госпиталя, где имелась запись о том, что «Колесников ночью на 23 марта поражен был апоплексическим ударом от пьянства».

Сафонов проводил допрос «обмывальщика» мертвого тела Колесникова. Во время допроса выяснилось, что когда гроб с мертвым телом был вскрыт, то оказался наполненный водою, которая «могла способствовать для отточки кровей и синих боевых пятен». При этом было отмечено, что следы побоев «отмокнуть» (т.е. исчезнуть) полностью не могли даже после заполнения гроба водой. Более того, «обмывальщик» «показал» Сафонову, что «при обмывании мертвого тела Колесникова никаких боевых знаков от нанесения ударов наказания не было, в том утвердились рукоприкладством (т.е. подписали протокол допроса – Т.С.)».

Истомин в доносе пишет, что он устроил «смывальщику» Старикову «очную ставку», во время которой Стариков сознался, что «показание учинил ложное, и потом сделал другое с пояснением боевых знаков синими пятнами ... в том утвердили тоже рукоприкладством». Сафонов говорил Истомину, что у Колесникова «дей-

ствительно наладилась синие на холках пятна величиной показывал на чайную чашку, бывшую у него в руках».

Показания Сафонова могли бы подтвердить находившиеся во время процедуры осмотра тела медики Екатеринбургского завода (фамилию его Истомин не помнил) и Невьянского завода (Шмонин). Далее Истомин сообщил, что заседатель Нижнетагильской управы Благочиния Соловьев «воспретил» «обмывальщику» Старикову «в допросе показать» о «синих боевых пятнах», поэтому Стариков и «сделал ложное показание», чему есть свидетель.

В следствии участвовали «пнятые из крепостных крестьян господ Демидовых Иван Яковлев Кайгородов с товарищи всего 4 человека», которые свидетельствовали о наличии «синих боевых пятен» на теле Колесникова. А «при утверждении рукоприкладством» (т.е. при подписании протокола) их показания не были зафиксированы. Когда Истомин спросил Кайгородова, почему же он и его товарищи подписались «противозаконно», то Кайгородов объяснил, что они «к присяге призваны не были и подписали по принуждению начальства, потому как мы люди крепостные». Тем не менее, Истомин полагал, что Кайгородов с товарищами имеют на него «недовольство», так как он был частным приставом в «3-й части Нижнетагильского завода», поэтому Истомин просил «для повального спросу взять людей из 2-й части заводского селения».

По показаниям Колесникова, «ночью (21 марта – Т.С.) сделалось у него помешательство рассудку, и потом он лишился разговору и на другой день (22 марта – Т.С.) по утра с отверделым языком отправлен в госпиталь, по доставлении в оной случилось с ним трясение, что может свидетельствовать Гороблагодатских Кушвинских заводов господин медик». Эти факты при необходимости могли быть подтверждены вышеупомянутым медиком, а также и учениками

того госпиталя, и родственниками Колесникова, которые были подвергнуты допросу и давали показания служащим Нижнетагильского Заводуправления.

Написал это прошение государственный крестьянин Меркушинской волости Степан Никитин Ермаков, содержащийся под стражей в Верхотурском тюремном замке и «к оному руку приложил сам проситель содержащейся под стражей в Верхотурском тюремном замке приписной гг. Демидовых дворовый отставной служащий Терентий Саватеев сын Истомин». Прошение было подано 31 мая 1851 года в Пермскую Палату Уголовного и Гражданского суда.

НАКАЗАНИЕ ПРАВООЩИТНИКА

Дело о служителе Нижнетагильского завода Терентии Истомине, преданном суду за ложный донос господину министру финансов на жестокое будто бы обращение заводуправление с крепостными людьми, завершилось тем, что Истомин «за противозаконные деяния» был приговорен:

1. К наказанию от 20 до 50 ударов розгами «за упорное неповиновение начальству в исполнение возлагаемых на него работ»;

2. К денежному взысканию от 20 до 50 рублей «за ложное наименование себя дворянином»;

3. К лишению всех прав и преимуществ;

4. После наказания розгами он должен был быть отдан в исправительную арестантскую роту гражданского ведомства на время от 2 до 4 лет «за ложный донос о смерти крестьянина Ермила Колесникова, происшедшей будто бы вследствие жестокого наказания его приказчиком Шмаковым и полицейским Ткачевым по 3 подразделу 1166 статьи».

Решение Верхотурского уездного суда в отношении крепостного Нижнетагильского завода господ Демидовых крестьянина Терентия Саватеева Истомина 56

лет было приведено в исполнение. Истомин был наказан 70 ударами розгами. После телесного наказания он должен был быть отдан в исправительную арестантскую роту, а «в случае неспособности к работам в сей роте, по неимению в Пермской губернии рабочего дома» его предлагали «заключить в городскую тюрьму на 6 лет, с употреблением на самые тяжкие из установленных в сем месте заключения работы». Но, как следует из названия дела служитель Нижнетагильского завода Терентий Истомин, обвиняемый в неповиновении местному начальству, умер от наказания розгами. В названии дела фигурирует крайняя дата окончания дела – 19 декабря 1852 года. Возможно, эта дата и есть дата смерти Терентия Истомина или эта дата близка по времени к дате его смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ («РАЗМЫШЛИЗМЫ» О ДЕЛЕ ТЕРЕНТИЯ ИСТОМИНА)

Справедливы ли были притязания Терентия Истомина на дворянство или это была выдумка? Скорее всего, это было семейное предание, детали и достоверные подробности которого, возможно, были утеряны или искажены за давностью лет, но такой прецедент вполне мог иметь место. Ведь на Нижнетагильских заводах работали беглые крепостные, старообрядцы, спасавшиеся от религиозных преследований. Возможно, здесь могли искать убежища и по политическим соображениям беглые стрельцы, так как заводладельцам Демидовым нужна была рабочая сила, и они принимали практически всех, нуждающихся в работе, невзирая на принадлежность к религии и политические убеждения.

Конечно, настоящим правозащитником Терентия Истомина назвать трудно, но не будем забывать, что и современные правозащитники часто начинают свою деятельность по защите прав других людей с защиты собственных

прав. Именно так и поступил Терентий Истомин. Потерпев неудачу в своих притязаниях на получение пенсии, Терентий Истомин использовал известные ему сведения о смерти крестьянина Ермила Колесникова, работавшего на Медном руднике, для обращения к министру финансов с просьбой о расследовании нарушений в обращении с крепостными людьми на Нижнетагильских заводах. Будучи заключен в Верхотурский тюремный замок, Истомин подает прошение Императору, где жалуется на несправедливое с ним обращение со стороны Нижнетагильского Заводоуправления и заводладельцев, повторяет просьбу о пенсии и вновь сообщает о нарушениях в обращении с крепостными людьми на Нижнетагильских заводах, ссылаясь на факт смерти Колесникова и цитируя свой донос министру финансов. В своем прошении Терентий Истомин выделяет приписных и вечноотданных крестьян в одну группу и противопоставляет их крепостным крестьянам. Но юридический статус вечноотданных – казенных мастеровых, переданных владельцам посессионных мануфактур по указу 7 января 1736 года, позже претерпел существенные изменения – если сначала он был формально близким к положению приписных государственных крестьян, то указ от 30 октября 1755 г. предписывал всех «вечноотданных» «счислить с прочими отданными им с крепостными их мастеровыми людьми», т.е. фактически «вечноотданные» попали в число крепостных. Они считались собственностью не заводчиков, а неотъемлемой принадлежностью заводов. С течением времени все эти категории мастеровых и рабочих людей получили название посессионных.

Не имея на руках документов о дворянском происхождении, Истомин не смог доказать ни свою принадлежность к дворянству (хотя, возможно, это была всего лишь легенда), не смог обосновать свои права на получении пенсии, а

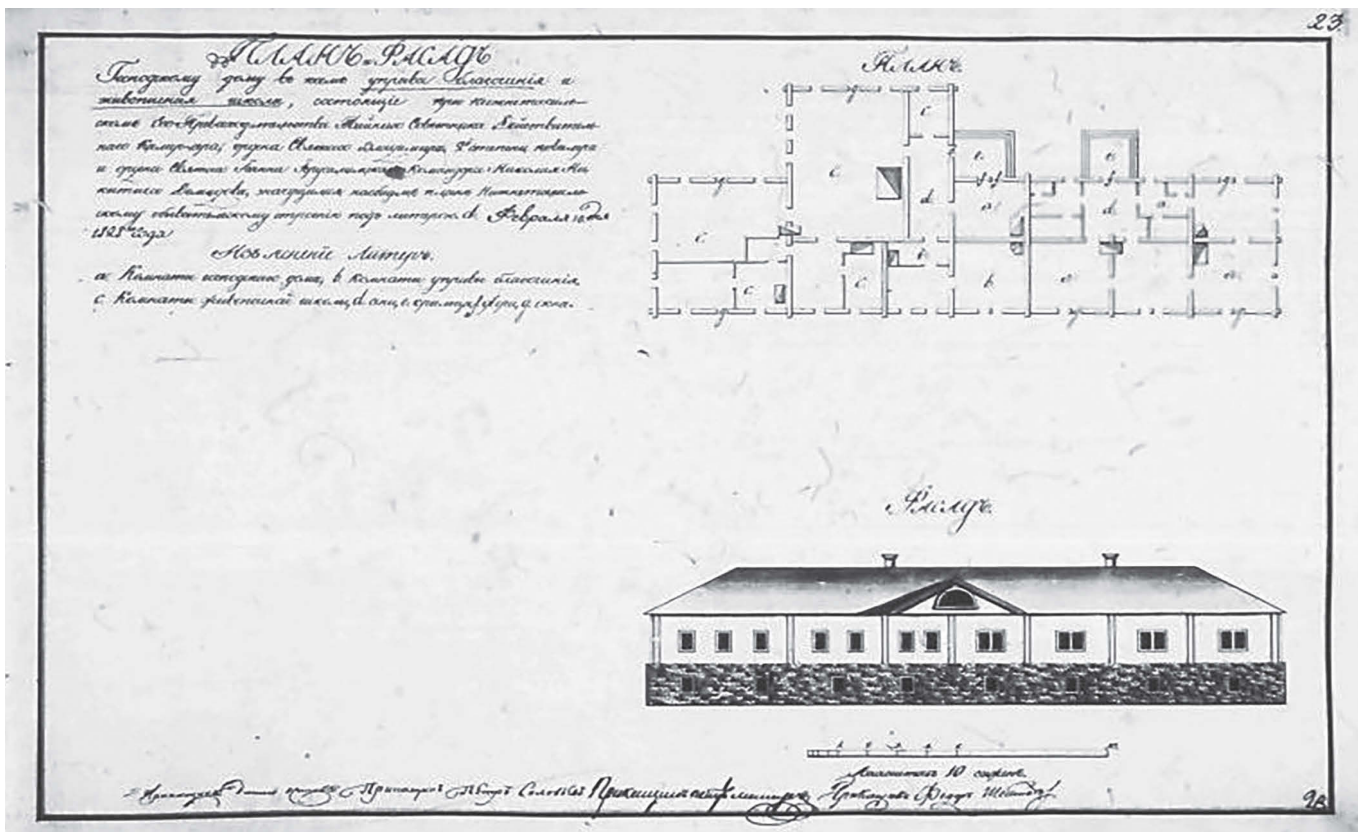
Нижнетагильское заводоуправление сообщило в Верхотурский суд, что Истомин по заводским документам является крепостным.

Итак, к сожалению, действия Истомина не привели к успеху. Его донос был признан ложным, а сам он подвергнут жестокому наказанию, которого не смог вынести и умер. Вот так печально закончилась борьба за свои права и защиту прав и улучшение положения крепостных Нижнетагильских заводов в середине XIX века. С тех пор прошло больше 160 лет, и сейчас права и свободы человека гарантированы государством и закреплены законодательно, но случаи правонарушений случаются и в настоящее время.

Нужно отметить, что, если Истомин сначала боролся за свои права и привилегии, а именно – за получение пенсии и за признание его потомком дворянина Градова, то позже его борьба становится более альтруистической – Истомин выступал против нарушений прав крепостных на Нижнетагильских заводах и, конкретно, за наказание виновных в смерти Колесникова. Именно последнее обстоятельство усугубило его положение, и, в конечном итоге, привело к смерти. Можно сказать, что Истомин погиб за попытку обрести правду и справедливость.

В статье использованы документы дела «О служителе Нижнетагильского завода Терентии Истомина, обвиняемом в неповиновении местному начальству, умершем от наказания розгами (20 января 1851 – 19 декабря 1852 гг.), хранящемся в Государственном архиве Пермского края в фонде «Пермские палаты уголовного и гражданского суда Министерства юстиции (г. Пермь)». Документы были обнаружены в 1986–1987 гг., но вводятся в научный оборот и публикуются впервые (ГАПК, ф. 177, Оп. 2, Д. 297).

Нормативно-законодательную базу по пенсионному обеспечению горнозаводского населения содержит Проект Горного положения 1806 г. (раздел «Об отставке и пен-

Управа благочиния. Нижнетагильский завод. Чертеж 1828 г.

сии Горных, военных и статских класных и нижних чинов, мастеровых, служащих в горных ротах рядовых и прочих служителей»). В документе № 597 говорится о том, что «мастеровые и рабочие люди получают при отставке в пенсию за ...беспорочную службу ...40-летнюю и более, две трети жалованья или вместо пенсии единовременное трехгодное их жалованье». Также при назначении пенсии требовался формулярный список, о чем сообщалось в документе № 621 Проекта Горного положения. Речь идет о Горной службе, т.е. о казенных горных заводах. Но, судя по делу Терентия Истомина, который требовал отставки и пенсии за 40 лет беспорочной службы на заводах, возможно, основные положения нормативно-законодательной базы по пенсионному обеспечению казенных горных заводов применялись на частновладельческих и посессионных заводах.

Изученные автором документы – статьи № 584–699 Горного положения, опубликованные в томе 29 Полного собрания законов Россий-

ской империи, содержат сведения о назначении пенсий на уральских заводах мастеровым, крестьянам, вдовам. В вышеуказанных статьях № 597 и № 621 действительно говорится о необходимости «беспорочной» службы в «урочные годы», т.е. за определенное количество лет (что постоянно подчеркивал Терентий Истомин в своем прошении). Если сделать точный подсчет, служил Истомин на Нижнетагильских заводах несколько меньше, чем 40 лет, но в документах он оперирует именно этой цифрой – видимо, именно 40 лет службы были необходимы для получения пенсии. Упомянутые в прошении Истомина 809 и 810 статьи Горных узаконений 3 тома Свода законов автор не имел в своем доступе. Поиск и анализ нормативно-правовых документов по данной теме могут составить предмет дальнейшего исследования.

Тема защиты прав человека актуальна и сегодня. До сих пор сохраняется низкая правовая культура населения. Прежде чем обращаться в суд и начинать су-

дебную тяжбу, человек должен ясно представлять себе, к каким последствиям могут привести его действия – ухудшить или улучшить его положение. Очевидно, что Терентий Истомин свои действия четко не продумал, т.к., прежде всего, отсутствовала нормативно-законодательная база документов для удовлетворения его требований и отсутствовали документы, подтверждавшие права Истомина на дворянство и на принадлежность его к категории «вечноотданных». Кроме того, он выбрал заведомо проигрышную форму протеста – демонстративный отказ от работы и требование возобновления следствия по делу Колесникова без достаточных оснований – без подтверждения свидетельскими показаниями и документами, что и привело к печальным последствиям, а именно к гибели Истомина от тяжелого наказания.

КАК ЭТУ ПАМЯТЬ МНЕ ОСИЛИТЬ?..

*Светлой памяти
Марфы Ивановны
Обловой (Барабановой).*

Записано с ее слов.

Николай ПОКИДЫШЕВ

г. Курган.

Просматривая свои пометки в рабочем блокноте за восемьдесят восьмой и девяностый годы, я наткнулся на записи о воспоминаниях моих родных об одном, наверное, из самых неоднозначных вопросов в истории нашей страны: периоде коллективизации.

У отца и мамы он пришелся на детские годы, у кого-то из родных – на годы юности, а для их родителей он со всей своей беспощадностью означал одно: «Как выжить?»

Можно написать: «Отречемся от старого мира!», можно с воодушевлением это петь, но как прокормить семью, когда она сам-семнадцать, ответа не получишь. Цена ошибки – твоя жизнь, жизнь жены и детей.

Это в сказке на распутье стоят указатели: «Пойдешь направо – славу добудешь, пойдешь налево – голову потеряешь».

Все было, да немного нам старшие рассказывали о жизни в ту пору, за нас опасались: как бы мы на себя нечаянно, по детской откровенности, беды на себя не навлекли...

В тот вечер, в декабре восьмидесяти восьмого, проездом в Ленинград, я, как обычно, остановился у своих родных в любимом с детских лет Кратово. Только вечер оказался необычным.

Во-первых, в кои-то веки, моя тетя Марфа Ивановна оказалась свободной от неот-

ложных домашних забот: в большой комнате, она взяла что-то. А во-вторых, усадив меня за ужин, она заговорила со мной откровенно...

Ты вот, сынок, спрашиваешь, как я в Москве оказалась? История-то моя издали начинается.

Сколько себя с малолетства помню – всё в поле. Отец с раннего утра до ночи не разгибался. Никогда мы работников не держали. Три лошади у нас было, дак и семья двадцать два человека. Брошенную барскую землю на горе расчистили, вспахали. Стали там дыни, арбузы, тыквы садить.

Брат отца все время к нему ходил:

– Братка Вань! Помоги то, помоги это...

Бабушка, мамина мать, с палочкой придет:

– Дочка! Помоги им! Вам за них Господь дает.

Мама ей отвечает:

– Господь за труды нам дает. И не им я даю – тебе. Отойдешь – ни крошки им, лодырям, не дам!

Ведь он, брат отцов, и в правду лодырь был, каких поискать. И дочери его, ленивые девки, морду накваской, кислым молоком, с утра намажут и сидят весь день. Зато бабушка души в них не чаяла. Придет к нам, сядет чай пить, на нас своих внушек, чуть глянет и давай тех нахвалять. Мама, когда не выдержит, в сердцах и бросит:

– Да, твои-то девки белянки, а мои – цыганки: весь день с нами в поле!

Те вечером накрасятся – и на гуляние. Про лень их все в округе знали. Потому выдавали их замуж в дальние деревни, километров за двадцать. Только их и там мужья потом повыгоняли.

Знаешь, что этот брат отцов вытворял?

Вернемся с поля в канун праздника церковного, а дом обворован. Отец уж знает, чьих рук дело, идет к брату:

– Ну, возвращай не свое!

А тот, подвыпивший, куражится:

– Не убудет с тебя! А у меня в доме пусто в Праздник Святой!

– Что на Праздник – себе оставь, остальное – верни.

Сколько раз так было!..

А как колхозы стали делать, в активисты пошел. Ну, а раз самый бедный, в правление поставили. Там и правил. Написал на отца: работников держал, барскую землю присвоил.

Помню, осенью двадцать девятого года вывезли нас километров за пятьдесят от деревни. Поселили в землянках: кто их выкопал – не знаем. Воды внутри было до колена, а спали на нарах. Вот с одних нарах другие доски бросили и по ним и ходили. А охраняли лагерь комсомолы с ружьями, с плетками.

Народ собрали разный, но больше было попов с семьями, монахов и монахинь.

Туалетов не было: умудрялся сам как хочешь. Вот один батюшка постеснялся при всех нужду справлять, отошел в рожь метров за сорок. А охрана увидела. Налетели с плетками, давай хлестать... Потом притащили к землянкам. И полчаса не пожил. Обмывать начали, а на нем, на теле, живой веточки

нет: весь в кровь расхлестан, иссечен. Попадья от горя в беспмятство впала...

Из лагеря девкам можно было замуж выходить. Комсомолы, бывало, скачут около землянок на конях, зубы скалят:

– Ну, девки, кто в Сибирь не хочет, выбирай жениха! Прямо сейчас заберем отсюда!

Многие, под слезы и благословение материнское, так спаслись. А мне – куда от больной матери деваться? Она, конечно, уговаривала:

– Доченька, сгинешь со мной! Выйди к безбожникам!

Ослушалась мать: не вышла.

Кто остался – увезли на станцию, погрузили в вагоны и повезли. Ехали долго. Выгрузили где-то посреди степи, где и землянок не было. Сами копали. И опять – холод, голод, вода на полу. Мама уже совсем плоха стала. Слово с меня взяла. Иконку Казанской Божьей Матери, заступницы, дала целовать. Поклялась, что сбегу.

С той иконкой и сбежала с одним из нашей деревни. Рыжий был и очень веселый. Петром звали. Вдвоем пробрались до станции, там спрятались в паровозный тендер с углем. Петр всю дорогу шутил, сватался:

– Как приедем, Марфа, под венец пойдем! Полюбил я тебя, девка!

Доехали до Пензы, потом и до деревни добрались осторожно. Постучались к Петровым родным. Те, как нас узнали, целуют, плачут:

– Бегите, бегите отсюда! В Москву пробирайтесь. Там миру много, никто никого не знает!

Только Петр и так весь простыл: дорогой все меня от холода кутал. Дома и помер.

В Москву я одна подалась, к няне своей: адрес мне ее дали.

Няня встретила хорошо, приютила.

Через какое-то время карточки потеряли, а без них – хоть помирай. Няня на фабрике работала, бедовая была:

– Мы, Марфа, к Крупской пойдем. Наши фабричные от профячейки к ней ходили, помогла.

Пошли мы в Кремль на прием, а я от страха говорить не могу: вдруг опять увезут в Казахстан? А няня:

– Чего там! Идем, идем!

Тогда пройти просто было. Пришли, документы показали милиционеру. Он нам комнату назвал.

Крупская спрашивает:

– А родители где?

Что ей сказать? Схитрила немного, говорю:

– От тифа померли.

А где – молчу.

Она поняла, засмеялась. Пишет бумагу: «Выдать продуктовые и промтоварные карточки за этот месяц и за два предыдущих».

На обратной дороге нежданно встретили нашей барыни дочку: она в самом Кремле секретаршей работала. Увидела меня – обрадовалась, в гости пригласила. А я опять боюсь, думаю: «В гости-то хорошо, да вдруг как узнает, откуда я сбежала?..» Так больше и не виделись.

Потом с мужем, с Леней, познакомилась: он в Перово на станции работал. Поженились. Вначале в вагончике жили. Потом нам комнату в Кратово в железнодорожном доме дали. Тот дом, на Нижегородской, и ты уже помнишь: двухэтажный, бревенчатый. Их еще «наркомовскими» называли по тогдашнему наркому железных дорог Кагановичу. Оттуда я Леню на войну дважды провозжала: в сорок первом, когда началась, а потом в конце со-

рок третьего. А получилось так потому, что его как железнодорожника, по «брони», с фронта в сорок втором осенью направили опять на станцию Перово. Дома-то почти не бывал: на военном положении – значит, на военном. С двумя малыми сынами на руках ждала его. Только после Победы вернулся, из-под Праги. Это уж потом, когда их младшенький, Коля-то, тоже демобилизовался, собрались они все братья-солдаты, дяди твои и папка твой, дак и наговориться не могли. Много узналось. Мой-то, Ленья, с младшим вместе под Прагой воевали, а знать и не знали того. С письмами не просто было. И дед с бабушкой извелись: пять сыновей и зять, как ушли – ни весточки. Первое от твоего отца, из госпиталя, в августе 1942, получили. Похоронки на самого старшего, Васю, и на зятя Ваню, и те с опозданием пришли. А где похоронены – так и не знаем. Вот и подумай, как я радехонька была, когда мужа с войны отпустили. Думала: пусть хоть и редко дома ночует, а все не на войне. А второй раз проводила – как окаменела изнутри. Почту и ждала, и боялась: письмо-моношу увижу – аж ноги подсекались...

Дождалась. Там и третий сынок после войны родился. Снова мирной жизни учились. Впятером на четырнадцати метрах.

...В конце семидесятых с Варей, младшей сестрой, приехали в родную Березовку. Вдруг Варя как бросится на одного мужика и давай его по морде хлестать. Кричит:

– Жив, жив, гад! А помнишь, как на мне, семилетней, на телеге сидел, смеялся: «На кулацкой-то подстилке мягше ехать!»

А мужик молчит, только хочет все руки поднять, закрыть-ся.

Я Варю еле оттащил:

– Ты что, – говорю, – ополумела? Засадят ведь из-за такого г...на!

С нами кума была. Их семью тогда чудом не тронули. Тоже расстроилась:

– Варька, что творишь? Он же сельсоветовский! Мы сколько лет здесь живем, и то, что случись, сразу – «Выродки кулацкие!»

В ту же ночь и уехали.

– Коля, милый! Какие кулацкие-то? Ты на руки мои глянь!

И тетя Марфуша протягивает ко мне свои натруженные, с распухшими суставами, никогда не знавшие покоя, руки.

Чуть успокоившись, с передаваемой горечью, роняет:

– Я про свою деревню и слышать не могу: аж всю заколотит, когда про нее заговорят... Да ты кушай, кушай. Заговорила я тебя. Пойду чайку подогрею.

А у меня ком в горле. Пораженный услышанным, я невольно думаю: как смогла она столько вынести?

Да, я помню их прежний дом на Нижегородской: его сквозные подъезды, до предела под лестницами заполненные углем для печек жильцов, керосинки вдоль узкого коридора. Помню крохотные деревянные сарайчики во дворе, такие же крохотные палисаднички под окнами с другой стороны и детскую железную дорогу, проходившую рядом с тротуаром. Но и сам дом, и даже цветы, казались пропахшими запахом угольной пыли и керосина. В начале шестидесятых случился пожар. Дом сгорел, а жильцов расселили. Как мне рассказывали, расселили в чьи-то

бывшие дачи, превратив их в домики на двух хозяев.

И снова нужно было начинать все с начала, ведь большая часть этих домиков не предназначалась для жизни в них в холодное время года.

Каждый, как мог, обживал и утеплял новое жилье...

Вернулась тетя Марфуша с чайником.

– Тетя, значит, все обошлось? Ничего родственники из деревни не написали?

– Писали про разное, а про того сельсоветчика – ни строчки.

Тетя отходит к углу с иконами и молится на них:

– Опять помогла мне Заступница наша!

– Неужели это та самая икона, с которой вы сбежали?..

– Она, она, сынок. Видишь, какая уже стала...

На обратном пути из Ленинграда я привез Марфе Ивановне новую икону Казанской Божьей матери: такую же небольшую, уместяющуюся в раскрытых ладонях.

Марфа Ивановна приняла икону, поцеловала ее нижний угол, молча перекрестилась и поставила рядом со своей. Снова перекрестилась, уже с поясным поклоном, а потом повернулась и обняла меня...

В поезде всегда достаточно времени для раздумий. Почти за двое суток от Москвы до Урала многое вспомнилось. И на многое после услышанного уже до конца жизни ты станешь смотреть по-другому. И не раз поклонись всем сердцем горькой мудрости твоих родных, оберегавших тебя от такой страшной правды...

В

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ

Виталий ШИТОВ

**Историк-краевед,
председатель, координатор
по Уральскому региону
Фонда Памяти
Новомученников
Императорского
Дома Романовых
г. Екатеринбург**

Последняя фотография императора Николая II в Екатеринбурге... Была ли таковая на самом деле? Давайте разберемся.

Передо мной одна из открыток, изданная в 1920-х гг. во Франции. На ней изображен государь Николай II, сидящий в кресле-каталке за столом в домашней обстановке с несколько больным и уставшим лицом. Подпись под снимком гласит: «Император Николай II в Екатеринбурге. 1918 г. (Снимок этот сделан одним из красноармейцев, состоявшим в охране Царской Семьи, за несколько дней до убийства. После убийства, боясь держать у себя снимок, он подарил его германскому военнопленному, который в свою очередь подарил его пастору Ш., бывшему духовником германских военнопленных Екатеринбургского района)». Эта же фотография с аналогичным текстом фигурирует и в других печатных изданиях, в частности в журнале «Возвращение». Для историков-исследователей это действительно загадка, они знают, что во время пребывания царской семьи в Екатеринбурге не было сделано ни одной их фотографии, а если и была, то она не сохранилась.

С одной стороны, казалось бы, предпосылки для фотосъемки царской семьи в Екатеринбурге были, все члены Августейшей семьи занимались фотографией под руководством придворного фотографа А.К.Ягельского, малоизвестного общественности и работавшего «под прикрытием» фотостудии «К.Е. фон Ган и К^о». А также в «Деле Соколова» есть документы, свидетельствующие о том, что одна из фотографических камер фирмы «Кодак» была привезена из Тобольска в дом Ипатье-

ва Александрой Федоровной. Она была конфискована комендантом «Дома Особого Назначения» (ДОН) А.Г.Авдеевым и в течение всего срока заключения царской семьи хранилась на подоконнике в комендантской комнате. Другое дело, что эта фотокамера не была предназначена для съемки портретов, а могла быть использована только для пейзажа и панорам. Это была камера ящичного типа, работала на роликовой пленке и имела объектив с постоянным фокусом, то есть упрощенного вида. После расстрела царской семьи она была похищена охранником М.И.Летеминным вместе с другими царскими вещами и обнаружена в его доме следователем Сергеевым 6 августа 1918 г. Позднее она была приобщена к «Делу» и числилась вместе с игрушками цесаревича Алексея.

С другой стороны, мы знаем, что вторым комендантом ДОН был профессиональный фотограф – Яков Юровский, который до 1917 г. был владельцем фотографиче-

**Репродукция с открытки,
изданной во Франции
в 20-х гг. XX в.**

Обложка журнала «Возрождение» с опубликованной в нем фотографией Николая II, якобы сделанной в г. Екатеринбурге.

ской мастерской на Покровском проспекте и занимался съемкой портретов для документов. После Февральской революции он продал свое заведение (вырученные деньги якобы использовал на нужды партии большевиков) и больше фотографией не занимался.

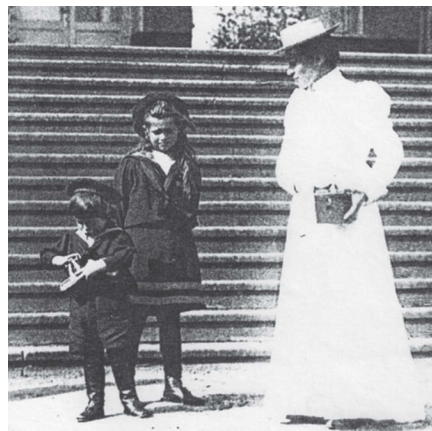
Известный писатель Юлиан Семенов в своем романе «Бриллианты для диктатуры пролетариата», опубликованном в 1974 г., выдвинул свою версию о расстреле царской семьи под руководством фотографа Я.Юровского: «Это было в восемнадцатом... Он попросил членов царской семьи

Придворный фотограф Александр Карлович Ягельский, учитель фотографии членов Царской семьи Романовых (ГАРФ).

спуститься в подвал и сесть на стулья, приставленные друг к другу, ...сесть потеснее, казалось, что он будет их фотографировать». Ю.Семенов ошибался в том, что царская семья могла поверить в такое развитие событий. Во-первых, согласно воспоминаниям самого Юровского, их пригласили спуститься в подвальную комнату ДОНа якобы для того, чтобы переждать артобстрел наступающих на город белочехов. А во-вторых, будучи грамотными фотолюбителями, узники знали, что ночью при плохом освещении комнаты одной электрической лампочкой и при имеющихся в тот период времени низкочувствительных фотоматериалах невозможно было сделать групповой портрет. Обращаем внимание на то, что большинство сохранившихся фотографий членов Дома Романовых (их, по заверению директора ГА РФ С.Мироненко, насчитывается около 150 тыс. штук) сделаны или в фотоателье при специальном освещении, или на открытом воздухе, и только незначительная часть снята в естественных интерьерах, при этом весьма низкого качества. Что касается так называемых «магниевых вспышек», то они появились несколько позднее – в 1920–30-х гг. XX века, и применялись в основном для съемки фоторепортажей.

Возвращаясь к выше описанной фотографии и исследовав большую часть фотографического «Романовского Фонда», была обнаружена идентичная фотография, относящаяся к периоду пребывания Николая II в Крыму в 1900 г. Этот снимок был найден в книге Греческого принца Майкла под названием «Николай и Александра. Семейные Альбомы». На данном снимке изображен Николай II в Ливадии в 1900 г. после тяжелой болезни тифом, он еще не может самостоятельно ходить, поэтому находится в кресле-каталке. В тексте под этой фотографией говорится о том, что Николай II в своем дневнике описывает эту болезнь и чудесное выздоровление, а также выражает благодарность своей супруге Алекс и Господу Богу за то, что помогли ему вылечиться.

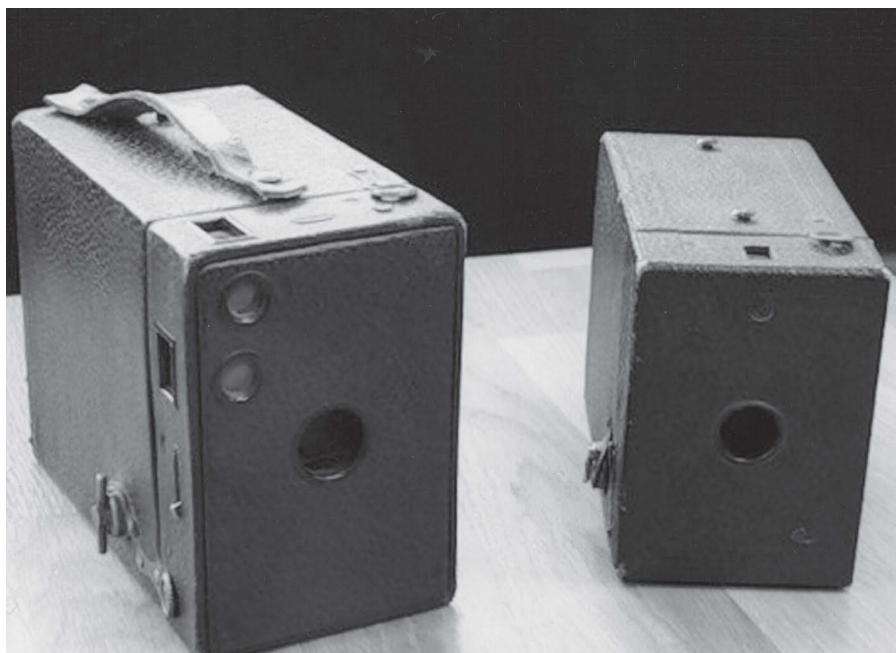

Члены царской семьи – фотолюбители (ГАРФ).

Образец паспарту фотоателье «К.Е.Фон Ганн и К^о», в котором работал А.К.Ягельский (ГАРФ).

Более подробное описание этого снимка мы находим в статье А.Барковец «Фотографии последнего Русского императора и его семьи в Государственном архиве Российской Федерации». В ней говорится: «...Интересны некоторые фотографии 1900–01 гг., периода, когда император перенес серьезную болезнь в 1900 г. Придворный врач, Гирш, не распознал симптомы тифа у императора, и тот был буквально при смерти. Несмотря на свою беременность,

Виды фотокамер фирмы «Кодак» ящичного типа, которые использовались членами царской семьи для съемки.

Александра сама ухаживала за ним и не оставляла ни на минуту... Но Николай смог победить болезнь. В письме к своей матери он писал: «Слава Богу, я пережил эту болезнь лучше, чем другие несчастные... Я строго следую советам врачей... О моей дорогой жене я могу сказать то, что она была моим ангелом-хранителем и присматривала за мной лучше любой сестры милосердия» (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2326.9-91). Возможно, что уникальные фотографии

того времени были сделаны как раз Александрой Федоровной. На них изображен Николай, сидящий в домашней одежде за своим письменным столом. Вероятно, что именно за этим столом он писал письмо своей матери».

Таким образом, мы раскрыли «секрет» последней фотографии Николая II. Что касается последних подлинных фотографий царской семьи, то мы можем с уверенностью утверждать, что они были сделаны в период их заключения в г. Тобольске с августа 1917 по май 1918 г. как самими членами Августейшей семьи, так и их приближенными – воспитателями Пьером Жильяром и Чарльзом Сиднеем Гиббсом.

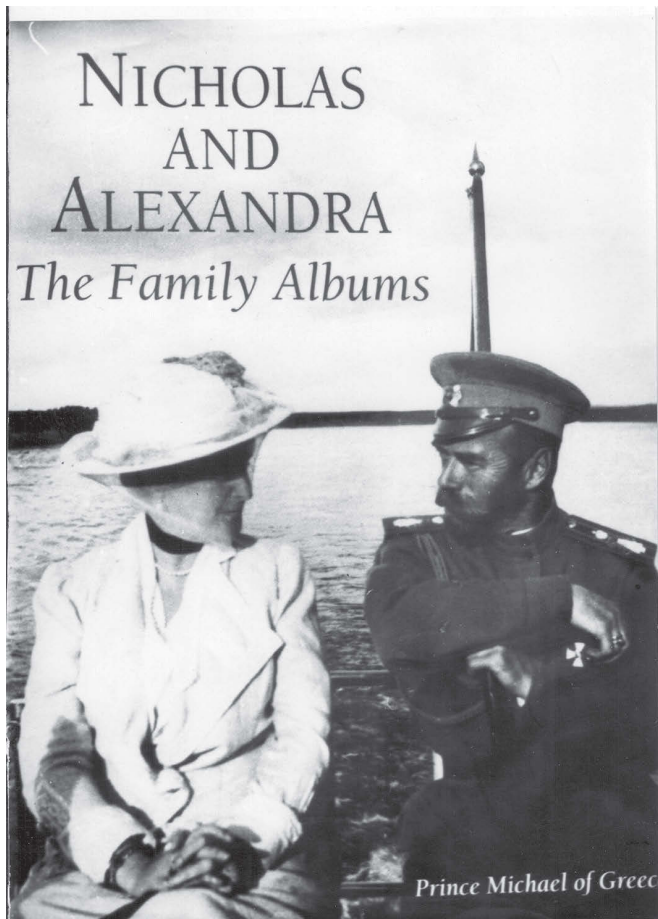
Библиографический список:

- «Ste Russia» – 32 bis, Rue Lacedpede. Paris V (Bogdanova)
- Журнал «Возвращение» № 3, 1993, Спб.
- Н.А.Соколов «Убийство царской Семьи», «Советский писатель», Москва, 1990, с. 352.
- Ю.Кирильченко «Альбом Романовых», «Областная газета», 17 марта 1999 г.
- Prince Michael of Greece «Nicholas and Alexandra. The Family Albums», «Tauris Parke Books», London, 1992, с. 34.
- «Nicholas and Alexandra. The Last Imperial Family of Tsarist Russia», «Booth-Clibborn Editions», London, 1998, с. 236.
- Альбом «Царская семья в Тобольской ссылке 6 (19) августа 1917 г. – 20 (7) мая 1918 г.», Автор-составитель Ю.А.Жук, Директ-Медиа, Москва, 2018 г.

Игрушки царевича Алексея, среди которых – панорамная камера, привезенная царской семьей из Тобольска в Екатеринбург и конфискованная комендантом А.Авдеевым (фото из «Дела следователя Н.Соколова», ГАРФ).

Обложка, титульный лист и снимок императора Николая II 1900 г. из книги «Николай и Александра. Семейные альбомы».

Обложка фотокниги «Царская семья в Тобольской ссылке» и одна из последних фотографий Романовых: Николай II и цесаревич Алексей. г. Тобольск, 1918 г. (ГАРФ).

Михаил БЕССОНОВ

Историк-архивист, окончил исторический факультет УрГУ им. А.М.Горького (1985 г.), член-учредитель Уральского историко-родословного общества (УИРО). Автор более 190 публикаций по истории севера Верхотурского уезда, генеалогии, биографике. Награжден медалями Российской Генеалогической Федерации I-й и II-й степени. Г. Екатеринбург.

МОНСТРЫ ИЗ НЕВЬЯНСКОГО ЗАВОДА

В Большом академическом словаре русского языка слово МОНСТР объясняется так: «Существо (животное, человек) с прирожденными недостатками в строении, наружности, отличающими его от обычных существ; чудовище, урод».

18 апреля 1771 года в Канцелярию Главного заводов Правления поступило доношение из Невьянской заводской конторы коллежского асессора Саввы Яковлевича Яковлева, в котором заводские приказчики сообщали, что заводской житель Фома Максимов сын Лисицын объявил: «Жена ево Анна Евдокимова была чревата. А оно-го 14-го числа по утру, например по полуночи часу в шестом от того обыкновенного бремени разрешилась и родила младенцев по признанию мужескаго полу». Фома сообщил, что младенцы имели две головы, четы-

ре руки и три ноги, и оба срослись вместе. Сообщил, что они были «обмолитвены» и крещены, и были названы Федорами, которых отец и представил в заводскую контору.

В доношении приказчики вспомнили об указе Петра I от 13 февраля 1718 года о передаче родившихся монстров в каждом городе коменданту и о назначении за них платы: «за человеческую по десяти рублей, за скотскую и звериную по пяти, а за птичью по три рубли за мертвых. А за живые за человеческую по сту рублей, за скотскую и звериную по пятнадцати рублей, за птичью по семи рублей. А ежели гораздо чюдно, то дадут и более». Руководствуясь этим указом, приказчики отправили младенцев в Екатеринбург, в сопровождении отца Фомы Лисицына и «женки» Катерины Максимовой, так как их мать находилась в болезненном состоянии. А во исполнение этого указа просили выдать Лисицыну плату.

Не откладывая дело в долгий ящик, Канцелярия сообщила о младенцах главноприсутствующему полковнику Бибикову, который находился на Шайтанском заводе. Полковник приказал, чтоб штаб-лекарь Шнезе сколько возможно старался сохранить им жизнь. Но если это не удастся и они умрут, то немедленно положить их в банку со спиртом.

Невьянский завод.

Кунсткамера. XVIII век.

29 апреля 1771 года в Канцелярию поступил рапорт от штаб-лекаря Ивана Шнезе, в котором он сообщал, что присланные в здешнюю аптеку близнецы были им обследованы и «у которых головы и груди разныя, а утроба в одно место срослася. Також и для испражнения проход один, чрез которой и калилис, рук четыре, ноги три, а у третьей ноги оказалось срослися две ноги вместе и обтянулис одною кожею. Точия подошва раздвоилас на двое и у одной десять перстов». Шнезе сообщал, что прожили они семь дней, а дыхание имели одно. «Которой поболее, когда вздохнет или закрычит, тогда и другой движение в руках и в роте будет иметь же и моршитца, токмо голосу от того не было». После смерти они были закупорены в банке в «тройном» спирте и посланы при рапорте в Канцелярию.

В Канцелярии были несколько растеряны, так как в

указе от 13 февраля 1718 года не было сказано, куда следовало отсылать монстров. Но тут вспомнили, что в 1763 году из Пермского горного начальства уже поступал мертвый младенец женского пола «о двух ртах и четырех глазах», который по определению Канцелярии от 17 февраля 1763 года после «оспиртувания» был отослан в государственную Берг-коллегию для пересылки в Кунсткамеру.

Указом от 24 мая 1771 года Канцелярия приказала штаб-лекарю Шнезе, чтоб он «оных монстров» отправил с аптекарским гезелем или учеником на заводских лошадях на Уткинскую казенную пристань и передать там караванному офицеру под расписку, который должен был доставить их в Санкт-Петербург и отдать в Берг-коллегию для передачи в Кунсткамеру. А сам Шнезе должен был подсчитать, сколь-

ко денег ушло на спирт, банку и провоз до пристани.

22 июня 1771 года караванный офицер прапорщик Герасим Романов дал расписку, в которой написал, что стеклянную банку с «оспиритусованными монстрами», привезенную на Уткинскую пристань аптекарским гезелем Яковом Чернышевым, он получил в целости. А Шнезе 4 июля 1771 года отрапортовал Канцелярии, что на спирт, банку и провоз было израсходовано 9 рублей 5 копеек.

Доехали ли братья Лисицыны до Петербургской Кунсткамеры, хранятся ли они там до сих пор и получил ли за них их отец Фома Лисицын 200 рублей платы, история пока умалчивает.

Примечания

¹ Большой академический словарь русского языка. М.-СПб.: Наука, 2008, Т. 10 Медяк-Мячик. С. 387.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2069. Л. 236–240 об.

СЮЖЕТЫ

Будучи человеком, связанным с научным трудом, я никогда не пытался писать что-либо художественное. Однако общаясь с людьми, я обратил внимание на то, что часто в разговоре возникают одни и те же сюжеты, которые интересуют собеседников. Поэтому я решил их записать. – Сюжеты, которые могут быть интересны или просто забавны...

Владимир ЗАПАРИЙ

Национальный представитель России в Международном Комитете по Сохранению Индустриального Наследия (ТИССИН), профессор, доктор исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, зав. кафедрой Истории науки и техники УрФУ, член Союза журналистов России. г. Екатеринбург.

КАК Я ВСТРЕЧАЛСЯ С Б.Н.ЕЛЬЦИНЫМ, ИЛИ ОБЕЩАННОГО ТРИ ГОДА ЖДУТ

Было это уже давно, когда Б.Н.Ельцин работал президентом, а я – деканом одного большого факультета крупнейшего вуза ведущего региона нашей страны. Ректору нашего университета удалось раскрутить первого президента страны на помощь своей «альма-матер» и учредить в родном вузе персональные стипендии.

Сначала предполагалось ввести именные стипендии только для студентов-строителей того факультета, выпускником которого он был. Но бывшему руководителю страны разъяснили, что нехорошо давать мало стипендий, и что студенты других факультетов обидятся. Поэтому было принято следующее решение – 20 премий строителям, и 20 – студентам остальных факультетов. На конкурсной основе.

Два моих студента стали лауреатами. И я был приглашен на это мероприятие. Узнав об этом, мой сын попросил меня взять у Ельцина автограф.

Когда было осуществлено вручение, нам сказали, что будет небольшой фуршет, где каждый может подойти к президенту и задать вопрос.

Я подошел к Борису Николаевичу.

Протянув открытку приглашения на мероприятие, я

сказал, что мой сын хотел бы получить его автограф. В ответ услышал: «Что вы, что вы! Мы вам пришлем фотографию с надписью».

– Запишите его координаты, – обратился он к порученцу.

Успокоенный я ушел с мероприятия, ожидая в ближайшее время результат.

Но прошел год. Наступило новое торжественное вручение стипендий. Опять трое из моих ребят стали лауреатами этой премии. На сей раз приехал не Б.Н.Ельцин, а Наина Иосифовна – жена президента.

Все повторилось. Правда, фуршет был скромнее. На нем я подошел к Наине Иосифовне и обратился с вопросом:

– Год назад, Борис Николаевич обещал моему сыну автограф. Но прошел год, а ничего нет.

– Что вы! Что вы! – теми же словами всполошилась супруга президента. – Не может!..

И она, обратившись к порученцу, сказала, что они всё выяснят. Я уже ничего не сказал сыну, который успел окончить школу и поступить на истфак университета.

Прошел еще год, об обещанном президентом, а затем его женой, не было ни слуху, ни духу. Я с некоторым интересом ожидал очередного ежегодного вручения премий его имени студентам. На сей раз приехала дочь президента – Татьяна, также выпускница стройфака нашего вуза.

Всё повторилось в точности и с теми же восклицаниями. После официальной части на фуршет я подошел к ней и обратился: «Татьяна!»

Что-то блеснуло в ее глазах. Наверное, к ней так уже давно никто не обращался.

– Два года назад, Борис Николаевич обещал моему сыну автограф. Но вот прошло два года, а обещанного нет.

– Что вы! Что вы! Не может такого быть! – и она, обращаясь к порученцу, сказала, что они всё выяснят.

Прошел еще год. Я с уже все возрастающим интересом и без особой надежды, ждал, что же будет. Буквально накануне следующего, четвертого вручения у меня в моем кабинете (будучи деканом большого факультета, я имел маленький, отгороженный от работников фанерой кабинет), зазвонил специальный без диска телефон прямой связи с ректором.

Этот телефон звонил крайне редко. И почти всегда это было связано с чем-то чрезвычайным.

– Владимир Васильевич, – сказал взволнованно ректор, – прошу вас срочно подойти ко мне, у меня для вас важная информация.

Пока я шел до кабинета ректора, успел передумать многое. Наверное, что-то случилось с моими студентами. Не дай бог, кто-то по пьянке выпал из окна общаги, подрался или еще чего-либо...

Войдя в кабинет, я увидел ректора сидящим за столом, на котором лежали разорванные пакеты правительственной корреспонденции, а в руках он держал большой фотопортрет президента. Я догадался, что обещанное Борисом Николаевичем, случилось.

Действительно, получилось, что обещанного три года ждут.

– Вот, это для вас, Владимир Васильевич! – радостно сообщил ректор.

– Не для меня, а для моего сына, – уточнил я.

– Ну, все равно – для вас, – завершил разговор ректор.

Портрет был замечательным, сделанным настоящим мастером, в рамочке под стеклом фотография Ельцина в профиль. На лице его подкупающая улыбка, а ниже крупно и размашисто: «Василию от президента», и подпись.

Вечером я показал сыну портрет президента. Но за прошедшие годы его отношение к политику изменилось и стало крайне критическим.

– Не нужен мне этот портрет! Я не стану его на стену вешать! Можешь его выбросить! – заявил молодой человек.

– Ты не прав, – сказал я. – История его поступки рассудит. Но как бы мы к нему не относились, это человек, изменивший мир. Кроме того, не у каждого студента есть фото президента с дарственной надписью. Положи пока его, пусть полежит.

Прошло более десяти лет. И этот портрет до сих пор лежит в тиши книжного шкафа. Может быть, ждет своего времени?..

КАК МНЕ ПОДАРИЛИ МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ ОДНОЙ БАНКНОТОЙ

Вообще-то я не собираю банкноты, но когда мне кто-нибудь дарит их, то я не отказываюсь. Я уже вижу на лице читателя насмешливую улыбку. В смысле – кто же отказывается от денег. Не будем обращаться к истории (то бишь, к Клио), потому что она знает

массу подобных примеров. Я говорю о банкнотах как предмете коллекционирования, а вовсе не деньгах бранных.

Когда мне подарили черно-зеленую банкноту, на которой было непривычно много нулей, я задал традиционный в таких случаях вопрос, смогу ли я когда-нибудь за это расплатиться, мне ответили, что это – подарок. И она стоит всего 15 долларов, а если вы захотите улучшенного качества, то она будет стоить аж 30 гринов.

Но речь не об этом, а о том, какая приключилась история со знакомым моего знакомого и такой же банкнотой.

Речь идет о славных «90-х», когда даже самые малообеспеченные получали миллионы. Это произошло после замечательных преобразований нашего меньшого Гайдара, когда за 1992 год в результате его реформ цены выросли за год в 50 тысяч раз. Это я напоминаю тем, кто уже забыл о цене либерализма в нашей отдельно взятой стране, который проводили бывшие коммунисты и политэкономы, заработавшие свои степени на успешной защите тем по преимуществам социализма, и построившие у нас капитализм без «человеческого лица». Но я не об этом.

По словам моего знакомого, именно тогда и приключилась одна история. В короткое время создавались на ровном месте, что называется, огромные состояния. Однако деньги стремительно обесценивались, и люди, чтобы их сохранить, вкладывали в валюту. Так вот заработал где-то на просторах Сибири один наш «бизнесмен» денег на миллион долларов, целый мешок наших рублей. Собрал и понес их в «обменник» поменять на доллары. Менять ему отказали, сказали, что та-

ких денег в его городе просто нет и ему надо лететь за этим в Москву.

Что он благополучно и сделал, нашел в центре столицы обменник и предъявил деньги. Тут ему сказали, что поменяют завтра, надо миллион долларов заранее заказывать. Вышел бедолага в расстроенных чувствах на улицу, а здесь его встречает всё понимающий местный «жучок», который готов ему помочь.

– Слушай! – обратился он к сибиряку. – А зачем тебе миллион долларов?

– Да вот хочу отсюда съехать.

– Ну, и?

– Ну, с миллионом американских денег я везде буду дорогим гостем!

– Молодец! Соображаешь! – одобрил москвич. Только как ты поедешь через нашу границу с чемоданом американских денег? Тебя ведь спросят, куда и откуда бабки.

– Да, проблема... – протянул сибиряк.

– Слушай! – Встрепенулся москвич. – А ведь я знаю, как тебе помочь! Давай так, я тебе достану бумажку в миллион баксов. Ты ее положишь в записную книжку и через границу провезешь, а там и разменяешь.

– Давай! – Оживился сибиряк.

– Ты что это? – сказал москвич. – Я что, похож на сумасшедшего, который таскает в кармане миллион долларов? Деньги вообще-то во Владике. Дня через три мы с тобой встретимся и совершим обмен.

На этом порешили и разошлись, довольные собой и друг другом.

Через три дня встреча состоялась. Обмен прошел быстро. После чего москвича и след простыл.

Некоторое время миллион приятно грел карман сибиряка. Он прогуливался по улице Горького и представлял себя долларовым миллионером. Но время шло, и что-то подвигло его пойти в банк и картинно, как в фильмах про ковбоев, он бросил на стойку купюру в миллион долларов, сказав весело, – разменяйте!

Но случилось странное. Вышколенные мальчики и девочки попадали со смеху. «Что это такое! Что вы себе позволяете!»

– Дорогой, – произнес один из работников банка, отдышавшись от смеха. – Вы по-английски читать умеете?

– Зачем мне уметь читать по-английски, если я имею миллион долларов? – не унижался посетитель.

– Так вот здесь, слева, четко написано по-английски, что эта банкнота не принимается ни в какие платежи и является, всего-навсего, сувениром.

КАК Я ВОЗВРАЩАЛСЯ ИЗ ИСПАНИИ

В 2010 году меня пригласили коллеги читать лекции в Астурский университет в Авьедо на северо-западе Испании. Первое, что меня поразило, это стоимость билета. С пересадками в Праге и Мадриде, то есть через всю Европу туда и обратно, он стоил 25 тыс. руб., а полет в Новосибирск и обратно в Екатеринбург – 22 тыс. руб. Вот уж чудеса ценообразования.

Лекция прошла хорошо. Я открывал своим докладом на английском языке пленарное заседание большой международной конференции. В зале было почти 500 человек, и доклад продолжался два часа. Это было испытание, так как мой английский не сильно хо-рош, а практика невелика.

Город понравился. Много старых сооружений эпохи Франко. Помпезных и важных. Понравились старинные храмы и музей с Мадонной и младенцем, написанной в 1380 г. в манере современного реализма.

Но я хочу рассказать не об этом, а о том, как я возвращался домой.

Занятый конгрессом, знакомством с городом и другими делами, я не обратил внимания на произошедший выброс пепла в Исландии, что привело к сложностям с авиAPERелетами. Но вот пришло время лететь домой. Такси должно было приехать за мной в пять часов утра. Утром машина не пришла, и я поднял всех на ноги! Оказалось, что таксист перепутал отель.

Такси шло порядка 140–150 км/час. Я выразил опасение. На это таксист в черном фрачном костюме сказал, что машина «мерседес», и скорость такая вполне обоснована.

Доехали мы быстро. Шофер донес мои сумки до аэропорта. Подождал, пока я зарегистрировался и потом проводил меня в накопитель. Затем простился и уехал.

И вот тут все началось. Сначала рейс отложили на час, потом еще на час. Потом было сказано, что рейса сегодня не будет, потому что самолет сегодня из Мадрида не прилетит.

Я связался с принимающей стороной. Приехала переводчица и сказала, что учитывая форс-мажор, хозяева проплатят мне еще сутки проживания, ну а дальше вы сами должны решать эту проблему.

Я отправился на железнодорожный вокзал, где узнал, что все места на восток были проданы давно. Местная публика утешила меня, сказав, что можно еще ехать на автобусе.

Прибыв на автовокзал, я направился к кассам. Милая девушка, узнав, что мне нужно в Прагу, сказала, что готова продать мне билет. Но оказалось, что автобус пойдет через две недели.

Единственное, что мне светило – это поехать в Мадрид, что я и сделал. Я наивно полагал, что во время поездки я хотя бы увижу Испанию. Я ошибся. В пути я не увидел ни одного населенного пункта. Более того, подъехав к Мадриду, наш автобус нырнул под землю и больше часа ехал в тоннеле, а потом выехал наверх к самому аэропорту.

Аэропорт был перегружен. Тысячи людей сидели, ходили, стояли, лежали везде! Ведь полеты были отменены уже несколько дней. Шансов у меня улететь в Россию не было.

Без особой надежды я направился к стойке Чешских авиалиний. Странно, но никаких толп или очередей. Я робко спросил скучающих служащих, идет или нет регистрация рейса на Прагу. «Идет!» – ответили мне.

Дело в том, что прилетел борт из Праги, которого никто не ждал.

Я спросил, как можно улететь, хотя мой рейс тот же, но он должен был, улететь вчера. Не проблема, надо только связаться с вашей авиакомпанией, чтобы они выслали подтверждение, тогда вы полетите сегодня.

Я пошел через весь зал к указанному мне телефону. Он располагался между двух туалетов. Долго не мог соединиться с авиакомпанией. Отчаялся и остановил первого же появившегося из туалета гражданина. Это был молодой человек, лет 35-ти. Он не сразу понял, что я от него хочу. Когда понял, то

стал набирать номер телефона. Не сразу, но ему, все-таки, удалось соединиться. Он передал мне трубку, и барышня с московским говором несколько манерно спросила меня: «А что вам собственно нужно?»

«Дорогая, мне нужно улететь в Екатеринбург из Мадрида!»

«Фамилия!» Я назвал. «Хорошо! – сказала она, набивая что-то в компьютере. – Можете идти и лететь». Я радостно побежал к стойке, где мне было сказано, что я действительно есть в списке пассажиров. Но им нужно созвониться с авиакомпанией, и я должен пока погулять минут сорок.

По прошествии сорока минут, я получил билет, и пошел на посадку. Таможенница нашла что-то предосудительное в моем рюкзаке. Я думал, что это связка ключей. Но она сказала, что это органика.

Действительно, я взял упаковку козьего сыра для своей жены. Она была запаяна в полиэтиленовую пленку. Я сказал, что это маленькая упаковка, но она ответила: «Нет!» Тогда я сказал, что это сувенир для жены. Таможня дала добро. Вот и гендерное неравенство.

Объявили посадку, и я плюхнулся на сидение у окна. Погрузившись в свои мысли, я не заметил, что рядом сел мужчина. Однако я очень удивился, когда увидел рядом с собой своего спасителя с телефоном. По теории вероятности возможность встретиться с ним была близка к нулю. Тем не менее, в огромном самолете с девятью креслами в ряд, оказаться рядом было просто невероятно.

Мы, наконец, познакомились. Он оказался бизнесменом из Толедо, занимался станками и собирался их продавать в

Польшу и Россию. Он отправлялся в Москву, спрашивал меня о России, о деловой обстановке. И на подлете к Праге до меня дошло, что я впервые общаюсь так свободно на английском языке.

Мои приключения не прекратились. Я думал, что надолго задержусь в Праге. Но мне повезло, только что прибыл борт из Екатеринбурга. И места на обратный рейс были. Однако дорогие чехи мотали нам нервы часа три, до самого отлета.

Именно там я попросил молодого человека, который прекрасно говорил по-русски, чтобы он проследил за моим багажом. «Что вы, что вы, не проблема», – ответил он мне уверенно. И я успокоенный улетел домой.

При выдаче багажа я быстро обнаружил одну из двух своих спортивных сумок с вещами, но вот сумки с подарками и сувенирами не оказалось, когда лента перестала вращаться.

На меня произвели впечатление слова сотрудницы аэропорта: «Не переживайте, обычно когда из Турции прилетают, то теряются четыре-шесть сумок и чемоданов, а из Праги – один-два. Вот на этот раз всего одна», – сказала она радостно. Это была моя. Она попросила меня заполнить анкету примерно из сорока пунктов. Обещала найти багаж и позвонить.

Прошло около недели. Позвонили из порта и просили забрать сумку.

Здесь произошел еще один забавный эпизод. Когда я приехал и вошел в порт, то около соответствующего отдела я увидел, что у дверей стоит крупная женщина, одетая в шлепанцы, короткие штаны и футболку, явно не по погоде. Несмотря на апрель, на улице лежал снег.

«У вас тоже вещи потеряли? – спросила она. – Вот у нас потеряли чемодан с одеждой, а мы из Турции прилетели. Пришел чемодан с пляжными принадлежностями, а одежду ищут. Вот мы неделю здесь сидим, ждем, а ехать нам в Сургут».

Мы отправились внутрь помещения. «О, Владимир Васильевич! – ко мне подбежал одетый в форму старшего прапорщика таможенной службы молодой человек невысокого роста. – Как рад вас видеть, – повторял он. – Вот ваша сумка. Посмотрите, все ли тут есть? Распишитесь вот здесь. Взвесьте здесь. Если все нормально, вы, Владимир Васильевич, можете идти».

Я был удивлен тем, что он меня знает. «А откуда вы меня знаете», – спросил я. «Ну что вы, Владимир Васильевич! – сказал он. – Вы же меня три года назад отчислили за неуспеваемость». И видя мое удивление, он добавил: «Вполне за дело! Но ведь вот видите, вроде все хорошо. Так что если что – обращайтесь!» – добавил он.

КАК МОЕГО ОТЦА НАГРАЖДАЛ НАРКОМ ТЕВОСЯН

Уже прошло несколько лет, как среди нас нет моего отца Василия Андреевича Запария. А сегодня ему исполнилось бы 90 лет. Я часто вспоминаю о нем, его рассказы, которые я слушал, будучи пацаном, много десятилетий назад, когда и он был еще молод.

Отец попал не на фронт – был еще мал, – а в училище фабрично-заводского обучения (стал фэзэушником). Будучи маленьким, как тогда говорили – шкетом, он под ноги ставил ящик, когда работал на станке.

Выучился он на слесаря. И со временем стал не просто слесарем, которые имели шесть разрядов, а стал слесарем-лекальщиком 8 разряда, наивысшего в их деле.

Он рассказывал об испытаниях, которые надо было пройти, чтобы стать лекальщиком. Нужно было с помощью напильника и шлифовального камня, сделать из железа и отшлифовать кубики идеальной формы и поверхности, чтобы они слипались под действием молекулярного притяжения. А еще то, что от имени Магнитогорского металлургического комбината Тевосяну вручали зажигалку, которую отец сделал специально. Но я хотел рассказать не об этом.

Однажды, это, скорее всего, был 1943 год, было решено остановить один из блюмингов для ремонта. Решение принималось на самом высоком уровне – подписывал сам Сталин. Блюминг должен был подвергнуться ремонту в течение недели. Ремонт осуществлялся бригадой, где бригадиром был мой отец. Время было тяжелое, и работали сутками, не выходя с комбината. Ремонт был закончен на сутки раньше срока. По поводу этого события бригада была приглашена в заводоуправление в кабинет директора Носова.

В кабинете присутствовал наркомчермет Тевосян. Он поблагодарил людей, сказал, что всем объявляется благодарность. И еще, добавил он, дать им наркомовские 200 грамм и накормить обедом в итээровской столовой.

Затем он попросил, чтобы ему показали бригадира. Мужики вытолкнули вперед невысокого паренька – ему тогда было всего 16 лет. Нарком пожал руку.

И вот обед в итээровской столовой. Борщ – полная тарелка, еще – жаренная картошка, котлета. Отец как бригадир должен был первым выпить водки, а потом можно было поесть. Отец сказал, что он хлопнул стакан водки и больше ничего не помнил. Очнулся в землянке. И до последних дней жизни, он сожалел, что так и не поел борща и котлету с картошкой.

Вспоминая дни войны, он говорил, что война у каждого, кто прошел ее, была связана с разными воспоминаниями и ощущениями. Для него война была связана с голодом. Прорываешься с чувством голода, живешь с этим чувством и засыпаешь с чувством голода.

Такова одна их зарисовок той великой войны, по итогам которой мой отец был награжден медалью «За Победу над Германией».

КАК Я НЕ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ ТАТИЩЕВА И ГЕННИНА

Десять лет назад, когда я работал деканом одного из ведущих факультетов Уральского технического университета, я был на приеме у ректора вуза. В разговоре со мной он предложил выдвинуться на региональную премию, которую присуждала особая комиссия при мэре г. Екатеринбурга – премию основателей Екатеринбурга Татищева и Геннина. Предполагалось, что мы будем претендовать на премию по науке за цикл работ по истории металлургии.

У Станислава Степановича Набойченко был ряд интересных работ по Истории цветной металлургии Урала. Я тоже имел в своем активе несколько крупных работ. Т.е. мы с ним

вполне вписывались в требования и условия премии.

Мы оформили документы, и ждали итогов конкурса. Чиновник, отвечавший за процесс прохождения процедуры, говорил о том, что у нас серьезные конкуренты в лице химиков, под руководством академика Чупахина.

Действительно, борьба была серьезной настолько, что сначала голоса разделились поровну. Потом, однако, после дополнительного обсуждения, премия была присуждена нам. Тот самый чиновник, нас даже поздравил. Мне тогда исполнилось 55 лет. Было, конечно, очень приятно, что именно местная общественность признала наш вклад в историю ведущей отрасли региона – металлургии и людей, которые ее создавали и развивали. Было знаково и то, что награду получает тандем из историка и металлурга ведущего вуза региона и страны, готовившего инженеров для промышленности.

Однако шло время, а нас всё не вызывали на награждение. Когда все мыслимые сроки прошли, я взял на себя смелость, позвонить тому чиновнику и узнать, что и как. Мой визави на том конце провода, сказал, что у него не совсем хорошие для нас новости и мне лучше подъехать для личного разговора.

Когда я подъехал в мэрию и встретился с ним, он, действительно смущаясь необычностью ситуации, в которой он был совершенно не виновен, сказал мне, что собственно произошло. А было следующее. Когда все бумаги были оформлены и легли на стол главе города Чернецкому, кстати, металлургу, он было совсем собрался подписать соответству-

ющее распоряжение, увидел фамилию Набойченко, и отказался подписывать документ.

Все знали об антипатии этих двух крупных руководителей Екатеринбурга, но никто даже не мог предположить, что со стороны одного из них она зайдет так далеко.

Чернецкий заявил, по словам чиновника, что никогда не присудит премию Набойченко. Так мы остались без заслуженной премии.

Станислав Степанович сказал позже, что очень огорчен тем, что я не получил, как он сказал, из-за него вполне заслуженную премию. Но что было делать.

Несколько позже, мне сказали, что Чернецкий, не пропав же добру, присудил своей властью эту премию за вполне благое дело – удачно проведенные коммуникации канализации в своем поселке Карасеозерский, где он собственно и жил. Ну, что – флаг ему в руки.

ПОЧЕМУ ДЕКАН КАЛМЫКОВ ВЕРИТ В БОГА

Так случилось, что волею судеб, а точнее ректора С.С., я был в течение 11 лет деканом одного из факультетов УГТУ – УПИ – гуманитарного. Именно здесь я и познакомился с деканами других факультетов. Все они, несомненно, заслуживают отдельного рассказа. Сегодня мне хотелось рассказать об одном из них – декане Радиотехнического факультета Алексее Калмыкове.

Родился он в знаковое время – 26 июня 1941 года на станции Ясиноватая в Донбассе. Родители его после окончания института инженеров железнодорожного транспорта работали на железной дороге и много перемещались по стра-

не. Война их застала в Новороссии.

Интересно, что за пару дней до начала войны, за отцом пришли, и он вместе с другими железнодорожниками вывел весь подвижной состав со станции. Когда в первые дни войны немцы бомбили станцию, там никаких вагонов и паровозов не было, они все были за Волгой. Затем они были возвращены на прежнее место, и началась эвакуация предприятий на Восток.

Затем было отступление на Восток. В 1942 г. его мать и он оказались в Чечне, где жили в окопах между нашими и немецкими частями. В конце концов они были освобождены. Тогда его мать узнала, что отец находится в Перми. Но как туда добраться. Ведь пассажирского сообщения тогда не существовало. И вот она узнала, что в сторону Перми идет поезд камендарма Рокоссовского. Она пробилась к нему. Он сказал, что сделать для нее ничего не может, но она может сидеть в его поезде до Перми. Так в поезде Великого полководца она с ребенком добралась до Перми к мужу.

Некоторое время они жили в квартире в ванной. Потом в военном общежитии. Но сам Алексей помнит только послевоенные годы. Летом его отправляли к родственникам в Ленинград. Он вспоминает, что в 1949 г. планировались большие соревнования по футболу среди школьников. Но перед соревнованиями на поле произошел взрыв большой авиационной бомбы. Кто-то закопал ее в центре поля, но, к счастью, часовой механизм сработал раньше срока и никто не пострадал.

Когда Алексей учился в Перми в четвертом классе, он заболел туберкулезом, который

быстро прогрессировал. Поэтому зимой он был направлен в специальную «лесную школу», где тяжелых пациентов лечили и учили. Однако лечение помогало не всем, и каждую неделю кто-нибудь умирал. Ждал своей участи и Алексей. Но жизнь продолжалась.

Однажды на уроке физкультуры, они ходили на лыжах. Была весна и кое-где уже снег и лед подтаяли. Перед ними была довольно глубокая речка, первые лыжники успешно ее преодолели. Но когда Алексей проезжал по льду, его лыжи зацепились за полынью и мальчик оказался подо льдом. Его протащило подо льдом целых двести метров. Но через некоторое время, полузадохнувшегося выбросило наружу. Подбежали люди, завернули в теплую сухую одежду и понесли в школу.

Все думали, что судьба ребенка после такого «купания» предрешена, и часы его сочтены. Но случилось непредвиденное. Он не только остался в живых, но и полностью излечился от тяжелейшего туберкулеза.

Так он и стал верить в Бога.

НАШ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПРОФЕССОР БЛАЖЕС

Мои воспоминания о Блажесе связаны с двумя легендами и одним случаем научного сотрудничества, которым я до сих пор горжусь.

Впрочем, как я уже упоминал, моя учеба в университете проходила с 1970 по 1975 год. На первом курсе все наши девчонки были влюблены в доцента Блажеса, с филологического. Этот, небольшого роста лет тридцати, человек, с приятными, правильными чертами лица, был всегда строго одет в костюм-тройку, что в то вре-

мя, впрочем, как и в наше, было редким явлением. Наглаженный костюм, белая рубашка и строгий галстук, делали его неотразимым.

Про него в универе циркулировали две легенды. Говорили, что предметом его научного интереса был русский мат, и для осуществления его кандидатской и докторской совет запрещали посещать гражданам и допускали только по особому списку. Это – первая легенда, правдивость которой никогда не хотелось проверить.

С этим же связана и вторая легенда. Как известно, в советское время после весенней сессии, филологини выезжали на сбор фольклора. Это было в 1970-е годы. Экспедиция, в которую входило с десятков филологинь, поехала на сбор фольклора в Верхотурье. Поезд туда приходит часов в 5 утра. Выходят редкие пассажиры, выгружают почту и зеков. Местных жителей почти нет. А до города ехать 8 километров.

Девушки, конечно, прокопались и когда вышли на перрон, там уже никого не было. Поезд свистнул и ушел, а девушки-первокурсницы с Блажесом остались на перроне одни. Непонятно было, как им добираться до города и чем. И тут Блажес увидел мужика-бомжа, такого разбойного вида. Именно к нему, сидящему на лавочке у станционного строения, подошел преподаватель со стайкой студентов.

Он интеллигентно, спросил, вальяжно сидящего гражданина. Как доехать до города. К его удивлению и изумлению девушек, он услышал в свой адрес отборный мат. Ему, как преподавателю и мужчине, было неудобно. Он посмотрел на этого гражданина и попросил девушек отойти немного. Потом он

наклонился к строптивому аборигену, и что-то ему сказал на ухо.

Очевидцы рассказывали, что на глазах с гражданином произошли разительные изменения. Он востепенел, упал на колени. Обхватил колени Блажеса и завопил: «Пахан, да я не знал! Да я вот... – он вскочил: да я сейчас». Он подхватил рюкзачок Блажеса...

Вот так иногда помогают наши научные интересы, в обыденной жизни.

Ну, а наше научное сотрудничество проявилось тогда, когда он позвонил мне и рассказал, что готовится Бажовская энциклопедия, и он меня приглашает в ней поучаствовать. Он сказал, что наше деловое общение будет проходить через Марину Литовскую. Я был с ней знаком благодаря ее мужу – географу, для которого я писал отзыв на докторскую. Написал я для энциклопедии около 20 статей по уральским заводам и деятелям горного дела Урала тех времен.

Кстати, за статьи мне была обещана некоторая сумма. Именно так. Мы люди не балованные, рады любим деньгам. Потом, Литовская сказала, что мне выписана сумма в 500 рублей, которую я не мог получить, то потому, что их не было, то потому что я не мог доехать до университета. Поэтому я купил авторский экземпляр на свои 500 рублей. Блажес несколько раз беспокоился обо мне. Потом он умер. Короче, я этих денег так и не получил, да ладно. Я счастлив тем, что судьба свела меня с таким удивительным ученым.

НЕ ЦАРСКОЕ ЭТО ДЕЛО: ПИСАТЬ РОМАНЫ...

(РАЗГОВОР О РОМАНЕ КОЛОМЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ
СЕРГЕЯ КАЛАБУХИНА «ИСПОВЕДЬ ЦАРЯ БОРИСА»)

Сергей КОНОВАЛОВ

культуролог,
выпускник Ленинградской
Академии культуры,
г. Коломна Московской области

Алексей КУРГАНОВ

прозаик,
г. Коломна Московской области.

Сергей Калабухин
«Исповедь царя Бориса».
Коломна: «Серебро слов», 2018.

Да, налицо тенденция: т.н. «большие формы» начинают сходить на нет, Романы и повести, как литературные формы, уже не пользуются популярностью ни у читателей, ни у издателей, ни у самих литераторов. А вот подмосковная Коломна высказала свое по этому поводу мнение однозначно положительно: издательство «Серебро слов» выпустило роман коломенского писателя Сергея Калабухина «Исповедь царя Бориса». Для провинциального города явление куда как примечательное (как сегодня модно говорить, «знаковое») и к тому же замечательный повод поговорить и об этом конкретном романе, и о современных литературных проблемах вообще. Мой собеседник – коломенский прозаик Алексей Курганов.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Роман прочитали?

– Прочитал.

– И как?

– Историческая часть мне интересна, а вот что касается современной, мне не только очень знакомой, но и узнаваемой – весьма.

– А что значит «историческая часть неинтересна»? Историческая часть этого романа или история как наука вообще?

– Вообще.

– Почему?

– Помните, как у Юрия Полякова в «Апофегее» профессор кафедры истории СССР Заславский говорит: «Нет у нас исторической науки!» Я согласен с профессором. Ее действительно нет. Вместо нее – МНЕНИЯ.

– Опять непонятно.

– Поясняю. История как наука – категория ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ. То есть, каждая очередная власть переписывает ее под себя. То есть, выставляет те или иные исторические события в выгодных для нее ракурсе и свете. Завтра власть сменится (а она рано или поздно меняется) – события будут выставлены совсем по-другому. Конкретных примеров – несметное множество. Те же Петр Первый или Сталин. То они – герои, то – злодеи. Это называется милым

русским словом «конъюнктура»! Поэтому стоит ли, что говорится, копыя ломать, доискиваться до истины?

– Спорное мнение. А почему не попытаться? Интересно же!

– Да ничего спорного. Помните анекдот про бабу, внука и слона, когда внук спрашивает у бабушки, может ли слон сожрать вагон капусты? И что бабушка отвечает? «Съисть-то он съисть. Да кто ж ему дасьть!» Бабушка – не просто умная. Бабушка – МУДРАЯ. Так и с историей. «съисть»-то можно попробовать. Да кто ж вам разрешит? В смысле, «дасьть»?

– И все-таки согласиться не могу. А как же те же краеведы?

– Никакого противоречия. Краеведы делают совершенно благородное дело. Но опять же кто им, краеведам, «дасьть» доступ к тем же закрытым архивам? Никто не «дасьть». В открытых копайтесь хоть, как говорится, до морковкиного заговения. А к закрытым даже и не суйтесь. Не позволят – и всё.

– А чем можно объяснить это непозволение?

– А ничем. Без всяких объяснений. Кто они такие, чтобы им чего-то объяснять?

– Ладно, по исторической части закончим. Перейдем к современной. В ней, насколько я понял, два ключевых персонажа – издатель

литературного журнала **Мыльников** и литератор **Жабский**. **Можете ли вы дать каждому из них для начала (для «затравки») краткие характеристики?**

– И даже одним словом.

– **Интересно...**

– Мыльников это амбиции. Жабский – апломб.

– **Это не одно и то же?**

– Конечно, нет. Хотя основа одна. Гордыня. Один из семи библейских грехов.

– **Поясните.**

– Мыльников – великолепный издатель, основатель и создатель литературного журнала, этаким околотитулярный барин. Как говорится, что есть, то есть. В то же время как собственно литератор, сочинитель литературных текстов, ничего заметного из себя не представляет, и этим, по-моему, глубоко внутри себя тяготится. Типичный капитан Лебядкин из «Бесов» Достоевского (Помните? – «Я желал бы называться князем де Момбаром!»).

Да, собственная творческая несостоятельность это грустно, но с другой стороны, никакой трагедии в этом нет. Таких литературных сочинителей полным-полно, и ничего. Живут, здравствуют и даже не худеют от этой своей несостоятельности.

– **Но он же по сюжету вроде бы член писательского союза...**

– И что, это членство автоматически определяет человека в творцы? Членство в творческом союзе это всего лишь членство в творческом союзе. К самому творчеству не имеет никакого отношения.

– **Так уж и никакого...**

– Не обольщайтесь и не идеализируйте. Посмотрите на эти сегодняшние так называемые «союзы». Вы видите в них что-то серьезное? Что-то действительно принципиально полезное для современной российской литературы? Впрочем, сейчас не время и не место говорить на эту тему. Для нее нужен отдельный разговор.

– **Хорошо. Другой персонаж – Жабский...**

– Жабский – гораздо более интересная, чем Мыльников, фигура. За внешней вроде бы неумностью и даже придурковатостью скры-

вается куча комплексов. В первую очередь, страшно гипертрофированное самомнение. В романе есть сцена, когда он обращается к руководству города то ли с просьбой, то ли с требованием взять его на содержание как **ЕДИНСТВЕННОГО** в городе «настоящего» писателя (Помните, как в тех же «Бесах»: про Варвару Петровну, когда она жила со Степаном Трофимовичем Верховенским в Петербурге? – «Никогда еще она не видывала таких литераторов. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, как бы тем исполняя обязанность». Прямо один в один!). И городская администрация от такого нахальства сначала вроде бы теряется, но потом находит выход: предлагает ему какую-то совершенно ничтожную должность, на которой и пыхтеть-то не нужно – но он и эту работу проваливает, поскольку совершенно не способен ни на какую работу!

И это еще одна причина для того, чтобы определить его неоднозначно. Позер? Нет. Потому что у Жабского нет никакого, как бы это правильнее сказать, фундамента для позы. Фрондер? Лишь отчасти, поскольку он вроде бы и противопоставляет себя тем же «собратьям по перу», а вроде бы и вообще их не замечает.

– **Или делает вид.**

– Да, именно что делает вид, что не замечает. Да и зачем им ему замечать? Он же **ФИГУРА**, а они – плебеи.

– **А может, плебей-то именно он?**

– Конечно, он. Но плебей свое плебейство категорически отвергающий.

– **Это и есть фрондерство. Мало ли кто из нас что отвергает. Отвергать не вредно (я имею в виду, на словах. Но не в действиях!).**

– Может быть, может быть... Еще я бы, пожалуй, назвал его фарисеем, но для настоящего фарисея в нем не хватает гибкости ума и сообразительности. Лом сообразительным не бывает. На то он и лом.

– **А Мыльникова можно назвать фарисеем?**

– Нет. Мыльников безапелляционностью суждений напоминает

грибоедовского Фамусова. И одновременно Скалозуба. Вот такой оригинальный «сЕмбиоз».

– **Почему через е?**

– Потому что он пишет это слово именно так.

– **Почему именно так?**

– Потому что грамотный очень. Даже страшно до чего грамотный. Как все тот же Павел Афанасьевич Фамусов: «Учение – вот чума, ученость – вот причина, что нынче, пуще, чем когда, безумных развелось!»

– **Какая же вы все-таки язва, Алексей Николаевич! А кого из грибоедовских персонажей напоминает Жабский? Неужели Молчалина?**

– Скорее, Софью.

– **Надо ли так понимать, что у Мыльникова и Жабского есть реальные прототипы?**

– Есть.

– **Вы их знаете?**

– Знаю.

– **Можете назвать?**

– Ни в коем случае. Зачем их подставлять? Кто знаком с колумскими литераторами, тот узнает их без труда. А кто не знает, пусть и дальше не знает.

– **Интересно, а сами себя они узнали?**

– Не сомневаюсь.

– **Слишком вы категоричны. Может, они и роман-то не читали.**

– Бросьте. Я даже не думаю, Я **УВЕРЕН**, что прочитали.

– **Значит, нужно ждать ответа?**

– Вряд ли.

– **Почему?**

– Ни тот, ни другой отвечать не умеют. То есть, не владеют умением вести литературные дискуссии.

– **Значит, смолчат?**

– Наверняка. А на что им обижаться? Выведены в образах литературных героев (пусть даже и сатирическом выражении)! Это радоваться нужно, а не обижаться!

– **Великолепный ответ. На этом мы сегодня и закончим. Спасибо, Алексей Николаевич, за интересный и, как всегда, неоднозначный разговор. Ждем от Калабухина новых творческих успехов. Обсуждавшийся в этом разговоре роман – успех несомненный.**

«ЕГО ОПУСЫ – ОСОБОГО РОДА КАТАРСИС»

Алексей МОЛЧАНОВ

г. Екатеринбург.

Когда-то мы были коллегами: вместе учительствовали в детской школе искусств. И не только... Однажды я в качестве приглашенного солиста оркестра Ансамбля песни и пляски Уральского округа войск национальной гвардии РФ исполнил партию соло-гитары в его концертной пьесе, написанной в стиле эко-джаз «Желтая осень» на областном фестивале «Твой друг гитара». Кстати, оркестранты высоко оценили его мастерство не только как композитора, но и как аранжировщика. Михаила, а я позволю себе называть его так, учитывая годы совместной службы, всегда отличали глубина, основательность. И не только в написании произведений, но и в жизни.

Чего только нет в творческом багаже Михаила Сорокина! Вокальный цикл, струнный квартет, симфониетта для струнного оркестра, концерты для альты и симфонического оркестра, для флейты и струнного оркестра, хоровые партитуры так далее, и так далее...

А еще преподавание сразу в двух alma mater – Нижнетагиль-

ском колледже искусств и Уральской государственной консерватории имени М.П.Мусоргского. Сегодня он продолжает вести теоретические дисциплины в ДШИ № 6 Екатеринбурга. Непосредственное общение с детской аудиторией послужило поводом для создания значительного количества произведений для юных, которые звучат на всех региональных детских конкурсах, проводимых Уральским отделением Союза композиторов России, членом которого он является.

– Когда стал заниматься с детьми, профессия музыканта несколько потускнела в общественном мнении, поэтому число желающих ее продолжить резко уменьшилась, – размышляет Михаил Иванович. – И, тем не менее, есть ребята, которые пошли по этой стезе. Иные сочиняют музыку, в основном, для себя. Некоторые, особенно мальчики, поступив в вузы, поневоле там начинают создавать какие-то ансамбли. Одна девочка еще школьницей придумывала музыку. И став уже относительно взрослой, где-то за 20 лет, принесла мне DVD со своими записями, мелодиями под аккомпанемент гитары. Другой выпускник – сейчас тридцатилетний, серьезный дяденька. Он занимается именно сочинением музыки. У него всякие необычные задумки, непонятные в профессиональном отношении.

– На уроках сольфеджио удастся узнать об их музыкальных пристрастиях?

– Сольфеджио – такой предмет, если будешь много беседовать, мало чему научишь. А дети сами любят поговорить. Здесь тоже нужно ухо держать востро.

М.Сорокин и оркестр «В-А-С-Н» после концерта в Доме музыки.

С гитаристом Александром Дейнегой.

Иногда ты им даешь отдохнуть, иногда беседуешь с ними спонтанно обо всем. Случается и отвечать на их вопросы, связанные не только с музыкой, но и с культурой вообще. Потом еще имеет значение, какой класс – малышня или постарше. Отсюда разные разговоры, беседы.

Творческий почерк М.И.Сорокина характеризуется приверженностью традициям русской культуры. Кто только не исполняет его музыку! Альтисты доцент В.Аверин и П.Раменских; скрипачи В.Мильтштейн и Д.Петухов; солист Свердловской филармонии, пианист В.Игнатенко, муниципальный хор «Доместик». Не забывает он и свой родной Нижний Тагил, поддерживает творческие связи с муниципальным камерным оркестром «Классик», хором, камерным и народным оркестрами Нижнетагильского колледжа искусств.

– Давно и хорошо знаем и уважаем этого прекрасного человека, – включается в разговор дирижер Оркестра "В-А-С-Н" Николай Усенко. – Всегда рады его видеть, участвовать в совместных проектах, какие-то идеи разделить. Много его музыки написано специально для нашего коллектива. Михаил Иванович – живой классик. Причем его творчество разнообразно, интересно как с точки зрения профессионального музыкантского восприятия, так и меломанского. Оно привлекает содержательностью, вырази-

тельностью. Это момент чистоты особого рода, которая ассоциируется, прежде всего, с обликом самого автора. В каждом его опусе, в каждом звуке есть значительность. Сакральный смысл, быть может в том, что присутствует нечто, касающееся человеческой жизни. И попытка понять, что происходит с нами, как развивается наш внутренний мир. Пожалуй, редкий случай, когда этому уделяется внимание практически на протяжении всего творчества. Необычного рода переживания и проживания очень ценны. Внешняя форма, жанры могут быть какими угодно. Но за всем этим присутствует взгляд мудрого человека. В его письме наблюдается определенная эволюция. Последние опусы, которые мы озвучивали, – новый шаг, новое пространство. Своеобразное явление, которое происходит, и ты являешься его свидетелем. Это моменты воодушевляющие. Как истинный художник он всегда смотрит и в будущее, и вглубь происходящего. Все, что существует, окрашивается идеей внутреннего возвышения, просветления. Многие его сочинения дают состояние, когда погружаешься в восторг особого рода – катарсис. На гастролях в Пермской области играли довольно часто его музыкальную сказку «Золотая птица». И практически всегда после концерта первая реплика о том, насколько близка людям составляющая местного колорита. Сказка оперирует образами,

близкими к здешнему пространству. Это ярко отражается в музыке. Хотя, в принципе, там много обобщенных каких-то имен. Они звучат не по-уральски, но воспринимаются так, как будто эти люди находятся среди нас.

– Запись «Золотой птицы» на CD явилась для меня большой школой, – улыбается контрабасист оркестра Евгений Пузиков. – Помимо исполнения своей партии я там еще читаю текст. Сорокин пишет в расчете на меня: «Посвящение контрабасу», есть еще проекты детские, которые пока не вышли на широкую публику. Любое прикосновение к его музыке, и я окунаюсь в природу Урала. Не знаю, как объяснить, но этого у него не отнять. Судя по всему, это внутреннее состояние человека. Его творчество – панорама нашей жизни. Со всеми ее достоинствами и недостатками, горестями, радостями.

Однажды я спросил Сорокина, что значит, по его мнению, успешный композитор?

– В широком смысле, сегодня это, прежде всего, финансово обеспеченный человек, упакованный всеми прелестями цивилизации, раскрученный в электронных и печатных СМИ, – ответил он. – К сожалению, этот вариант для большинства людей искусства недоступен. Окошечко в мир – телевидение, еще что-то – для узкой элиты, которая имеет выход к этому, контролирует и монополизирует его. И старается туда особо не пускать. Вот эта психология, которая нам сегодня предлагается. Нас учат, что нужно быть конкурентоспособными, бороться за всё. По-моему, термин «успешный», который преподносится как общественное мнение, как-то композитору или креативному человеку не к лицу. Ему некогда. Если он будет только этим заниматься, то потеряет много энергии, сил. На творчество не останется времени. Я считаю, успешный – это когда ты чист перед собой, Господом. То, что тебе положено, смог реализовать, создать.

– Успех, наверное, это и счастье быть услышанным.

– Нельзя сказать, что часто, но такая вероятность у меня, конечно, есть. Она практически сопутствовала всей моей творческой деятельности. В советское время моя музыка звучала на телевидении, по радио, сейчас такого нет. Это связано с тем, что творческие организации в постсоветское время вообще перестали что-то значить, за исключением театральных и кино союзов. Союз композиторов беззащитен, безденежен и мало связан с государственной политикой по культуре. Раньше были условия, равные для всех. Нас часто и регулярно поддерживали материально, предоставляли площадки, рекламировали. Сейчас одному композитору практически не выжить. В нашей рыночной системе творчество превращается в товар. Его нужно продать. А кто торговлей занимается? Обычно всякие посредники. А вот продюсер и есть своеобразный арбитр между автором и потребителем. У каждого известного артиста, творческого лица, начиная от рок-музыкантов, кончая классиками, есть агенты, которые его двигают. За отсутствием таковых живу, в основном, старыми, еще со студенческих лет, связями. Во время совместной работы вижу: приблизился исполнитель к моему видению, слушанию или нет. Например, учащемуся школы-десятилетки Илье Соломатину отдал свой фортепианный дивертисмент. Парень самостоятельно выучил его. Всё сделал профессионально убедительно, зрело. Единственное, я ему в двух местах подсказал связочки, чтобы усилить впечатление. Потом он эту вещь показал своему педагогу по фортепиано. Я спросил, каково ее мнение? Она сказала: «Я ничего не могу посоветовать, здесь все закончено». Яркие личности с большим опытом интерпретируют совершенно по-своему. Мало того, иногда исполняют одно и то же сочинение по-разному. Главное, чтобы было веско для слушателя, чтобы захватило. Если это есть, то ради бога.

Как-то я показал Сорокину объявление в Интернете: «Внимание всех композиторов-мелоди-

стов: вышли две мои новые книжки. Прочитав их, вы сможете стать новыми «Битлз».

– Думаю товарищ, который это провозгласил, не представляет, что такое «Битлз», – комментирует Михаил Иванович. – И чтобы по его книжечке сделаться такими же музыкантами, такого, конечно, не получится. «Битлз» – это же не просто ребята, которые собрались и вместе стали играть. Такое явление тогда было распространено не только в Англии, но и во всем мире. Это – стечение обстоятельств. Во-первых, появился лидер, его соратники, много случайностей, связанных с раскруткой этой группы. Во-вторых, они люди талантливые и единомышленники. И творчески в этом плане работали лихо, и появился вот такой вот результат.

– Ну, а что для вас явилось музыкальным ликбезом?

– Радио. Во времена моего детства там звучало всё: от академизма до песен, эстрады. Причем классика русская и европейская: Прокофьев, Мусоргский, Сен-Санс. Единственное, старинной музыки не было и авангарда. Впрочем, и сейчас их тоже редко услышишь. Когда начинал учиться в музыкальной школе, на инструменте много чего такого не поиграешь. Или на уроке музыкальной литературы много

чего такого не услышишь. Поэтому внимал радио. Записывал, что слушал, даже как-то оценивал. В тот период на меня повлияла именно русская классика: Глинка, Чайковский. Мусоргский поразил, сцена смерти Бориса. В подростковом возрасте заболел такими композиторами, как Скрябин. Это, возможно, связано с какими-то несбыточными мечтами. Чуть позднее – Прокофьев, Шостакович. И потихонечку расширялись горизонты. У меня особого фанатизма нет. Люблю слушать особенно музыку ту, которую еще не слышал. Неважно, старинная она или современная.

– С чего для вас начинается работа над тем или иным произведением?

– Смотри, какое сочинение. Бывают заказы: театр или еще для кого-то. Сейчас на моем рабочем столе симфоническое произведение, которое задумывалось лет 10–15 назад, я его смутно чувствовал. Оно во мне звучало, но не было окончательной драматургии. Имелась концепция, но не было деталей, интересных тематических находок. Сколько раз к этому возвращался, но безуспешно. И, в конце концов, оно, видно, где-то подспудно зрело. И в один прекрасный момент, обрисовалось, вычертилось, и работа пошла. Та-

В армии во время занятий музыкой.

ким образом, афоризм Маяковского «в грамм добыча, в год труды» применим не только к поэтам, но и композиторам. Иной раз садишься, и сразу всё сочиняется одновременно, но для этого необходимо вдохновение.

– Аранжируете сразу или позже?

– Все зависит от замысла, сложности, состава оркестра. Можно писать для какого-то апробированного состава инструментов, а еще лучше, когда ты знаешь определенные способности солиста. Это, так сказать, идеальный вариант. Что касается оркестровой музыки, то она определяется по жанрам: камерные ансамбли, большие симфонические и эстрадные оркестры. Если замысел неопределенный, смутный, ты не можешь еще решить, в каком оркестрово-тембровом составе она определится. А когда он четко сформировался, тут же оркеструю. Бывают, что клавиш создаю обязательно с какими-то подробными репликами, оркестровыми пометками. Скажем, сочинение

«Аэлита» я задумал для симфонического оркестра. Однако такой возможности пока не оказалось, мне предложили камерный вариант. И я сделал партитуру именно для струнного оркестра. Там, конечно, есть свои какие-то потери, но имеются и плюсы.

– Как сочиняете: за роялем или без инструмента?

– Поначалу, в основном, работал за фортепиано. Это не значит, что рамплиссажем¹ занимался: пальцы ткнут какую-то клавишу, аккорд, и у тебя дальше идет какое-то развитие фантазии, элементы импровизации. В последние годы сочиняю без инструмента. Может быть, это связано с опытом. Само собой получается. И точно соответствует тому, как ты это задумал. Есть сочинения, которые писал, вообще не прикасаясь к роялю, даже крупные. Концерт для тромбона, например.

– Когда возникает желание написать, вы думаете о форме?

– Есть уже законченные академические музыкальные жанры,

каноны, правила. Когда учишься в консерватории, там тебя по этому пути и ведут. Напиши вариацию, сонату, квартет и так далее. Это нисколько не умаляет и не сдерживает никакой фантазии. Нормальный процесс, в который ты вовлекаешься, окунаешься, ты должен через это пройти, безусловно. Что касается дальнейшей самостоятельной творческой работы, то здесь двойка. Либо ты уже знаешь, что это будет музыка такого-то жанра. Например, писал концерт для флейты и струнного оркестра и задумывал его по всем правилам и канонам содержания, стиля. Бывает, сочиняешь миниатюры, и воспринимаешь их уже в каких-то законченных готовых структурах: двухчастных, трехчастных и так далее. В процессе написания всегда есть моменты, которые связаны с отходом от этих норм. Классическая музыка, в основном, следовала стандарту. Сейчас такого у профессиональных композиторов и не встретить. Поневоле сам замысел влияет на процесс формы,

¹ Фаршировка пространства музыкального произведения с целью лишь бы заполнить.

Сорокин у рояля

на структуру, масштабы. Важно, чтобы драматургия была не просто рационально математически вычислена, необходимо ее найти, рассредоточить так, чтобы она взаимодействовала с законами восприятия музыки и искусства. Своими кульминациями, волнами. Все зависит от звукового музыкального потока. Поэтому последние сочинения возникают без намеченного структурно-жанрового определения, иногда и не знаешь, к какому стилю все это отнести.

– Чем вызвано написание пьесы «Пагода в горах»?

– Она возникла спонтанно. Это не только мое желание, но и многих композиторов: писать музыку в разных стилях, жанрах. Появился фортепианный цикл «Мы путешествуем». Долго вначале не мог определиться, куда путешествуем, по каким странам и континентам. В конце концов, обозначилось 7 частей. И эта музыка была уже сразу задумана для двух фортепиано. На нее поступил заказ. «Пагода в горах» – это, может быть, Вьетнам, Камбоджа или что-нибудь такое. Мне самому, к сожалению, там побывать не удалось. Это мое представление.

– Ваши какие-то увлечения помимо музыки?

– Сейчас нахожусь в таком возрасте, что у меня одно увлечение – сочинять музыку. Остальные хобби не то, чтобы неинтересны, а мешают, отвлекают от самого процесса. В свое время много чем увлекался. Студентом имел первый разряд по теннису, был чемпионом области по этому виду спорта. Интересовался философией, живописью, поэзией. Это необходимый момент духовного восприятия мира через творческое видение другого поэта, художника, композитора. Почувствовать его эмоции, настроения, посмотреть на мир его глазами. В этом смысле как бы ты обогащаешься. И политикой заниматься интересно. В общем, всем.

– Знаю, что вы не обошли стороной и такой популярный жанр, как песня...

– Сколько себя помню, а я очень рано начал писать музыку, у меня к вокальному жанру всегда

были пристрастия. Я – автор полсотни песен. Все они были связаны с каким-то импульсом извне, заказом самодеятельных поэтов. Давно и плодотворно общаюсь с ними. Знаю, какие у них есть проколы, провалы, какого качества стихи пишут и как умеют работать. Они, так скажем, не знают музыкальную специфику, думают: вот написал слова, рифма есть. Но если, скажем, в первом куплете всё сходится, то во втором коверкается: не совпадают ударения. Или не хватает каких-то слогов. Этим профессиональным тонкостям приходится их учить. Вот года 2–3 назад попало мне стихотворение. Каждый куплет – совершенно новая структура. Не потому, что так задумано, а потому, что так получилось. Поэтому у меня и куплеты вышли немножко разные. На песню это уже не очень претендует по стилистике попсовой какой-то, хотя она написана в этом духе. Знаю, если самодеятельные авторы начнут переделывать стихи, то в такие дебри заберутся, от первоначального содержания ничего не остается. В конце концов, они беспомощно опускают руки и бросают это дело.

– Есть любимые произведения?

– Это значимые вещи, в которые много вложено. Они в большей степени отразили меня самого, вобрали в себя какое-то более объективное или субъективное содержание.

– Говорят, закончилась эпоха советской музыки, в которую происходило ваше становление как композитора. А сейчас что за период?

– Застой не застой, а какое-то безвременье. Это в области и попсы, и рока, и в академических жанрах. Единственное, что объединяет в настоящее время все направления, – взаимовлияние. Оно идет с разных сторон, потоков и времен. Национальные мотивы проникают в любую сферу. Период разброда, поисков. Конечно, это связано с возможностями обмена информацией между культурами с помощью Интернета. То же самое творится в живописи, в литературе. Это связано еще и с от-

сутствием цензуры. Другое дело: рядовые слушатели и зрители бьются в растерянности. Для самостоятельного восприятия такого искусства им необходимо какое-то мало-мальское образование.

– Ваша аудитория...

– Я вижу свою публику, представляю. Стараюсь не заигрывать с ней. С одной стороны, желание написать что-то именно для широких масс, безусловно, есть. С другой стороны, есть аудитория специализированная, профессиональная, как сейчас бы сказали, корпоративная. Безусловно, ты рассчитываешь и на нее. Здесь другие критерии, планка. А в принципе, пришел к такому заключению и стал писать музыку просто для себя, то есть, как ты чувствуешь. И если ты искренне все это делаешь и творишь, если заражен, живешь этим и неравнодушен, то сколько раз убеждался, обязательно твое сочинение найдет отклик у любого слушателя, не только профессионального.

«Сорокин пишет музыку, потому что не делать этого не может, – считает Николай Усенко. – Как часто сегодня авторы обращаются к жанрам, которые не будут востребованы с точки зрения коммерческих тенденций? А он занимается искусством в чистом виде. Высокое отношение!»

Его произведения сегодня можно услышать на фестивалях «Музыка России в Екатеринбурге», «Звук и пространство», «Тагильская весна», «Дни новой музыки в Екатеринбурге», авторских вечерах. В 2008 году Сорокин стал дипломантом V международного конкурса композиторов им. С.Прокофьева (Санкт-Петербург) за сонату для альты и фортепиано.

Недавно Михаилу Ивановичу Сорокину исполнилось 70 лет.

МАРИЯ ВОЛЫНСКИХ

Родилась 17.04.1995 в городе Ирбите.

Окончила ДХШ г. Ирбита с золотой медалью в 2010 году.

Член Союза акварелистов России и Профессионального Союза Художников России.

Лауреат международного конкурса «Такеда. ART/HELP. Прорыв» – 2018, участник международной «Российской Недели Искусств» – 2018.

Вошла в число 60 лучших молодых художников России по итогам 2017–2018 года.

С 2016 года преподает живопись по авторским программам в студии художественного развития – курсы «Базовая акварель» и «Городской пейзаж» для взрослых.

Победитель Всероссийского конкурса молодых художников «Муза должна работать» – 2017/2018 в номинации «Акварель».

Персональные выставки: «Пленэр 2012», г. Ирбит; «M2», г. Тюмень, 2017; «От Урала до Сибири» г. Ирбит, 2018. Готовятся: «Точки маршрута» (февраль-март 2019) в Тюменском драмтеатре; «Точки маршрута» (март-апрель 2019) в Музее архитектуры и дизайна УрГАХУ.

Совместная выставка в музее «Царская пристань». 2016, г. Тюмень.

Участник международной выставки Биеннале «АРТ-Мост-Акварель» – 2017.

Участник международной выставки «Перспектива Акварели» – 2018 и других международных и всероссийских выставок.

«Дворик на ул. Володарского». Ирбит, 2018.

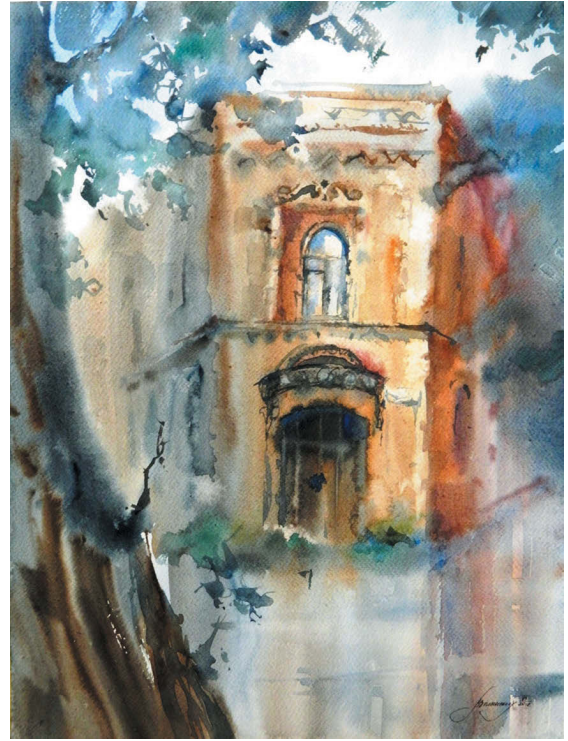
**«Рождественская
ночь».** Тобольск,
2018.

**«Дом купца
Михайлова».**
Ирбит, 2018.

«Забытый храм».
с. Преображенка, Тюменская область, 2017.

«Бывший магазин купцов Казанцевых».
Ирбит, 2018.

«Дождь в Тобольске». 2018.

«Абалакский мужской монастырь». Абалак, 2018.

МЕМОРИАЛ (ПОВЕСТЬ)

*«... Кто неправильно застегнул первую пуговицу,
уже не застегнется как следует...»*

Иоганн Вольфганг Гете

*Глава первая. «Миром правят случайности»
«...Случайность – логика фортуны...»*

Владимир Набоков

Владлен КОЗИНЕЦ

г. Екатеринбург.

– Старичок, вы там чё, с дуба рухнули?! – голос спортивного комментатора Центрального телевидения Георгия Шуркова аж просел от удивления. Сейчас он совсем не походил на тот уверенно-сладкий баритон, от которого млели все женские сердца от Москвы – до самых до окраин. – Ты там рамсы не попутал? Вы вчера, видать, хорошо отметили начало турнира...

– А то! – комментатор Уральского ТВ Роман Ребров не скрывал, что ему приятно было поразить столичного коллегу – со всей страной в придачу. – Все как на духу изложил. А насчет «отметили»... Сам знаешь, у нас жмотиться – не в заводе. Да и сегодня не насухо поживем. Приехал бы...

– Рад бы в рай...

– Понятно. Грехов-то ведь у тебя нет – одни долги.

– Про мои долги лучше не спрашивай. Слушай! Я когда твой репортаж перед самым обзором во «Времени» получил, чуть с дуба не рухнул! Как это получилось, что сборная легла «Химику» 2:4? Это ж полный разгром... всяя Руси!

– Не просто легла. Распласталась! Как лягушка под трактором. В двух словах – Рамштейн, как всегда, грамотно построил игру, в своей обычной манере – ну, как чехи – от обороны. А после кинжальными проходами задавил. Как прорыв – банка! Да ты бы ее видел, эту сборную! Слезы... Завтра начинаем трансляции, сам поглядишь.

– Завтра я уже буду в Альпах.

– Об эту пору? И что мы там за были?

– Неформальный чемпионат мира на глетчерах¹ – гонки на со-

¹ Нетающие ледники. (Здесь и далее – комментарии автора).

бачьих упряжках. Это зрелище – я те дам! Не для слабонервных! Картинка будет – зашибись! От телевизора народ за уши не оттащишь!

– Привет заграницам. Хорошо хоть не на Тянь-Шань загнали. Хотя этого добра типа льда и прочих экзот – и на Алтае навалом. Но вы ведь хрен туда потянетесь. Другое дело – альпийские прелести!

– Не завидуй. Вы там по-прежнему в футболках щеголяете, а мне опять в унты нырять. По самые уши!

– Уже реву! Ну как тут слюну не сглотишь? Кстати, об ушах... Гера, что слышно – как там мой вопрос? Решается? Или, как всегда, ваши гнилые московские «базары» верх возьмут?

– Чё ж ты так нас не любишь-то, старичок? Мы к нему всей душой...

– Все равно чаще – другим местом. Поматросите – и бросите. У вас это – норма. Как у нас – бухать по поводу и без.

– Докладываю! Сегодня своими глазами видел проект приказа о создании целого Олимпийского отдела для переподготовки кадров Гостелерадио к Московской Олимпиаде. Ты в списках есть. А вот в каком качестве – не скажу. Это после решаться будет – главное, с приписными душами раскрутиться – как я понимаю ситуацию. А то местное начальство своих любимчиков подсунуть норовит – а нам реальные штыки нужны практически почти по всем категориям. Комментаторов у нас, если честно, своих как бы хватает. А вот звукарей, ассистентов и всякой другой

шелупони – кот заплакал. Будем скрести по всей стране великой.

– Ох, слышали бы они тебя сейчас. Недолго бы ты в своих говно-ступях в Гренландию топал. Мы, периферийные – злые мальчики. Особенно когда нас обижать возьмутся... столичные светила.

– Свои же не сдают! Ты-то – по-прежнему свой? Или уже откололся?

– Если свой – ответ как на духу. Мои шансы? Ты знаешь, о чем я...

– Скорей всего, тебя на координатора по всем видам борьбы готовить будут. Учитывая адскую спортивную квалификацию монстра с Урала. Великого и страшно-го – как моя жизнь.

– А я уже и не спорю.

– Насчет великого? Как будто кто тебя спрашивать будет! Родина потребует – исполнишь в лучшем виде. Это все, что знаю. Давай лучше о хоккее перетрем, пока труба не позвала.

– Шуруй!

– Вот я и говорю – ну вы дайте, уральцы! Весь мир удивляете. Того гляди, еще ваш «Авто» сборную выдерет. Вот тогда похочем от души.

– Ну, до этого еще дожить нужно.

– Ладно, всё. Убегаю. Всем знакомым – привет! От нас, гнилых столичных.

– Давно ли сам москвичом заделался?

– Давно, старичок. Скоро двадцать лет. Я ж тебя на целых десять годков постарше буду.

– Возраст – не повод для снисходительности. А она у тебя уже прорезаться стала. Точно как у заправских москвитов.

– Комплексами не страдай. Очень бы захотел – давно бы столичным стал. Предлагалось же... Сам рожу воротить.

– Да причем тут моя рожа. Так мне в Москве эфир и дали! Первые десять лет – на побегушках, вторые – в помощниках. А там уже и крындец подкатит. Смолоду надо было атаковать московскую возвышенность. Как некоторые. А

здесь я – человек. С прописной пишется!

– Может, ты и прав. Ни бабушки в Кремле, ни дяди маршала у тебя нет. Лимита!

Традиционный предсезонный турнир по хоккею с шайбой обычно интересовал на Урале разве что самих хоккеистов да завзятых фанатов хоккея. Собиралось, как правило, четыре-пять команд – без различия в рангах и лигах; разыгрывали какой-нибудь приз – только для того, чтобы посмотреть, насколько удачно удалось переформировать дружины за лето да в какой форме парни после отпусков. Но этому августу суждено было стать судьбоносным. Незаметно, но неумолимо подкатила грустная круглая дата – двадцать пять лет назад при перелете на очередную игру в Челябинск здесь разбилась звездная армейская команда ВВС. В честь нее и решено было обычный турнир провести под флагом памяти об этих выдающихся людях. Включились, естественно, соответствующие рычаги. Подбор команд определял на этот раз Спорткомитет СССР, а не, как обычно, местные руководители спорта. Так в турнирную таблицу к уральскому «Авто» попали не кто-нибудь, а ЦСКА, подмосковный «Химик» и сама сборная страны.

Ребров под это дело трансляций назаявлял – свыше всякой нормы: и прямых, когда матчи должны были проходить в вечернее время, и в записи – кто ж в пять часов игру будет смотреть? Его, как водится, осаждали. Передвижная телестанция у нас одна? Одна! Художественное вещание тоже как раз на это время планирует прямой показ серьезного концерта; «молодежка», пока снежок не выпал, проводит выездные курсы пэтэушников... Скромнее надо быть. Не чемпионат же мира обрушился на нашу голову!

Роман заготовил впрок «козырной залп» и, естественно, тут же

пустил его в ход. Чаще всего это помогало.

– А если Москва затребует картинку подать? Локоточки будем на ходу кусать? Акробатический этюд делать? Не надоело? Это же – сборная, ЦСКА! Да и «Химик» – не пальцем деланный.

На этот раз мишень не рухнула, залп просвистел мимо.

– Вот пусть сначала затребует, – зам. генерального был неумолим.

– Да ведь две недели осталось. Из печатной программы выпадем.

– Ситуация припрет – пойдём и на изменения. Чудак-человек, ей-богу, пан спортсмен: любые поправки – подъем рейтинга.

– Ага. Особенно для тех, кто дальше носа не видит.

– Чем пожилых людей попусту оскорблять, звякнул бы на ЦТ лишний раз. Что они сами об этом думают? И пусть немедля факсом подтвердят, нужны им эти матчи или нет. Может, все ваше дерби – местные радости?

– Это сборная-то СССР – местные радости?

– Меньше пафоса, больше дела. Не отвлекай от работы.

Когда Роман был уже в дверях кабинета, начальник в спину задал свой любимый ехидный вопрос.

– У тебя, кстати, лимит вещания все еще позволяет в полном объеме всю эту прелесть показать? Ты что, полквартала спал? Или заранее знал, да помалкивал... хитрован?

– Кто ж предполагал два месяца назад? – вполборота пробормотал Ребров. Он этот вопросик, конечно, ждал, но предпочел сам не будировать.

– Ну конечно! Приятную обязанность поотбирать у других редакций объемы вместе с гонораром спортивный лидер, естественно, оставил руководству. Как же иначе?!

– Кто ж меня послушается? Полчасика я бы еще поклянчил...

– И ради чего я сейчас должен всю эту бучу затевать? Ради твоих прекрасных глаз? Если поджигает – посуетись! Учить не надо? Чего стоишь?

Московские коллеги энтузиазма тоже не проявили. Редактор трансляций спортивного отдела Центрального телевидения Сашка Юренев принялся уныло зудеть: футбол еще не кончился, а вы со своим хоккеем прете через все дыры. Погодите зимы, честное слово. У нас ЧП на ЧП лезет...

– Поделись, болезный. Заранее плачу. Вместе с тобой.

– Тебя бы в мою школу! Смекай: какой-то идиот назначил одновременно матчи с участием спартачей и динамовцев в одно и то же время, и это – на разных стадионах города. Мало что они нам кислород перекрыли по части прямого показа – это еще полбеды, хотя тоже – как посмотреть: наш Первый за «Динамо» болеет, а два его зама – за «Спартак»; тут как ни крутись, а люлей получишь не от одного, так от двух других. Есть темка еще покруче: где город столько милиции зараз возьмет, чтобы всех этих бандюков-болел заблокировать? Приходите, грабьте, убивайте по всей Москве! Она – ваша! Все менты – на футболе! Хоть конные, хоть пешие. А ты – хоккей...

– Так ведь сборная играет!

– Да и хрен на нее. Какая это сборная? Голимый эксперимент! Ее еще на сто раз переформируют. Да и главный их, этот гоголевский персонаж Добчинский – дал же бог фамилию бедолаге – сидит как на угольях, вот-вот под зад коленкой наладят. Несмотря на влиятельного тестя. Ты знаешь, что этот мудак деревенский практически всех армейцев попер? Естественно, кроме Владика Тройчака – куда ж без такого вратаря!

– А то! Тем интереснее!

– Ну так ты репортажиками этот интерес и удовлетворишь. Адью! Желаю бурных и продолжительных...

– Cours².

– Не понял?

– Сам же на французский перешел.

– Think positive³, эрудит хренов! Я и себе этого же желаю.

²Беги (франц.)

³Мысли позитивно (англ.).

Но потом последовал «звонок из Крыма». «Бровеносец» просто поинтересовался: надеюсь, я наконец-то увижу свой любимый ЦСКА? Не говоря уже о сборной. Как там Владлен себя чувствует? Колено залечил?

И завертелось! Реброву около двух часов ночи позвонил домой сам Главный редактор спортивных программ ЦТ.

– Я тебя, Ромка, чаем, не с бабы сдернул? У вас же уже ночь на дворе. Глыбокая.

– Да что вы, Александр Владимирович! На телефоне сижу. Жду результаты – как там наши волейбольные девчата в Запорожье рубятся.

– То-то я к тебе никак пробиться не могу. Как до Совета Министров дозвониться.

– Работаем.

– Потому и на Олимпиаду тебя берем. Амеб у нас своих хватает, а вот деловых парнишек... Я что звоню: час назад факс к вам ушел. Твое начальство его с утра прочитает. Берем полностью по два последних матча с участием ЦСКА и сборной.

– Я этого, честно говоря, ждал. Да технику выбить не мог у начальства. Здесь все игры представляют интерес – чемпион на чемпионе. Армейцы со сборниками, естественно, в последней игре между собой биться станут. Надо показать!

– Да кто ж нас с тобой слушает? Теперь-то тебе все дадут. И еще добавят! А сей минут получи от меня персональное задание. К вам комментировать придет Женька Капитанов. Это будет его первый опыт. По результатам будем решать, брать ли его в штат. Ты уж его там попаси. Как борец борца прошу! Он за последние два года, пока директором детской хоккейной школы лопатил, совсем сдулся. Как мыльный шарик стал: сверху из себя весь по-прежнему радужный, а изнутри... Пустей пустого! Совсем олимпийская звезда уверенность профукала. Мы ж ранимые...

– Завидуют, Александр Владимирович. Физически наезжать бесполезно. Так хоть морально...

– Былым победам завидуют, считаешь? Возможно.

– Пока фигура на пьедестале – на нее все молятся.

– Вот именно! А только упади... В общем, головешки остались от двукратного олимпийского чемпиона.

– И семикратного чемпиона мира и Европы.

– Это только ты и помнишь. Я и то подзабыл. А он – и подавно. Окажи внимание, уважение там... Ну, я тебя не учу. Зачем грамотного мужика портить?

– За грамотного – отдельное спасибо.

– Репортажи на «Время» – естественно, по-прежнему за тобой. Он этого еще не умеет. И не скоро научится. Да и как не дать подзаработать отцу семейства с краснознаменного Урала?

– Все будет тип-топ, Александр Владимирович, не беспокойтесь.

– Я и не переживаю. А также весьма ценю твою тактичность: ни одного встречного вопроса про Олимпиаду не задаешь, скромный ты наш.

– Надо будет – скажете. Поперек батьки...

– Когда сам буду окончательно в курсах. Пока только план расписан – учеба отдельно по категориям специалистов, потом ряд перспективных «прогоним» через чемпионаты, в том числе – и за рубежом. Думаю, ты должен попасть в эту обойму. Ну и, естественно, по полной программе – отработка на Спартакиаде народов СССР, за год до главного события. Так что на это время отпусков не планируй.

– Разберемся. Всегда готовы!

– Давай, пионер.

– Уже даже не комсомолец.

– Я ж – в американском смысле слова. Первопроходец, энтузиаст! Успехов!

Родьке Добчинскому переезд в Москву был ну совсем «в

ломы». Так и заявил сиятельно-му тестю.

– Я здесь родился-вырос, в своем родном Сарыне. Тут меня каждая собака знает. И в хоккее гонять начал по морозцу, без закрытых Дворцов. Здесь же, с божьей помощью, до тренера команды мастеров дорос. Волга – вот она, рукой подать; рыбалка, моторка: живи – не хочу и как хочу. И не нужно каждому объяснять, что фамилия моя Добчинский, а не как иные придурки по-комедийному величают. Вообще – всё здесь по душе, сложилось-случилось за сорок лет. На хрена это менять? И чего ради? Москва разве медом намазана?

– Дачу на Волге-реке у тебя никто отнимать не собирается, не колотись. И хорошо обдумай, прежде чем отказываться. В Москву зовут один раз, второго – не будет. И из столицы назад никто еще не уезжал – она всех принимает, кто не совсем круглый едит. Раз и – навсегда!

Михаил Арнольдович Седин, отец жены Настасьи и Родькин тесть, стремительно выросший всего-то за три года с председателей профкома меланжевого комбината до секретаря облсо-впрофа и вот теперь – до зампреда ВЦСПС, в пререкания с зятем вступать, собственно, и не думал. Однако салазки подзавернуть строптивцу не мешало. Потому и снизошел до беседы. Хотя начальственный свой тон-нахрап, отработанный за последнее время, менять не стал.

– Вопрос о твоём переводе решен и обсуждению не подлежит! – многозначительно взглянул он на Родиона. – Пора укрупнять масштаб мышления, пенек ты деревенский. Тебе, окраина, доверяют лучшую профсоюзную команду страны. Бывшую лучшую. Чтобы, значит, ее возродить. А то б так тебе ее и вручили, кабы все их дела были на плаву. Ты хоть это осознаешь? Дубина стоеросовая – вот ты кто, зятек любименький! А хоккей – он и в Африке хоккей.

У нас на пленуме так прямо и поставили вопрос: до каких времен мы будем терпеть превосходство армейцев? Надо укреплять ведущее звено. Вот и до тебя докатилось...

– Сравнили! Эти многозвездные любого призвать могут. Не пригосился в ЦСКА – пусть за СКА питерское гоняет. Там не ко двору – так хоть за армейский клуб Мособласти или Пензы будет носиться.

– Вот и пора с этим бардаком завязывать! К тому же... Армейский хоккейный бог и начальник скоро по возрасту не сможет ни клубом руководить, ни сборной. Чем не шанс? Дадут ему на дорожку генеральские погоны, и пусть себе на пенсии отдыхает весь в медалях, титулованный и заслуженный – как бык племенной. Тебе самому-то разве не хочется свои силы на самом высшем уровне попробовать? Давай, давай, кочевряжься! Не беспокойся, мигом другого найдут. Нам-то с тобой зачем посторонний? Хоккей теперь по моему профилю проходит. Пооботрешься на Москве годик-другой, как раз и пора настанет на сборную претендовать. Я ведь тоже не вечный. Ну, пяток годков еще протяну на своей должностенке. Как раз с пользой для тебя, дуралея. И внушеньки не в Саратове учиться будут, а в МГУ. Ты о них-то подумал, эгоист хренов?

Седин скоропалительных решений сроду не принимал, но уж ежели семь раз по семь отмерил и сальдо с бульдой сходились тик в тик – времени зря не терял. Пёр что твой бульдозер! Этому его жизнь научила.

Первые годы Мишка рос как трава – куда ветер подует. Все на сенокос – и он туда же. Ребята в ночное собрались – и Михайла с ними. Там, в табуне, приглядел он себе жеребчика – каурого, с острой челкой, с пятнышком с кулак не левом боку. Особо его обихаживал, расчесывал, следил, чтобы тот не сухую траву жевал, а свеженькую, да по стерне ак-

куратнее хаживал – чтоб занозы из копыт не выковыривать. Так и прозвал его – Кулак. Колхозный пастух дядя Корней коротко спросил однажды:

– Прикипел? За тобой будет!

Наступила пора холостить – чтоб раньше времени в производители либо в гужевые не запрягли – сам друга к ветеринару отвел. И стали они неразлучными. Даже когда военкомат направил на шофера учиться, находил время заглянуть в конюшню – вычесать репьи из гривы, подкормить сенцом, просто погладить, в глаза его огромные заглянуть – как живет-ся коню, не лихо ли без постоянно-го пригляду?

Эта любовь сыграла впоследствии с лейтенантом Сединым поворот в судьбе. В Гумбиннене⁴, перед самым штурмом Кенигсберга, комполка майор Харазия вызвал к себе взводного и без обиняков приказал:

– Дуй в обоз, выбери себе лошадку – ординарцем тебя к себе беру.

– Да разве ж там скакуны? Одры. Им только телеги таскать! Вот был у меня до войны...

– Прикажешь тебя на Волгу командировать? Да и жив ли твой конек... после всего, что там немчура проклятая наворотила.

И началась у Михайлы совсем другая жизнь. При начальстве – не то что ванькой-взводным: и жрачка получше, и воли побольше. Правда, майор гонял в хвост и в гриву – иной день из седла не вылазишь. Но все же поменьше стало над ним начальников – взводным-то командуют все кому не лень.

Кенигсберг брали трудно – от полка разве что половина осталась. А от Мишкиного взвода – практически никого. Кабы не новое назначение – и его головушка где-нибудь в поле лежала бы. Конечно, Седин от шрапнели не уворачивался, и его тоже малость подзацепило – лежал в знаменитом на всю Европу Кенигсбергском госпитале с перевязанной ногой да знай себе

⁴ Ныне – г. Гусев Калининградской области.

попрыгивал с костыликом то в столовку, то на процедуры. Врач успокоил – через месяц выпишем, ничего серьезного, послужишь еще! Медсестрички были тут ласковые, холеные – не то что в их медсанбате с земляным полом, сплошь усеянным кровавыми бинтами, где пришлось и ему отметиться после контузии. Там-то мат на мате стоял, не хуже чем на передовой; а здесь – чистенько, по имени-отчеству, «пожалуйста» через слово! Госпиталь был что отдельный город – многоэтажный, с двумя цоколями – где и буфеты, и магазины военоторговские. Только что выпивку не продавали, а шоколадки там всякие, рогалики, из вещичек что по мелочам – сколько душе угодно. А парк какой! Будто рядом и войны не было. Одна из медсестер, когда случилась у них спонтанная вязка в ночную смену – ну не любовь же! – прямо в перевязочной, много чего рассказала. Всю войну крышу госпиталя белой известью красили, а выстроен он в виде креста – и ни одна бомба рядом даже не легла: ни наша, ни немецкая, ни американская. Так и сохранился островок для раненых в целостности и полнейшей неприкосновенности!

Там и нашел Михайлду комполка – в новеньких погонах с двумя звездами. И с рукой на перевязи.

– Товарищ май... ой, подполковник...

– Лежи, вояка! Кто тебя на левый фланг гнал под артобстрел? Видел, как тебя шибануло.

– Так там же мои, ну, бывшие залегли на шоссе – надо было их вытолкать до траншеи немецкой. Всего-то метров сто...

– Да я ж не ругаю. Только был ведь у них свой командир. Сам же назначал!

– Какой из сержанта командир? Так, одно название.

– Да уж и названия нет. Все на том месте остались. Я не об этом хочу поговорить. Полк отправили на переформировку. Как выйдешь отсюда – дам тебе роту, старлей. Думаешь, мне одному по звезде набросили? Погоди, еще орде-

ночки пойдут! Взяли же мы эту крепость! А немчура надеялась устоять! Хрен им в дышло! Давай, поправляйся. Пора уже о послевоенной жизни подумать.

– Да мы тут с ребятами, от скуки, всякие идеи развиваем.

– И какие же?

– Разрешите доложить? Я уже кое-что скумекал. Понятно, что как мир заключим, армию пойдут сокращать. А у меня выслуга – ого-го! Прямой путь – в милицию, или там – в конвойные войска. Шпаны в стране развелось – не сосчитать! Должен же ей кто-то укорот сделать? Кто, как не мы, фронтовики?! Да и... Зачем погони терять? А если на севера податься, где лагерей погуще – там год за два пойдет. Глядишь, годикам к тридцати хороший пенсион выйдет. С такими деньжищами можно до конца дней в деревне жить – не тужить!

– Да уж... Кругозорчик у тебя...

Ладно, пора мне. После договорим. Выздоровливай. Да болтай поменьше – про лагеря там, еще о чем... Особисты и тут не спят. Не понравится им чего – улетишь в те лагеря сизым голубем без всякого стажа. Пора поуменьней быть.

Этот разговор не шел у Михайлы из головы. Батя – как звали командира все в полку – голова, поболее других о жизни понимает. Потому у него в хозяйстве всегда порядок: люди вовремя накормлены, лошади обихожены, техника всегда на ходу. За ордена не бился, народ почем зря не клал, как некоторые. На три шага вперед глядел! Благо опыту у него еще с Гражданской – выше головы. Раз сам затеял беседу – видать, кое-что удумал земляк – на Волге они жили до войны не так чтобы и далеко друг от друга, верст сто пятьдесят, не боле. Отсюда и внимание к скромной персоне взводного. Да уже и не взводного – совсем недолго покомандовал Седин ротой, как убило шальным снарядом комбата, и Харазия, недолго думая – когда на фронте рассусоли-

вать? – назначил старлея на место командира батальона. С наказом: башку под пули-снаряды особо не подставлять, держать в поле зрения все роты, а это под три сотни человек! На новом месте голова куда как дороже, чем оголтелая отвага.

Продолжение разговора состоялось уже в Берлине. Разместив батальон повзводно по домам – уютненькие виллы были в этом Тиргартене, зеленом райончике немецкой столицы: просторные, ухоженные, рядом парк с чистеньким озерцом, лебеди плавают – комбат, уже с капитанскими погонами, двумя медалями и двумя же орденами на гимнастерке, почистился, подшился и явился к комполка во всем блеске докладывать обстановку. Думал, на совещание идет, а попал... на обед. Вилла у Хасана Лагустановича была персональная. Все чин-чинарем – немочка в накрахмаленном чепчике, переднике в полосочку аккуратна, но без подострастия разливала в красивые фарфоровые тарелки с подтарельниками наваристый борщ, умильно всем улыбалась, кланялась чуть заметно, книксен их этот делала всегда к месту. В залу входила неслышно, обслуживала тихохонько – не в заводе у них мешать мужчинам дела обсуждать. По тому, какие яркие взгляды бросала она на комполка, Седин сделал вывод: сладилось у них уже все. Эти фрау понимают, что с победителями положено обходиться ласково. А то – башки не сносить, после того что их мужики на наших просторах делали.

Управившись с вкусно пахнущим рагу с крупными кусками кролика, Харазия сразу перешел к затронутой теме.

– Насчет послевоенной жизни... В целом, ты правильно понимаешь обстановку. А в деталях... Ну, станешь ты милицейским, или лагеря охранять пойдешь. У тебя образование какое?

– Восемь классов... Потом малость незаладилась – семье надо было помогать. Да и неохота было за партой торчать.

– Вот-вот. А кадровики будут не на тебя – в документы смотреть. И майором ты не станешь ни-ког-да! Тем более что всем будет ясно-понятно – пенсию ждет не дождется фронтовик, так зачем же его растить? Велят для порядку сначала доучиться, потом потребуют высшее или средне-специальное хотя бы получить. Оно, конечно, правильно – учиться надо. Только вот когда одолеешь – времечко годик-то и натикает тебе по самый верх. Всё – переросток, бесперспективный офицер. Я тебе другое предложить имею. Списался я с райкомом партии в Сарыне – у меня там шурык служит, по возрасту на войну не пригодился. Стоном стонет – мужиков что в райцентре, что по деревням по пальцам считают. И собираются там меланжевый комбинат ставить – чтоб нормальную рабсилу привлечь. Ты хоть знаешь, что это такое – меланж?

– Порода такая, вроде...

– Порода... Есть и порода, но в нашем случае это – ткань, тканое полотно из различных волокон. Кто к ткацким станкам потянется из деревень? Правильно – бабы да девки. А табуну кобылиц кто потребен? Правильно – коневод. То есть – комсомольский лидер!

– Да понятно. Только я из комсомола-то, поди, выбыл. Не до этого было.

– К чему и клоню! Пиши заявление в партию. Рекомендацию я тебе дам, замполит с начштаба сами попросят. И примем мы тебя, как и положено, перед боем – без проволочек, без кандидатских стажей.

– Понял! А вы тоже после войны на комбинат подадитесь?

– Мне-то зачем? Я в военкомы пойду! С моими-то погонами. Во время, не как некоторые, военный диплом заимел. Конечно, если башку в этом Берлине гребаном не прострелят. Война-то еще не окончена! И ты там поглядывай, не будь шустрой других!

Как по нотам читал жизнь подполковник Харазия! Районный центр Сарынь благодаря строи-

тельству комбината рос на глазах и вскорости получил статус города. А подполковник – заветную третью звезду и место в бюро горкома партии. Воспитанника своего вел шаг в шаг: из комсомольского секретаря стройки стал Михаила сначала первым секретарем райкома ВЛКСМ – школьный аттестат получил без помех, на высшее образование нацелился – потому и горком ему доверили. Дернули было перспективного лидера молодежи в обком комсомола – на должность третьего секретаря, по идеологии. Михаил было уже обрадовался – ну какой Сарынь город? Ни трамваев, ни оперного театра. По весне как дожжищи пройдут – почитай, все в сапогах ходят. Но тут военком стеной встал!

– Знаешь, почему тебя в трети нацелили? Хотя идеолог из тебя – как из меня мерин. Потому что выше ты не вырастешь, хоть тресни. Провинция! Зачем от родных осин отрывать?! Третий секретарь кто? Да никто! И звать его никак. На комбинат нужно ориентироваться! Отмазка у тебя железная – дескать, дайте институт текстильный закончить. А потом и отстанут, другого дурака найдут. У тебя свой путь, дурила!

Вскорости и правда позвали Седина в профком комбината – отвечать за работу с молодежью. А по истечении лет стал Михаила уже Михаилом Арнольдовичем – председателем профсоюзного комитета комбината всесоюзного значения. Семейей за это время оброс, связями, знакомствами и стоял на земле твердо, уверенно по всем жизненным позициям. Хотел было породниться через дочь с Харазией – да вышла дуреха за этого хоккеиста, чтоб ему... Ну да ничего, и из таких обалдуев людей воспитать можно. Ежели терпения набраться.

СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!

«...Да не по носу табак...»
Павел Петрович Бажов

Так оно и вышло, как Седин предрекал. Словно зануда-тесть

все знал наперед. Ровно через два года после работы в столичном клубе Добчинскому официально предложили возглавить сборную страны. Слава всевышнему, что к тому времени он уже избавился от страха хотя бы перед своими «спартачами». А поначалу-то...

Они в первую-то лигу в своем Сарыне незнамо как попали. Все началось с юбилея тестя. Полковник Харазия, к тому времени преспокойно пребывавший на заслуженном отдыхе, военкомат свой, считай, передал по наследству сыну. Успел дотянуть отпрыска до начальника третьего отдела, отвечающего за призыв, ненавязчиво нанизывая звездочку за звездочкой. Прежде чем уйти на покой, он предложил облвоенкому:

– У нас призывник справный идет? Это с неба не падает. Будет кто другой горвоенкоматом руководить – мне все будет по барабану. А так – и прослежу, и подкажу, и подстрахую. Вам-то что от этого – кисло будет? Меня и в городе, и в области большие люди долго еще привечать станут. Немало добра успел сделать!

Совсем молодой подпол-облвоенком только согласно кивнул головой – этот ветеран всех войн дело знает.

Сейчас оба Харазии – и нестарый еще Хасан, и совсем молодой тридцатилетний майор Викентий – сидели во главе праздничного, президиумного стола как одни из самых почетных гостей – в компании директора комбината и секретаря парткома, там же разместили всех горкомовских секретарей с женами, областное начальство. А когда образовался перерыв в здравницах юбиляру, как-то так получилось, что оба офицера оказались на просторной веранде сединской дачи наедине с тестем и зятем. Харазия-старший по укоренившейся привычке взял бразды правления в свои руки.

– Тут меня, мужики, в попечительский совет твоего «Текстильщика», Родька, включили. Есть, как говорится, мнение – хватит на

первенстве области призовые места отбивать. Раста, дескать, надо в класс «Б». И знаете, что я ответил, земляки? Усилий и средств на класс «Б» уйдет столько же, что и на первую лигу класса «А». А эффект? Если напрягаться – так по максимуму! Тогда и федеральный бюджет потрясти можно – а где в Сарыне Дворец спорта с искусственным льдом, чтобы первоклассных парней готовить? И будьте уверены – средства найдутся! Когда задача с размахом – и решения ей под стать. А ты, Родька, не тушуйся. Мы с Викой тебе плечико подставим. Призыв в армию в чьих руках? Вот и подберем по всему округу ледовых бойцов загодя, пока другие не успели захомотать. А таких мальчишек полно! Уж мне-то поверьте! И никому из них неохота полы в казарме драить да в караулах на морозе нос простужать.

И ведь пошло-поехало! В классе «Б» только два года и пробыли. И Дворец спорта – типовой, с трибунами на десять тысяч зрителей – стали возводить ударными темпами, и к первой лиге малость что не успели. Но уже второй круг первенства страны «Текстильщик» отметил победой на своем искусственном льду! Добчинскому казалось, что всё – жизнь удалась на все сто процентов. Чего еще желать? Стать чемпионами страны от них никто требовать не может – не тот уровень. Солдатики, услужливо подогнанные Харазией-младшим, тоже в высшую лигу не рвались и почти всем косяком остались в команде, как бы их не сманивали проницательные «купцы». Кое-кого пришлось и отчислить – в первой лиге возможностей набирать крепких профи оказалось куда как проще. Жить бы да не тужить...

В столичном клубе Родьке просто повезло – чехарда с главными тренерами, длившаяся последние три года, всерьез и надолго опустила прославленную команду в середину таблицы чемпионата, а тут и великие игроки ушли на покой, так

что оставшимся совсем не до понтов стало. Осмелевший Главный пошел на активные эксперименты. Быстренько подобрал из периферийных клубов игроков в главную, ударную тройку нападения, благо с обороной все было более-менее в порядке. Там в воротах стоял надежный Саня Ионас, бывший игрок сборной, вечно второй в национальной команде страны и уже в возрасте хорошо за тридцать, чье немецко-казахское воспитание, закаленное в дружине Усть-Каменогорска, служило гарантией стабильности. Так что бороться за авторитет руководителя Добчинскому, к счастью, практически не пришлось. А вот в сборной...

Перед первой тренировкой он, как и положено, дал установку на двустороннюю игру и с изумлением увидел, что его наставления армейский состав просто пропустил мимо ушей. Ему хотелось, чтобы Андрей Капин, центр нападения первой тройки, стремительнее распасовывал на отрыв Адриану Галдерису направо либо Владиславу Розову на левый край – в зависимости от того, кто раньше успеваешь прорваться с флангов на «пяточек» перед воротами соперников. А эти «звезды» по-прежнему проходили центр поля в мелкий пас, меняясь позициями – то есть открыто демонстрировали совсем другой рисунок игры. Добчинский остановил тренировку, подозвал всех к бортику.

Они катились вызывающе лениво, о чем-то переговариваясь между собой... Требования тренера слушали как бы вполуха и, практически не дождавшись команды на продолжение, отвалили от бортика. Будто наставника здесь и не было! А когда после окончания тренировки Добчинский вознамерился зайти в раздевалку для серьезного разговора, он еще на подходе уловил фразу, сказанную явно в расчете на то, что ее будет слышно в коридоре:

– Интересно, надолго к нам этот зятек? – по голосу и акценту Родион узнал Галдериса.

– А вот сольем игру финнам, сразу заменят, – вторил ему басок Розова. – Назначенец – фигура легкая. Дашь раз под зад – сразу вспорхнет. Как птичка перелетная.

«Что же молчит Тройчак? Он с ними или со мной?» – только и успел подумать Родион. А ноги уже сами несли подальше от этой треклятой раздевалки. Дома он бы этих ффраеров топил в Волге, как котят! Хоть по одному, хоть скопом. А на Москве-реке не замочишь – фарватер не тот! Оставалась слабенькая надежда как раз на звездного Владика. Уж у него авторитета – хоть вагонами грузи. Если мнение – то веское! А к кому прислушаются, если дело до разборок докатится? И еще неизвестно, на каком уровне эти терки пойдут. Может, и тестю не поздоровится!

Вступать в пререкания с начальством Влад Тройчак отучился сразу, как только его выбрали комсоргом сборной и ввели на съезде в состав ЦК ВЛКСМ.

– Ты должен быть выше любых склок, – наставлял первый секретарь ЦК Тяжлов, пригласивший ради такого случая вратаря в кабинет. Тройчак осторожно озирался – в таких властных апартаментах ему бывать еще не приходилось. Да и вряд ли когда придется – знать надо свое место: тут высшие решения принимаются, не в хоккее играют. – На тебя делают ставку как на политика, общественного деятеля – на будущее, когда играть закончишь. Если надежды оправдаешь, конечно. То есть – не станешь дурить, как многие из вас... себе позволяют. Время от времени. То запьют, то от дурных денег голову потеряют. Девки там, другие закидоны. Поэтому загодя и предупреждаю. В воротах ты прстоишь с десятков лет, но это – только старт, если на жизнь с перспективой взглянуть. А финиш будет зависеть стопудово от тебя. Захочешь тренировать – получишь любую команду. И это еще вопрос, выйдет из тебя тренер или

нет. Разные это профессии – игрок и наставник. Я лично знаю великих педагогов от плавания, которые сами в воду бояться сунуться, а их ученики бьют мировые рекорды. Не выйдет из тебя тренера – не беда, могилы копать не пойдешь. Как некоторые. Если голова на плечах – получится функционер. И погоны снимать не придется – до полковника хоть как дослужишься. В армии много должностей, где самому потеть не надо, а с других спрашивать будешь иметь законное право. Ну и советуйся, не стесняйся. Ты теперь – член Центрального Комитета. А это значит – прежде чем сделать глупость, постарайся разделить ответственность с другими. Глядишь, тебе самому поменьше этого дерьма на своем горбу тащить достанется!

Владлен советовать не ходил. Просто решил раз и навсегда не связываться ни во что. Все проблемы – на льду, там их и нужно решать. Тем более что его место в воротах и ЦСКА, и сборной никто не оспаривал, а остальное – мелкие брызги. Но вот сейчас пришлось нанести визит в тот самый кабинет. Очень уж неоднозначная ситуевина складывалась с назначением главного тренера. Армейцы – а их в сборной было большинство – в штыки приняли этого Добчинского. Пока тот возглавлял «Спартак», относились вполне снисходительно. Но вот сейчас...

– Это дело – не лезть! – Тяжлов был неумолим. – Не хватало еще, чтобы комсомол с профсоюзами в драку вступал. И армию в это дело вмешивал. Постарше вас, ребята, люди решение принимали. Не подойдет – они же и снимут. А ну как приживется на сборной этот... гоголевский герой? Ваше дело играть так, чтобы врагам было мучительно больно жить на этом свете. И нету других забот! Не взваливайте на себя бремя управленческих решений. Еще наиграетесь в эти игры. Жизнь – штука длинная.

Прежде чем предпринять неоднозначное, но решительное дей-

ствие, Родион все же решил посоветоваться с тестем. Они уже, слава богу, разбежались по разным квартирам – непонятно, как два года под одной крышей друг друга вытерпели. Теперь встречались в основном на даче. Там-то и удалось уединиться для серьезного разговора. Конечно, пришлось выдержать сперва занудные наставления Седина – как же без этого. Дома, на Волге, это был простодушный, всегда веселый мужик. Москва его крепко обломала. Дисфория⁵ преследовала профсоюзного босса чуть ли не по пятам. Иногда просыпался вроде бы в настроении горы свернуть, но стоило зайти в кабинет... Скорей бы на пенсию! На персональную.

– Вот ты, наконец, стал галстук носить. Уже плюс. Хватит в вытянутых свитерах на людях болтаться, это нехорошо среди солидных людей. Одежда – продолжение кожи. Если у тебя кожа крестьянская, то и любимая одежка тебя выдает с головой. Вот и думай этим самым местом – чем жуешь. Знаешь, что Бальзак сказал о галстуке?

– И что же? – откровенно нетерпеливо отреагировал Родион.

– Вот послушай. – Тесть настоятельно вытянул указательный палец правой руки вверх, сделал значительное лицо, закатил глаза под потолок и стал цитировать по памяти: «Галстук не просто защищает от насморка, простуды, зубной боли, флюса, боли в шее и прочих прелестей, он до сих пор неотъемлемая и обязательная часть наряда и в своих разнообразнейших формах способен многое нам рассказать о самом его владельце». Конец цитаты. Вот так!

– Это когда ж было!

– Современный галстук появился в этом веке, в двадцать четвертом году. Название – элементарно. От немецкого халс – шея, тук – платок.

– Шейный платок?

– Соображаешь. И выглядишь ты в нем куда элегантнее, чем

⁵ Злобно-пониженное настроение (медицинский термин).

обычно. Даже не подумаешь, что сарынчанин. Что у тебя там, давай, не ерзай. Вижу – извелся весь, несчастный ты мой.

– Они хотят финикам матч слить.

– Кто они? Говори конкретнее.

– Армейцы, кто же еще?

Тесть задумался. Голову опустил, глаза закрыл. Думал он долго. Родион уже было забеспокоился: может, переутомился Михаил Арнольдович? Заснул, поди...

– Значит, так, – наконец-то оторвал руки от большого лба Седин. – Поездку в Финляндию ты отменяешь. Подберем тебе что-нибудь другое. А всю эту вонючую тройку из сборной – вон! До чемпионата мира утрясется, бог даст! Времени еще – вагон и маленькая тележка!

Капитанов в короткой синей курточке с рюкзаком за спиной сиротливо стоял на автобусной остановке – да еще и не на той, откуда нужно было ехать в центр города. Ребров его просто прозевал в толпе пассажиров, поваливших с московского рейса. По своей вине прозевал, не по глупости – от излишнего усердия: хотел встретить мировую звезду прямо у трапа самолета в черной директорской «Волге». Но дежурный по аэропорту заупрямился: где письмо, да кто санкционировал... Пока пререкались, великий хоккеист, а ныне временно безработный кандидат в комментаторы тихонечко прошел на остановку, совсем не ожидая, что его кто-то готовится встречать. Роман не только «Волгу» выпросил у директора телецентра ради такого случая. Он на этой представительской машине успел заскочить в областной спорткомитет, к инструктору по хоккею Филиппу Бадехе. Бывшая звезда местного «Авто» наявивал сразу по двум телефонам, костыль стоял в углу кабинета и будто бы не имел к хозяину никакого отношения. То, что не удавалось соперникам на льду – мало кому посчастливилось без проблем протиснуться между агрессивным опорным за-

щитником уральцев и бортиком за все четырнадцать лет его карьеры – не остановило уличную шпану: раздели по ночному времени совсем рядом с домом! И не только забрали дубленку, ондатровую шапку, содрали сапоги, оставив замерзать на морозе, но и избили до полусмерти. Как выяснило следствие, их было трое на одного. Но даже оглушенного сзади ударом по затылку порядком поддатого спортсмена они не смогли одолеть так просто: на месте преступления нашли выбитый зуб одного, клок волос другого, кусок уха третьего Бадеха так и зажал в кулаке; по этим уликам и опознали, и засадили на много лет. Процесс был громким. Но вот спасти ногу Филе до конца не удалось – по колено пришлось ампутировать. Другой бы вообще не выжил в той ситуации: Бадеха полз, слегка оклемавшись, не к дому, а к физкультурному диспансеру. Зло и упорно – как и играл всю жизнь; из последних сил жуя снег, чтобы не заснуть, не оконченеть. Хирург, к счастью, жила в соседнем с работой доме – она по тревоге дежурной медсестры прибежала в халате, наспех накинутом на шубу, сделала что смогла. Так и стал Филя главным специалистом по хоккею в областном спорткомитете. На «своих троих» он не ходил, а летал, заряжая энтузиазмом самых последних скептиков. Так что с ним Роман мог не церемониться.

– У меня новость – держись за костыль!

– Все ваши сюрпризы, пресса, нам заранее известны. Мажем на трояк, что я уже в курсе?

– Давай. Ты знаешь, что к нам едет комментировать Евгений Капитанов?

– Женька?! Да ты чё? Трояк с меня!

– Лучше сто грамм и яичко с получи.

– А я уж его потерял было! Мы с ним круто корешили, пока гоняли по льду.

– Вот и сделай доброе дело для старого друга. Давай его поселим как короля, по высшему писку.

– Не вопрос. Письмо с собой?

– Какое в ж..у письмо? Ты что, мое начальство не знаешь? Ему хоккей – как рыбе зонтик. У тебя бюджет так бюджет – для такого турнирища, поди, отстегнули по полной. А у меня – как всегда – фига с маслом. Соображай!

– Уловил. «Центральная» подойдет?

– Там только люксы клевые. Все остальное – сарай сараем. От купеческого величия старых времен ничего не осталось – даже позолота стерлась. Ладно, давай направление.

– Может, полуплюксом обойдемся? Ты же знаешь, люксы – только для большого начальства.

– А для нас с тобой Капитанов кто, сявка? Самое что ни на есть хоккейное светило!

– Да кто ж спорит? Я и сам к нему с радостью зарулю. Вот только разгребу свои завалы из бумаг.

В номере Капитанов озирался с болезненной осторожностью.

– Здесь еще, наверное, кто-то будет жить?

– Евгений Александрович! Обижаете! Этот номер – целиком ваш. На Урале ценят великих хоккеистов. Располагайтесь как дома.

– А сколько он стоит? Мне может суточных не хватить.

– За все уплачено, не беспокойтесь.

– Как уплачно? Что вы...

– Законно! Комар носу не подточит!

– Ну только если под вашу ответственность!

– А то еще под чью же? Давайте лучше согласуем планы. О доставке во Дворец спорта не беспокойтесь – привезу, отвезу, на трансляциях сам редактором буду – так что все оргвопросы, считайте, решены. Вам поставят отдельный микрофон, звук пойдет по выделенному каналу – можете наших поливать сколько душе угодно. В Москву мы будем подавать картинку напрямую, вам не придется ни о чем беспокоиться. Для местного эфира у нас – свой режим.

– А как вы управитесь – и редактором, и комментатором одновременно?

– И еще сюжеты в наши «Новости» и на столичное «Время» сделать будет нужно. Не впервой. Народу на нашем ТВ на спорте совсем не столько, как в Москве. Я бы сегодня, вообще-то, не комментировал – все равно ЦСКА «Автопарк» положит – да внештатник приболел. Самому придется крутиться.

– А тут еще я на вашу голову свалился.

– Прорвемся.

– Вы сейчас на работу? Тогда мне бы к вам в комитет – командировку отметить.

– Давайте бланк, я сам в приемной отштмпелю. Не отрывайтесь от подготовки. Напомните только потом, чтоб отдал. Честно говоря, могу закрутиться.

– Ясное дело! У вас еще минуточка найдется? Я вот тут заготовок на завтрашний матч понаделал, посмотрите? – и Капитанов достал из рюкзака огромный блокнот, исписанный мелким убористым почерком. Роман быстро просмотрел, вернул хозяину.

– Интересно. Но... Впрочем, у каждого – свой метод.

– А вы как готовитесь?

– С одним листочком. Составы команд, статистика. Обычно это – ватманский лист, исписанный с двух сторон. А так – что увижу, то пою.

– А вы не забудете отметить командировочное? У нас с этим, знаете, очень даже строго...

– Я ничего не забываю. Ну, до вечера. Вернее, я заеду за вами чашка в четыре, сегодняшние игры хотите посмотреть, естественно?

– Конечно. Особенно сборную с «Химиком».

– Это второй игрой пойдет. После того, как ЦСКА наших размажет. Тоже любопытно, как они это будут делать.

– Кто у них на воротах?

– Тройчак. За родной клуб выступает.

– Ну, тогда конечно. Но он ведь по-прежнему в сборной? А то там

такие дела – мама не горюй! Да вы должны быть в курсе.

– Добчинский разрешил ему за армейцев поиграть. Надеется без него обойтись.

– Ой, не знаю. Состав-то у него... не очень. Хотя и страдаю за него – все же родной клуб возглавляет.

– Значит, уверен в Ионасе. Хотя тот по возрасту, как бы это помягче... Не сильно перспективный. Или просто обкатывает своего лишнего раз – для ваших же «спартачей».

Во Дворце спорта к Капитанову бросился в объятия Сергей Левитин. Это была весьма любопытная фигура в хоккее. Левитин работал режиссером художественного вещания на Ленинградском телевидении. Но в хоккее у него была своя ниша. Поговаривали даже, что за ним стоят очень уж могущественные силы, с которыми связываться – себе дороже обойдется. Левитин считался большим знатоком и другом сборной страны, на этот турнир его аккредитовала «Комсомольская правда», где он печатался под псевдонимом Владимировский. А вот неофициально... Ходили слухи, что попасть в любой зарубежный клуб вплоть до канадского или американского проще всего именно через «этого жучину» – так между собой называли спортсмены подпольного менеджера. Сейчас Левитин стоял в закулисье перед раздевалкой ЦСКА, и каждый проходящий хоккеист считал своим долгом с ним поздороваться. За этим занятием и застали его Капитанов с Ребровым.

– Ты где устроился? – спросил ленинградца Капитанов.

– Да пока нигде. Только-только приземлился.

– Роман, а давайте Сергей поживет у меня в номере? Вы не возражаете? – поспешно, будто ждал отказа, обратился москвич к Реброву.

– Хозяин – барин, – пожал плечами тот. Хотя удовольствия это ему не доставило.

Он помнил Левитина по командировке в Питер – случайно оказался свидетелем телефонного разговора режиссера с кем-то из внештатников. Если бы Роману так неприкрыто хамили – ох, как далеко послал бы он этого пижона! Таким напыщенным самодовольством сочилось каждое словечко надутого фанфарона – и как только на другом конце трубки терпели? Конечно же, для Левитина он бы стараться не стал. Ну, раз Капитанову это нужно... А Капитанов вцепился в Левитина как дитя в мамку, что, в общем, Реброву было только на руку – своих забот хватало.

Как и ожидалось, ЦСКА был на две головы сильнее соперников – вкатил «Авто» шесть безответных шайб. А потом «Химик» методично уложил на лопатки сборную. Надо было видеть, как ликовали звезды армейского спорта, успевшие переодеться в дорожное-цивильное и вольготно развалившиеся в специально припасенных для них креслах из кабинета директора Дворца – живого места было не найти не то что на трибунах, только на лампочках болелы еще не висели! Даже в обкомовском секторе пришлось стульчики в проходах подставлять. И это в августе, вне сезона, в будний день! Цээсковцы изредка отрывались от игры, когда к ним со всех сторон тянулись программки с ручками для автографов. Незлобивые уральцы приветствовали знаменитостей, ничуть не обижаясь за проигрыш местной команды – спорт есть спорт. Кто сильнее, тот и забивает!

Злата Сохацкая «чистила пеньки». Сегодня она решила сделать макияж «Вечер в Риме». Поверх тонального крема ванильно-розового оттенка кончиками пальцев умело нанесла на скулы румяна светло-беж, белым цветом выделила участки над бровями, на подвижные верхние веки набросала сливовые тени, подняв стрелки к вискам; жемчужно-серыми тенями широкой полосой

прорисовала глазные складки и нижние веки. Сейчас она обводила глаза по контуру подводкой серого цвета. Останется верхние ресницы прокрасить тушью для многократного увеличения объема – сначала серебристым цветом для базы, секунд через пять – черной в несколько слоев. Для губ Злата приготовила блеск кораллового оттенка, для ногтей – лак перламутрово-розового цвета. Если понадобится, последний штрих можно будет нанести тональным корректирующим средством, лучше – песочно-бежевым.

Декоративка была закуплена ею впрок в том же Риме, куда режиссер уральского телевидения Сохацкая ездила раз в два года – чаще в капстрану не выпускали. А то б там дневала и ночевала – будь ее воля! Среди коллег, да и вообще по жизни она по праву считалась шикарной независимой женщиной и в свои тридцать семь выглядела на добрый десяток меньше, чему способствовала и стройная фигура с точеными длинными ногами, и отсутствие домашних животных, мужей и даже постоянных любовников. Двадцать лет назад, провалившись в театральные вузы сначала в Москве, а затем в Питере, Злата решила временно пойти на телевидение хоть кем – для стажа, для опыта. И снова – поступать. Пока не повезет! Взяли ее помощником режиссера – заставки таскать, еще если что-то понадобится – до водки включительно. Красиво звучала ее должность только для непосвященных, тогда как на самом деле... Платили символично, гоняли в досталь – а как же еще иначе на должности из разряда «подай-принеси»? Так бы и продолжалось неизвестно сколько времени, если бы режиссер общественно-политического вещания Марк Серегин не заметил смазливую хрупкую девочку и не уложил ее для начала в постель, а уже потом усадил возле себя за режиссерским пультом.

В ассистентах Сохацкая пробыла долгих десять лет. Ведущий

режиссер скончался в одночасье от инфаркта, но к тому времени Злата успела не только «сбежать замуж» за придурка-футболиста (брак не протянулся больше полутора лет, не оставив ни детей, ни каких-то серьезных воспоминаний – только квартиру: в Москву забрали благоверного), но и закончить заочно Ленинградский ЛГИТМИК. Там, собственно, и учились все с телевидения, у кого другого образования не было. Естественным путем Сохацкая получила сначала третью, а затем и вторую, и первую категории, и сама теперь уверенно чувствовала себя за режиссерским пультом, как бы унаследовав дело учителя и многолетнего сердечного друга, связь с которым не прерывалась даже за время замужества.

Все же футболист оставил, кроме квартиры, какой-никакой след в жизни признанной красавицы. Она как окунулась в мир спорта, так и осталась в нем навсегда: среди ее временных привязанностей теперь преобладали спортсмены, спортивные судьи, функционеры от физической культуры. Ей до безумия нравилась эта торжественно-щедрая среда, где никогда не мелочатся и не строят из себя ничего лишнего – как это принято, например, среди актеров: понтов у каждого – на трех народных, а утром на такси норовят рупь сшибить. И потом долго делают вид, что где-то, конечно, виделись – но где, когда? Один из «спортсменов», было, вошел в разряд более-менее постоянных «друзей». Минаев был судья Всесоюзной категории по хоккею с мячом, работал он в закрытом уральском городке родной области, посему был невыездным за границу и Международная категория ему практически не светила. Зато своей Всесоюзной он пользовался на полную катушку! Ведущий инженер во всем любил порядок и всегда тактично предупреждал подружку о своем приезде на матч загодя, как бы без лишних иллюзий бронируя внимание Златы исключительно на время своего

пребывания. Иногда он приглашал ее приехать на вечерок в соседние областные центры, и всегда появление этого жизнерадостного женатика сопровождалось морем шампанского, тостами и здравицами в честь «богини телеэфира и самой обворожительной женщины на свете». Но все имеет начало и конец. Как и в случае с режиссером – разве что без летального исхода. Инсульт, больничная койка, щадящий режим – куда уж там на коньки вставать да по льду носиться? Как появился, так и исчез. Безвозвратно.

Пару лет назад случай свел Злату с ведущей тройкой нападения ЦСКА и сборной страны, и с тех пор появление этих ребят на уральских просторах означало для нее команду: «Полный вперед, готовность номер один!» Конечно, одной появляться в этом обществе было бы нелогично. Постоянной ее наперсницей стала ассистентка по работе за пультом, годами на полтора десятка лет помладше, Минна Грейс. Минна тоже ненадолго побывала замужем, но, в отличие от старшей подружки, обзавелась дитем, которому недавно минуло два годика. Что никак не ограничивало свободы ассистентки – с дочкой благополучно сидела мама Минны, души не чаявшая в этом розовом пупсике, так напоминавшем ей молодость и те времена, когда сама Минна пребывала в таком же нежном возрасте. «Пупсиком» ее звали и сейчас, хотя она во всем старалась подражать Злате. Внешне они очень и контрастировали друг с другом, и в то же время весьма органично дополняли одна другую: высокая сухощавая статная золотоволоска Злата как само воплощение гламурного лоска – и маленькая пышная блондиночка Минна с длинными ресничками, окаймлявшими небесного цвета голубые глазки – далекое наследие волжско-немецких предков, помноженное на славянскую непосредственность. Этот дамский тандем противоположный пол «заводил» до немислимых высот.

Как-то само собой начинало еще пуще кудрявиться щедрое спортивное хлебосольство, и не только традиционно русское – даже острожные прижимистые прибалты вели себя непозволительно роскошно. Цветы охавками падали к ногам красавиц, никто не позволял себе в общении лишнего, преступить черту благопристойности – о грубости речи быть не могло! Зато заслужившие благосклонность искали ее еще и еще! Туры высшей лиги по волейболу, баскетболу, гандболу, чемпионаты по другим видам спорта... А уж хоккей в этом списке котировался в первачах!

Если этой парочке вдруг не хватало кого-то до нужного количества, они легко дополняли команду постоянным контингентом из телевизионного машбюро. Девчонки-машинистки были невзыскательны, пили и ели что дадут и на лидерство не претендовали: первый выбор, когда в завершение вечера пора было приступать к интиму, делала Злата, затем – подружка, а уж «приглашенным» – что останется. Тем более что по авантности машинисточкам было трудно соперничать со львицами телеэфира. Чаще всего Минна вызванивала безотказную Аниту Солдатову по кличке «полногрудая Анька». Знала – прискочит хоть с края света. И кочевряжиться не станет! Эта крупная, не только с гигантомасной⁶ грудью, но и с внушительными что руками, что ногами, круглым, словно по циркулю обрисованным щекастым лицом тридцатидвухлетняя белобрысая деваха могла очень даже пригодиться для поддержания коллектива – на определенный вкус, естественно, была дама. Когда градусов в организмах оседало уже вдостоль, никто не привередничал. Только нужно было своевременно проследить, чтобы Анька не напилась раньше времени – не чувствовала «запасная» своих возможностей, особенно в теплой компании; могла запросто исчерпаться досрочно и вести

⁶ Гигантомастия – непомерно развитая женская грудь (медицинский термин).

себя позорно для рейтинга «интеллигентных девушек с телевидения». Конечно, всегда находился отлично понимающий обстановку джентльмен – кто девушку и в туалет сводит – привести себя в порядок, и в коечку уложит отдохнуть с перспективой завершающего контакта...

Следующей в табель о рангах «выездного машбюро» Злата определила Ирочку Сурик – двадцать один год, хрупенькая маленькая брюнеточка с точеным носиком и огромными васильковыми глазками. Когда-то мордочка ее была изрыта юношескими угрями, но вчерашняя детдомовка достаточно быстро поняла, что с такой физиономией даже в машбюро на телевидении делать нечего. И не только на телевидении – вообще в этой жизни ей места достойного не найдется. Ирочка усердно занялась собой и первое же приглашение Златы в компанию оценила как приз за проделанную работу. И навсегда стала безотказным доверенным «до количества» у этой самой шикарной красотки на родном ТВ. Да и богатый ли выбор был у девочек-сироты из общаги, слаще морковки сроду ничего не пробовавшей в своей немудреной жизни? Такими предложениями, как златино, не пренебрегают! Правда, она вначале очень смущалась, и, впервой сидя на заднем сидении режиссерского «Жигуленка» цвета беж-сатин, решила все же задать вопрос:

– Злата Калистратовна, я не совсем знаю, как себя вести в подобных случаях...

– Девственность – недостаток, от которого нужно вовремя избавляться, девочка, – не оборачиваясь, пропела-ответила та.

– Да я не об этом. Там же будут...

– Значит, не девочка? Нашим легче. Ты меня своими аменореями не грузи.

– Чем-чем?

– И этого не знаешь? Аменорея на взрослом языке означает «отсутствие месячных».

– А...

– Сама свои проблемы решай. Няnek тут нет. И не будет!

– В общем, да. Я что хотела... У нас в детдоме был один парень...

– Тем более переживать не о чем. Все без тебя решится. Само собой получится. Ты только с инициативой не лезь. И не вздумай залететь – это бабство не приветствуется среди солидных людей. Женихов ищут в другом месте.

Вскоре Ирочка обнаружила, что чем дальше, тем активнее стала нравиться мужчинам, что придавало ей все больше и больше уверенности в себе. Один практикант с журфака даже пытался позвать замуж, да только дальше слов дело не зашло. Сама его и отшила. Этот очкастенький, видимо, рассчитывал разглядеть за скромной харизмой машинисточки тургеневскую девушку... На предложение провести вечер в общаге «за чтением любимых стихов, в том числе и его собственных» юноша схлопотал в ответ простой, как бы даже наивный вопрос: «И это все, что вы в состоянии бросить к стопам дамы?» По примеру старшей подруги, она любила вставлять в речь сложные термины, что окончательно добило претендента. «Да ты меня не только стихами, но и антиномиями^{*7} замаешь!» Уж Ирочка-то знала, как умеют ухаживать, прежде чем начать ласково-уверенно раздевать и спортсмены, и тренеры, и арбитры с начальниками из всех этих самых различных Добровольных спортивных обществ профсоюзов, динамовских, армейских и всяких других комитетов... Общеизвестные, признанные – с другими Злата знакомство не водила. Эти популярные в спорте люди в первую очередь доставляли удовольствие себе любимым – тому набору, что составлял их титулованность. Красивые ухоженные «телки» входили в ассортимент как неизменный атрибут на соревнованиях, сборах и других всевозможных спортивных тусовках.

⁷ Неразрешимое противоречие.

Третьей «запасной» в обойме Златы была Софья Вильданова – роковая шатенка двадцати шести лет, как бы даже замужняя, с двумя детьми, нянечкой для киндеров, приходящей уборщицей. Только вот муж у Сонечки время от времени исчезал неизвестно насколько и неизвестно куда: то он золото мыл, то с геологами таскался где-то на Памире или на Тибете – хрен разберешь эти нецивилизованные вершины мира, существующие исключительно для невзыскательных к комфорту стойков. Деньгами он обеспечивал семью сполна, а вот все остальное... Похоже, этот парень считал свой супружеский долг выполненным до конца: квартира о три комнаты в центре города в доме с лифтом, мусоропроводом, подземным гаражом есть? Есть! Двое нормальных здоровых детей – в наличии? Шофера не нужно – супруга сама водит «Волгу». Что еще надо? Софья вышла за него в восемнадцать – ни профессии, ни какого другого дела и увлечения у нее за годы замужества не образовалось. От скуки она поступила на инъяз пединститута, уже на первом курсе поняв, что не потянет и, закончив дорожные курсы, попала в это машбюро.

Стенография, входившая в программу обучения, ей больше никогда не пригодилась. Ворчливая мать-пенсионерка временами пеняла ей:

– Ну что за семья у вас? Нормальные люди так не живут.

– Мало ты книг читала, ма.

– Когда мне было в заводе-то? Придешь со смены – не знаешь, где руки, где ноги.

– Вот и не учи ученых. Бывает exless – брак без секса, loveless – брак без любви, типа нашего. А еще unhappу – несчастный. Но последний – не про меня. Так что, в принципе, все нормально. Только бы твой зудеж не слышать!

От скуки же Софья приняла однажды предложение проницательной в женских проблемах Златы – поддержать компанию, не больше! Именно там, в окружении из-

вестных, обеспеченных, солидных мужчин Вильданова вдруг почувствовала, что этот мир как раз для нее! Поняла, как магически действуют на них ее не то чтобы шибко длинные, как раз слегка полноватые, ножки, тщательно уложенные локоны вьющихся от природы волос. Ее манера томно молчать, прежде чем удостоить ответом. Если Солдатову и Сурик можно было выкликнуть в самый последний момент – этим занималась обычно Минна, чаще всего это случалось ближе к ночи, «по тревоге» – она же гоняла за ними на такси, оплаченном финансово состоятельными кавалерами, то Софье приглашение следовало сделать обязательно не позже чем накануне и лично от Сохацкой. Минну она воспринимала не более как дешевое приложение к режиссерской компании.

Злата пуховкой прошлась по законченному макияжу, вопросительно взглянула после минутного колебания на подругу, устроившуюся тут же, напротив бокового зеркала трельяжа.

– Какие очки мне надеть? Никак не решу, – задумчиво протянула старшая.

– Господи, напугала! Вот, даже палец уколола из-за тебя...

– Чем? Кисточкой? Что ты такая распустиха? Чем укололась то, халда?

– Да булавкой какой-то. У тебя их тут столько валяется...

– Пососи – сразу пройдет.

– Ты прям как этот. Адриан. Никак не запомню фамилию.

– Галдерис?

– Во-во. У него одно средство от всех болезней...

– Помогает?

– Особенно с перепоею. Чтoб стошнило побыстрей.

– Вот и применяй звездный метод высшей лиги. На халяву, считай, обучилась.

– Уже. Ты лучше прикинь очки на своей физии, я так не могу, абстрактно... – спокойно отозвалась подруга, заканчивая свой «неповторимый образ».

Минна точно знала, что ей идет. На это раз она выбрала в одном из зарубежных журналов макияж под названием «Ягодно-сливочное мороженое», стопроцентно соответствующий ее цветотипу «весна»: бледно-розовая, будто даже прозрачная, кожа, легкий персикопушок на щеках и губках, почти бесцветные бровки. Она загодя почистилась дорогим лосьоном еще дома, там же нанесла дневной крем и уже здесь, у Златы, дабы воспользоваться ее богатой палитрой на выбор, набросала тональный крем цвета слоновой кости; макияж глаз построила на сочетании теней трех цветов – белого, нежно-розового и бледно-сиреневого, для чего на внутренний уголок глаза и под бровь нанесла белые с добавлением бледно-розового тени, «сирень» чуть добавила к внешнему уголку глаз, зрительно увеличив и без того свои «голубые озера». Так выразился однажды очень солидный дядечка из Москвы, ласково называя ее «доченька» (прежде чем придавить отвислым животом). Зато на последний день рождения благодарный функционер прислал с оказией полусапожки французского производства со стразами и золотыми пряжками, которые она сегодня и натянула с большим удовольствием. Чтобы придать взгляду особое сияние, Минна как раз сейчас заканчивала прорисовку внутреннего края нижнего века белым карандашом, оставалось только прокрасить тушью фиолетового цвета ресницы и слегка припудриться. Тут такая точность нужна! Вот и укололась с перепугу.

– Ну, *rapidamente*⁸! – Злата натянула внушительные очки в изящной черной оправе, чем стала сразу напоминать учительницу старших классов. – «Полароид», больше шестидесяти долларей отдала в бутике в «Хилтоне»⁹ – И без гипергидроза¹⁰ мне! Потому что это все – бурла!

⁸ Быстро (итал.)

⁹ Сеть комфортабельных отелей высшего класса.

¹⁰ Гипердроз – повышенное потоотделение (медицинский термин).

– Знаю – игра на твоём любимом итальянском. Ты же говорила, что в «трех звездах» обиталась последний раз.

– А ты и запомнила! Смотри, не сболтни при людях!

– Ты что, за дуручку меня имеешь?

– А разве нет? Какой тупица за тривиальный постой станет выбрасывать сумасшедшие деньги? А «Хилтон» – по соседству. Там ворот нет – пропусков не спрашивают – только фэйс-контроль. И кто мне мог помешать прогуляться туда налегке?

– Само собой! Уж кому-кому, а тебе шарма не занимать! Очень хорошо в этих очках, Златочка! Да тебе все идет!

– Подлецу все к лицу?

– Ой, да ладно! Добрее тебя, поди, поищи!

– Колись, подлиза. Что удумала?

– Да ничего особенного! Ты сейчас выглядишь офигенно! Через три «н»!

– Прогиб засчитан. Ну и?

– Да я вот спросить хотела: может, дашь на вечерок те окуляры, что в позапрошлом году привезла? Они уж, поди, совсем из моды выскочили. Тебе в них будет не-вместно, а мне дак – в самый раз.

– Из «Казино коллекшн»? Губа не дура! Они же еще круче! Больше сотни «зелени» у меня сглотнули – и не поперхнулись. При пересадке в Париже.

– Если честно говорить, в них ты – девочка-ботаник. Если тебе такого имиджа хочется – тогда оно конечно...

– Вот об этом не думала, прям сказать.

– Зато мне такой прикид – в самое яблочко. А в тех, что на тебе сейчас – полный отпад! Женщина-вамп!

– Уговорила, засранка. Тоже хочу сказать – тот кримпленчик, что натянула, точно в цвет попал. И с сапожками в тон бьет. Молодец этот москвичок, не промахнулся!

– Да к костюмчик-то я попозже на толкучке прикупила. Подбор от сапожек шел.

– Я бы хотела сегодня римские скэтчерсы надеть, да вовремя вспомнила, что там лед под ногами будет.

– А чем твои «крокодилы» плохи? Очень-очень даже соответствуют костюму-беж: и ножки все наружу из-под короткой юбочки, и пиджачок длинный. Вообще, замша – это твое! Ты прямо во всем этом – как пантера перед броском. Особенно когда свое любимое колечко с изумрудом-орехом не забудешь.

– И «Пэлл Мэлл» у фарцы на последние деньги купить успела. Чтоб пальчики с ноготками как нужно обозначить.

– Зато как на тебя западают! Это любых бабок стоит.

– Все бабло на это и идет. Золотом по весу! Значит, так. Сегодня и завтра – рекогносцировка, мальчикам сборной все равно нельзя расслабляться перед решающими матчами. А уж послезавтра...

– А мы разве не к армейцам пойдем? Я думала, как всегда...

– Наша любимая «тройка» уже не в сборной. А главную команду мы с тобой упускать не можем ни при каких обстоятельствах. Скорее всего, я с Сонькой, по старой памяти, к нашим привычным стопы двинем. А ты прихватишь Аньку с Ирккой и охомутаешь этих новичков – «Пову», «Сопло» и «Крюка». А то другим достанутся – и охнуть не успеешь. Придется в первой лиге выступать. Мне такое снижение класса – не по возрасту.

– Возраст-то тут при чем?

– Любой закат с этого и начинается: когда консумация – стимулирование спроса – игнорируется напрочь. То есть спрос все еще есть, а уровень уже – не тот.

– Ну, нам с тобой закаты не грозят. В ближайшие сто лет.

– Чтоб ты понимала, сопля? Мне бы твои годочки.

– При условии, что все остальное останется при тебе? Должность, машина, квартира, положение, связи?

– Ясное дело! Попробуй-ка это отними. Загрызу!

– Так не бывает. Но... Платить нужно по счету. В том числе – и возрастом.

– Ну вы посмотрите, какие умные подрастают! С ума сойти!

Первая «тройка» сборной СССР только год как обкаталась в «Спартак». Добчинский насобираал ее «сбору по сосенке», причем – всю из первой лиги. Во-первых, знал этот дивизион лучше; во вторых, ссориться с грандами тренерского корпуса – себе дорожке: за переманивание качественного игрока столько подножек навставят! А переход из первой лиги в высшую для укрепления популярного клуба – нормальный процесс, комар носа не подточит!

«Пову» – Федора Поваляева – он взял из Нижнего Тагила, «расплатился» двумя ветеранами на правах аренды. «Сопло» – Володя Сопин – начинал там же, но клуб прозевал его во время весеннего призыва в армию, и Сопин попал служить в обычную воинскую часть в Кирове. Местные, ясное дело, не зазевались и тут же пристроили его в команду Кирово-Чепецка как откомандированного. Откуда Добчинский и утянул его по рекомендации бывшего одноклубника, благо срок службы центрфорварда подошел к концу, и поэтому никаких переходов оформлять было не нужно – снял паренек погоны и стал свободным как ветер. «Крюка» – Кузьму Крюкова – Родион привез из дому, взяв с него клятвенное обещание насчет «шейного рефлекса».

– Чтоб ни грамма мне! Уяснил? Москва твои закидоны прощать не станет!

– Да ведь, оно само собой понятно, командир! Столица, как никак!

– Ты мне этих слов сколько давал? Забыл?

– Даю последнее и решающее.

До медалей они в свой первый сезон не дотянули, но финишировали в одном шаге от пьедестала – заняли четвертое место, что по сравнению с прошлогодним седь-

мым было все же прогрессом.

– Если бы мы перестали трухать всех подряд – были бы с наградами! – подвел итог сезона Родион на общем собрании. – Особенно это касается первого звена нападения. Те же армейцы – они что, прямо в ЦСКА в люльках народились? Галдерис – из Риги. Когда там высококлассный хоккей был? Чтоб на уровне сборной? Ни до, ни после! Единицы пробивались – а нам всей командой нужно! Про остальных говорить – это вообще песня! Андрей Капин – из Ухты, Владислав Розов – из Инты, это вообще – Коми АССР, конец географии! Им всем уже – по тридцатчику, а вам, морды жлобские – на круг по двадцать три. Кто кого должен бить?

Парни сидели как в воду опущенные, хмуро уставясь в пол.

– Так мы, это... – начал было оправдываться «Крюк»...

– Помолчи, землячок! – огрызнулся тренер. – Сколько раз ты по воротам мазал, играя в большинстве? А вспомните матч с «Крыльщиками»: я, как порядочный, за пять минут до конца сажаю вратаря, а мы шестером против четырех получаем банку в свои же ворота! За такую игру не то что медали – пинок под ж...у положено получать! В целом и общем так: либо в следующем сезоне мы в призерах, либо я эту лавочку разгоняю к едрене фене и сам пускаю себе пулю в задницу. Чтоб ни с...ть, ни сидеть до самой смерти! А биографиями великих хоккеистов поинтересуйтесь на досуге. Может, что общее найдется с вашей непутевой жизнью-судьбой. Тогда и обс...раться от страха перестанете!

Первая тройка переживала особенно остро: понятно, что на них была главная надежда, и вот... Они тогда втроем крепко напились. И сделали вывод – тренер кругом прав. Не Боги горшки обжигают! И трусить надо завязывать!

Отец Адриана Хельмут Галдерис всю войну просидел на своем хуторе – не доходили руки ни у

красноармейцев, ни у оккупантов поставить селянина в строй. Так бы и затишился хитрован от всех напастей, да только перед самым наступлением Красной армии немцы согнали все окрестное население рыть земляные укрепления за Даугавой – город они отстоять не надеялись, укрепрайон было решено перенести в пригород, чтобы успеть отвести основные силы. Эти укрепления из земли и дерева, которые возводились два месяца в основном киркой и лопатой, краснозвездные соколы-бомбардировщики разнесли за час. Буквально в землю вбили вместе с артиллерией и фашистами. Английские «Москито» прилетели, что называется, «на раздачу», когда делать было уже нечего: покружились, вяло швырнули по паре фугасок и отвалили за ненадобностью. Эти двухмоторные цельнодеревянные «комары»-высокопланы еще на полете поняли, что русские постарались на славу и наград за данный объект им не сыскать. Чего же время терять? Больше про линию обороны никто не заикался – так и стояла себе, развороченная, с остатками мелкого частного довоенного жилья тихого когда-то загородного района.

К тому времени Хельмут понял, что назад в хуторяне его не поманивает – в столице люди живут куда как слаще, а какой город красивый! Чистая Европа! Когда волна наступления сместилась за Прибалтику и укатилась в Западную Европу, хитрый крестьянин решил сам, своими руками построить себе дом получше, чем в родном захолустье – прямо на месте их опустевшего барака для ретурнированных по укрепнабору. А тут и Хельга прибилась – тоже из крестьян, только из другого места родом, у нее из родни почти никто не уцелел – в Германию оккупанты угнали, а она ухитрилась сбегать во время облавы, в лесу отсиделась. Хельмут и Хельга – чем не союз на веки вечные? Отгородили они себе приличный участок, благо земли кругом, как и стройма-

териала, было завались, и вырос у них, в конечном итоге, комфортабельный коттедж на два этажа. Работящие, с руками, выросшими из нужного места, они кормили себя сами, выращивая на продажу цветы в теплицах. Довольно скоро появились у них постоянные клиенты, скупающие урожай на корню – чаще всего грузины, торговавшие в розницу по всему городу – и на рынке самим стоять практически не приходилось. Новая власть в лице военной комендатуры во главе с израненным майором-сибиряком, недолго мучаясь в предположениях, посчитала, что люди просто восстановили себе довоенное жилье, не надеясь на помощь государства – что очень приветствовалось в те времена. Вокруг росли такие же дома, и на долгие годы частный сектор за Даугавой остался в неприкосновенности – капитальное жилищное строительство двинулось в другую сторону города.

Первенца назвали в честь деда Адриана по отцовской линии. Тот нехило окопался в Германии: под Ганновером образовался целый кооператив из крестьян-латышей, Адриан был у них за главного – как и раньше, на Родине: в Латвии он возглавлял бригаду рыбаков, с годами в неметчине встал во главе рыбного кооператива, самостоятельно распоряжавшегося уловом. По привычке его держали за начальника – головастый, хваткий, кому угодно горло скрутит! И своего не упустит, и подчиненных в обиду не даст. Какая разница – Германия, Прибалтика? Руки везде нужны!

Отношения с дедом поддерживали негласно: мало ли как расценивать русские контакты с бывшими врагами? А за таковых считали всех не вернувшихся восвояси. Легко можно было загреметь куда подальше за такие отношения. Старый Адриан не скупился: к праздникам подбрасывал с okazji подарочки – в основном носильными вещами, с короткими записками без адреса и подписи: мол, жив-здоров, всегда жду в гости.

Родители Адриана-младшего об этом и не мечтали, а вот сын... Выучился бы на адвоката, или врача – не помешала бы ему стажировочка в Европе. Мог бы и навсего там остаться, и всю родню перетянуть – сколько угодно таких примеров было. Но Адриана, похоже, интересовало одно – гонять по Даугаве на «снегурках» зимой, грести на байдарке летом. По хозяйству помогал – тут не придерешься, а вот в школе учился... вяло. К шестнадцатилетию дед прислал настоящие «гаги» – с ботиночками на меху, точно по ноге. Что и определило спортивную судьбу парня: с такими коньками его брали куда угодно. Так он влился в итоге в команду мастеров – сперва ее называли по реке – «Даугава», позже перекрестили в «Динамо». Уже в «Динамо» парню достались стильные «полуканады» – честь по чести! Два сезона – и столичные армейцы захотели иметь в своем составе резкого правого крайка! Неленивого. А то некоторые жили по пословице: «Льется речка – мы лежим, лед на речке – мы бежим». А этот и на байдарке пилил – чуть в сборную республики не взяли! Отсюда и спина что надо, и дышалка как у марафонца, и ручищи на манер молотобойца! А уж Адриан старался, особенно после одного разговора с дедом – увиделись накоротке при очередном выезде в Европу. Говорили на латышском, никто кругом ничего понять не смог бы, даже если бы и подслушивал.

– За океан пробиваться нужно, – уверенно посоветовал дед. – Там и хоккей высшего класса, и платят – не как вам.

– Да, с оплатой у нас временами – полный ханаускас. Опять же – любителями считаемся. Хотя и вкальваем на льду не меньше чернорабочих на стройке.

– Об этом и толкую.

– И как это сделать?

– Думать будем. Играй пока...

Отец Владки Розова работал рубщиком мяса. Не в шахту же

лезть, как большинство мужиков в приполярной Инте? Когда из-под земли человек вылезет, ему разве пожрать не захочется? Владька с детства знал, что для его растущего организма особенно полезна телятина – продукт диетический, жира почти нет. Или курица – по своим качествам сравнима с телячьим мясом, много полноценных аминокислот, да и усваивается куда как лучше, чем говядина или свинина. Еще отец любил принести домой свежезаколотого кролика – жиру тоже почти нет, по полезности мясо очень схоже с птичьим. Конечно, не все в Инте питались так изысканно: несмотря на северный завоз, перебои бывали, хотя, ясное дело, не сравнимые с ситуацией в центре России – там люди ели в шестидесятые неизвестно что. На северах дефицит с централизованными поставками компенсировали мясом оленя. Конечно, оно жестче будет и потемнее, для котлет или там пельменей лучше его пропустить через мясорубку с жирненькой свининкой, что и делала мама Розова – бухгалтер угольного комбината. Отец предпочитал оленью спинку – никому не доверял вырубить наиболее деликатесные кусочки, только своей рукой. Самолично и коптил.

В коридоре их «двушки» умещались каким-то образом на постоянной основе и шведская стенка, и боксерская груша. Агитацией за спорт отец не занимался – пацан видел, как отец чуть ли не ежедневно качал пресс на стенке, подолгу держал уголок, а уж по груше дубасил и в перчатках, и просто кулаками до седьмого пота. «Рука у мужика должна быть не слабее ноги! Руками на хлеб зарабатываем!» Когда однажды Владик в спаринге с родителем заставил того точно проведенным левым фланговым присесть и мотать головой, отец его, как ожидалось, даже не отругал. Наоборот!

– Это было по-мужски! Крепко! Таким любого свалить можно! Знаешь, как называется этот удар?

– Да я...

– Я да я – головка от ... Хук это называется! От английского слова «крюк». Так и бей, ежели приспичит. А просто так, из баловства – ни-ни! Сядешь! Как пить дать!

Владька поначалу увлекся классической борьбой. На юношеском первенстве Коми АССР он в первый же год занял чемпионское место до восьмидесяти килограммов – в полутяжелой весовой категории. Его, естественно, включили в команду республики и отправили в Череповец, на северо-западную зону первенства России. Вот там-то он и увидел, как живет-питается остальная Россия, не входящая ни в северный пояс, ни в благодатные южные широты. Не черноземье, мать его...

За время сборов он от нагрузок малость схуднул, и тренер посоветовал килограммчик-полтора набрать, чтобы соперники не имели преимущества в весе. Сказано – сделано. Владислав отправился в ближайший от гостиницы магазин, пробил без помехи чеки в кассе за литровую бутылку молока и буханку белого хлеба. На ночь все это умять – весок сразу подпрыгнет. А если и лишку наберит – не страшно. Стонять перед взвешиванием он тоже уже умел: на ночь съесть полстакана сахара с выданным туда целым лимоном – и терпеть, до утра не пить ни глотка воды. Килограмма к утру – как не бывало, вес «сгорал» естественным образом. Сейчас вот предстояла обратная задача.

Продавщица не глядя протянула руку:

– Талоны давай, что стоишь?

Розов не понял: причем здесь их талоны на питание, по которым они ели в столовой при металлургическом комбинате как участники соревнований?

– А талоны-то вам зачем?

– Ты, видать, на всю голову большой? Почему тебе спецпитание выписали? Дистрофия, курс лечения проходишь или еще что там? Может, для мамки-бабки берешь? Тогда их паспорта нужны. Без документа не положено.

В магазине по дневному времени народу было не густо. Скучавшие без дела тетки-продавщицы окружили паренька с Севера, охая и ахая, разъяснили, что творится у них в городе: в открытой продаже только ржаной хлеб; мясо и полукопченая колбаса – по праздникам да от случая к случаю, очереди с ночи стоят. Вареную «Докторскую» или там «Любительскую» выкидывают на пару часов днем – «на драку собакам». Сыра твердого давно в глаза не видели – одни плавленые сырки алкашам на закуску. Под конец просветительской беседы натолкали Владьке полную сумку колбасы, молока, белого хлеба – вон как исхудал юноша на борцовском ковре, бедненький! Поди, и товарищи так же страдают?

– Да заведи ты свои деньги, что на них сейчас купишь? – продавщица пухлой ладонью прихлопнула его баул. – Дарю! Мой пострел все в хоккей гоняет. Их там прикармливают. А отец у нас – металлург, ему по закону спецпитание полагается. Иногда и наборы дают. На Новый год даже икра была. По госцене.

– Как же вы тут живете? – искренне изумился Владька. – На подачки, от праздника до праздника?

Упитанная кассирша – вся в золоте, от макушки до толстых, как сардельки, пальцев – залихватски закатилась от смеха.

– Мучаемся! На диете с утра до ночи сидим.

После той поездки Владька с особой силой полюбил свои Севера и никуда не собирался отсюда уезжать до конца жизни – как это принято планировать в тамошних местах. А когда в городе решили создать команду класса «Б» по хоккею с шайбой (в столице республике Сыктывкаре уже вовсю гоняли в хоккей с мячом, в первую лигу класса «А» вышли), он одним из первых записался в секцию. Благо в игровых видах спорта нет весовых категорий – можно с весом не мучиться, да и корт у них во дво-

ре освещался до самой глубокой ночи, колоти по воротам – не хочу! Паренька довольно скоро взяли в группу подготовки команды мастеров. С рождением профессионального коллектива ветераны со всей России на первых порах охотно нахлынули на годик-другой поиграть под занавес карьеры за интинский «Шахтер». Понятно, из-за северных деньжат. Но надо же было на перспективу и своих растить! Как только стало получаться, Розова прочно поставили на левый край нападения в первую тройку – накачанная в борьбе левая была у него не хуже правой. А перед самой службой в армии нарисовался и вербовщик из столичного ЦСКА – пожилой подполковник в парадной шинели. Благодаря ему Владька познакомился с центровым их будущей тройки и в клубе, и в сборной Андрюхой Капиным из соседней Ухты. Прямо в поезде «Воркута-Москва».

Родители Андрея были коренными москвичами. Но дома им не сиделось. Оба после окончания геологического факультета «Губки»¹¹ сначала долго колесили по Сибири. Отец отшучивался: «золото Колчака ищем»; потом судьба занесла их в Африку. Мама так интересно рассказывала про саванну, эти беседы поражали воображение Андрея: жирафы, львы, экзотические птицы... На всю жизнь запомнился рассказ о странных термитах – белых муравьях, которые строят свои термитники в Танзании, Сомали высотой аж в пять метров, хотя большую часть жизни проводят под землей. А когда они толпой налетят на включенный фонарь или любой другой источник света – могут его даже загасить! А еще они способны рыть туннели под землей и, прорвавшись в людское жилище, сожрать все, что попадется – включая столы и стулья!

Это тесное общение с родителями случалось месяца три в году – когда завершался полевой выход

¹¹ Всесоюзный институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина.

и наступал камеральный – период зимней обработки геологосъемочных работ. Когда можно вволю пожить с семьей, никуда не спеша. Походить по театрам, вернисажам, шумно отпраздновать Новый год. Это время для Андрюшки пролетало стремительно. Потому что с наступлением ранней весны и отец, и мать вскидывали за плечи свои огромные рюкзаки высотой чуть ли не в человеческий рост, и сын вновь оставался на попечении бабушки и деда-генерала. Интереснее людей, чем мама и папа, ему не встречалось, и парень, конечно же, торопился побыстрее вырасти, чтобы пойти по их стопам и успеть, пока родители не состарились, вместе с ними отправиться в какую-нибудь дальнюю-дальнюю экспедицию на край земли. Хоть куда – лишь бы всей семьей! Дед наставлял: хочешь стать геологом или военным – здоровье должно быть отменным. А для этого ничего лучше хоккея быть не может: игра на свежем воздухе, подвижная, предполагает умение постоять за себя. А в хоккее лучшая школа, по мнению деда – только в ЦСКА. Туда он и отвел внука с шести лет. Внимательно следил за спортивным ростом парнишки – на все матчи ходил, и на тренировках появлялся, пока здоровье позволяло.

Результаты Андрюшки росли как на дрожжах, на синяки и шишки он вскоре перестал обращать внимание – на улице их можно совсем по-дурацки заработать, а тут – в благородной борьбе за шайбу. Их сорок седьмой год рождения все подряд выигрывал в своей возрастной группе – и первенство Москвы, и первенство России, и на Всесоюзной «Золотой шайбе» чемпионские награды взяли.

– Молодца! Привыкнешь быть первым – от второго места тебя тошнить будет, – одобрительно оценивал успехи внука дед. – Есть в тебе бойцовские качества!

Намертво закрепились эти девы слова в сознании. И отдавались острой болью при воспоминаниях, когда его не стало. А ведь

как любил он дедушку – наверное, после родителей – больше всех на свете! А на похороны опоздал – далеко лететь через океан пришлось, тут не ускоришься, хоть тресни. И почему этот молодежный турнир не сделали в Швеции, или Финляндии? Сдался этот Торонто! В Европе бегом бы добежал!

Бабушка учила внука готовить – чтоб умел это делать не хуже мамы. Мама такая была изобретательная кулинарка! Шутила все: вот перестану по «пампасам» таскаться – пойду шеф-поваром в фирменный ресторан поближе к дому. Чтобы своих каждый день и кормить, и просто видеть – в компенсацию за годы скитаний. Она закармливала семью деликатесами собственного изготовления в короткие периоды пребывания в Москве – чтоб подольше вспоминали в ее отсутствие. Все гадали: что на этот раз мама придумает? А Мария всегда превосходила ожидания домашних своими фантазиями: то это были куриные потрошки по-китайски; то салат с семгой, апельсином и оливками – просто картошки пожарить с мясом для геологини было верхом примитивизма: хватит, кое-как, на ходу мы и в «поле» натрескались. А какие десерты появлялись на столе изпод ее золотых рук: торт с малиной, венецианское печенье...

Ленинскую премию Капины получили за участие в разработке Вуктыльского газо-конденсатного месторождения Коми АССР. Праздновали всем большим коллективом разработчиков на Валааме – взяли с собой членов семей, министерство сняло под этот вояж целый теплоход. Андрей, уже подросток, навсегда запомнил рощу из сибирских пихт в удивительном соседстве с чудесным яблоневым садом, чудотворные иконы и мощи почитаемых святых в старинном храме. Когда подплывали к Кижам, солнце окрасило каскад из двадцати двух куполов легендарной церкви Преображения Господня оплавленным серебром. Говорили – будто бы она постро-

ена без единого гвоздя! А поутру, когда он выглянул из окна гостиной, купола вспыхнули червонным золотом!

Мама развлекала попутчиков своим особым способом: она бралась определить уровень интеллекта любого неубоявшегося разоблачения по линиям на ладони.

– Как ты это делаешь, Машенька? – рискнула протянуть руку жена замминистра.

– Это так просто! – невинно похлопала своими пушистыми ресницами поджарая лауреатка, которой никто не давал ее лет: девочка и девочка, особенно когда при полном макияже. – Давайте вашу руку, Ольга Степановна. Видите эту ровную линию? Она говорит о том, что мышление у вас техническое, прагматичное, склонное к анализу.

– Не зря же я – кандидат технических наук, – победно оглядела окружающих «министерша».

А Капина, как ни в чем ни бывало, продолжала.

– Линия ума у вас разветвленная. Это говорит о том, что решения вы принимаете трудно, долго их обдумываете.

– Так это же хорошо? – уже настороженнее протянула испытываемая.

– Я не комментирую, – говорю, что вижу. Дальше продолжать?

– Так уж раз начала...

– Линия головы у вас совсем необычная – вся в рытвинах воронок. Это свидетельствует о тяге к знаниями, но не ярко выраженном умении их переработать.

– Ладно, хватит, – убрала ладонь «министерша». – Во всяком случае, из Иванова я замминистра сумела сделать. Так бы и сидел в начальниках геологической партии, кабы не моя... «переработка».

Самый важный разговор Иванов отложил напоследок, когда они вышли с Капиным покурить на балкон – ближе к концу банкета. Оба разом затянулись породистым «Кентом». Капин либо не курил вовсе – месяцами мог обхо-

диться без табака, либо уж смоллил дорогое, дефицитное, особенно после принятия спиртного, которое тоже не очень жаловал. Иванов эту его особенность знал и приговаривался основательно.

– Возьми пачку себе, Иван, у меня с собой запас.

– Ты что-то хотел? Что в тостах недосказали...

– Есть одно соображение. Ты же знаешь – я тебе ни разу за все эти годы решений не навязывал, – издали начал замминистра. – Такая пара, как вы с Марией – одна на всю нашу епархию.

– Ясное дело: «Иван да Марья». Редкий цветок.

– Я всерьез. Мне министр так и сказал: не захотят – не дави. Им и в Москве работы хватит с этим Вуктылом. Открыть-то открыли, а поди разработай до конца по уму...

– Так мне же уже предложили целый отдел под это дело в главке.

– Вот и я о том же. Все понимают: вы оба уже далеко не в юношеском возрасте, потоптали трудных тропинок – дай Бог каждому. Сын скоро школу кончает, надо и за ним приглядеть. Да и по улицам родным, с детства знакомым, погулять хочется – хлебнуть, так сказать, цивилизации сполна. По вашим немалым заслугам. В Ухте этого, увы, нет. Да и не будет никогда.

– Понял, куда ты клонишь...

– Тебе решать. Вместе с женой. Еще раз говорю: неволить не будем. Желающих – пруд пруди, это ж какой скачок для карьеры! Тут тебе и деньги немалые, и простор для диссертаций. Но ты же первый изведешься, если своими глазами не увидишь, как воплощается в жизнь главное в жизни детище! Командировками это не восполнить. А напорчат, не приведи Господи? Лучше твоей кандидатуры на начальника управления разработки месторождения, или как там мы еще его назовем, не вижу – во всем мире не найти. А кто лучше Маши сумеет ликвидировать последствия этой самой разработки? Такое наворотили ярые освоители

севера – природа стоном стонет! А с лауреатом Ленпремии у кого язык повернется дискутировать? Если захочешь, мы Марию из под твоего подчинения выведем – чтобы базарные рты захлопнуть на корню. Пусть непосредственно из Москвы над ней надзирают. И злые языки сами заткнутся – ничего не нарушено, никакой ответственности.

– Подумать нужно.

– А кто ж торопит? У вас обоих отпусков неиспользованных на полгода вперед накопилось.

Так родители Андрея осели еще на пять лет. Когда со вступительными в «Губку» у сына не срослось – провалился на мелочи – мама даже обрадовалась.

– Немедленно в самолет – и к нам сюда! – взволнованно кричала она в трубку. – Я так соскучилась по тебе, сыночка! Тут филиал нашей Губки хотят в самостоятельный институт преобразовать, нам с папой там предложили преподавать.

– А как же хоккей, мама? На меня тут возлагают надежды.

– Ты приезжай, поступи – с твоими оценками здесь практически без экзаменов примут, поживи хоть немного с нами. А там видно будет. Мы ведь тоже домой вот-вот собираемся. Чуть-чуть осталось.

«Видно» стало быстро. Прямо к ним домой, на центральный Оплеснинский проспект Ухты завалился тот самый подпол-вербовщик из Москвы. С повесткой в армию на руках. И сам же клятвенно заверил институтское руководство (дабы не напрягать уважаемых профессоров Капиных), что на сессию рядового Капина будут отпускать беспрекословно!

– Вы не подумайте – мы молодежь не гробим! Это все басни, что нам лишь бы отжать досуха – а там хоть на помойку. Им потом, после хоккея, жить и жить. У меня у самого диплом врача где-то на антресолях валяется. Во всяком случае, клизму любому могу поставить вполне профессионально!

Так и получилось, что в Москву Андрей вернулся на пару лет раньше родителей. Хоккей так заполнил его жизнь, что о чем-то другом он и думать забыл. Институт бросил – и не заметил: просто не поехал на очередную сессию, и всё. Руководство команды однажды отправило всю тройку добровольно-принудительно в Московский инфизкульт, где оценки звездам спорта ставили натурально за красивые глаза. Или – за красивые голы – что на практике означало одно и то же. Правда, из них троих до диплома дотянул один он. Как защищался – сам вспомнить не мог: как раз предстояли выставочные матчи в Европе и за океаном, так что все прошло в ускоренном режиме. В этом же бешеном темпе женился на соседке-однокласснице и вскоре развелся: ей, оказывается, была нужна нормальная семейная жизнь – а ему-то она зачем? В школу идти – физру преподавать за несчастные копейки? На «Москвиче» драгом рассекать заместо «Мерса»? С авоськами по магазинам таскаться – искать, где подешевле? Зато – каждый вечер дома! Телевизор, тапочки, пересуды – какие кругом все сволочи и прохиндеи, так и норовят побольше урвать!

Подругу жизни заменили случайные знакомые. Весьма падкие на внимание мощных парней, у которых в баулах всегда найдется кое-то привлекательное из капиталистической заграники – от косметики до ярких, умильных топиков, бижутерии и прочей бабской мишуры. Именно Андрюшка Капин обратил на Урале внимание лет пять назад на авантюрную пару красавиц с телевидения во время спаренных игр ЦСКА с «Авто» в чемпионате СССР.

– Парни, там такие отпадные телки! Я ничего подобного ни в Москве, ни на Северах, ни в самой Америке не видел. Голливуд! Обе – в «болеро»: я своей Наташке, когда еще окольцован был, из Швеции такое привозил: ажурная кофта до подмышек, так грудку

подчеркивает! А ножки там какие у каждой!

На другой день уже Адриан предупредил: после общего ужина нас будут ждать в вестибюле гостиницы две чувихи – одна другой краше: которая постарше – в шляпке-цилиндре по последней моде из Европы, другая – в такой ультра-мини юбке – в глазах рябит!

– Пусть и третью позовут, а то мы из-за недобора перессоримся, – резюмировал Розов. – Бабам этого только и нужно – продинамить легче. Если у них со вкусом в порядке – подзаборную не прицепят.

Оказалось, что и Галдерис, и Капин положили глаз на одних и тех же. Ну, а потом все пошло по проверенному сценарию: Злата вызвонила в срочном порядке Ирочку, которая очень даже подошла Владиславу, и вечер прошел на славу. С тех пор эта «дружба» стала постоянной частью программы пребывания первой тройки ЦСКА на Урале. В женской «тройке» замены допускались только для третьего элемента – Злата и Минна оставались всегда «центровыми». Причем привязанности иногда менялись – в зависимости от настроения игроков, так что вскоре все стали просто как родные. Адриан звал их одним словом – «сестрички»; Андрей приклеил им ярлык – «подружки»; и только Владька, как самый простоватый в этой «святой» троице, иногда подходя бросал: «Наши б...и сегодня будут?»

Дамы в этой компании чувствовали себя лучшими, желанными – своими, одним словом! Хоккеистов они звали мальчиками – тем это нравилось несказанно. Попробывал бы кто-нибудь претендовать на местную «тройку» – так бы к бортику прижали!

...Второй игровой день Мемориала только запутал ситуацию. Упрямый «Химик» отдал ЦСКА только одно очко – 3:3. Сборная, хоть и одолела местный «Авто» со

счетом 3:2, имела в активе всего два очка и по-прежнему отставала и от «Химика», и от ЦСКА на очко, что могло для нее закончиться весьма плачевно – куда «Автопарку» до «Химика»? Ясно, что в заключительном матче подмосковные своего не упустят. А еще если ЦСКА в последнем матче одолеет сборную? Что тогда светит главной дружине страны? Третье место из четырех возможных?

– Скорее всего, нашим парням рано надеяться на победу над «Химиком» – ученики Рамштейна играют рационально, грамотно во всех линиях, у них еще учиться и учиться, – комментировал в «Новостях» Ребров. – Получается следующая картина: даже если «сборники» сведут матч с ЦСКА вничью, о проигрыше я вообще не говорю – победителем станет «Химик», тем более что у него в плюсе победа над сборной. Выигрывает ЦСКА – придется считать разницу забитых и пропущенных шайб, коли между ЦСКА и «Химиком» очной встрече – ничья. Любопытно получается. Подождем до завтра!

– До завтра ждать долго! – глубокомысленно изрек Левитин, отворачиваясь от телевизора. – Меры будут приниматься сегодня ночью. Тут к гадалке топать не нужно!

Бутылка у них с Капитановым уже заканчивалась; закуска, заказанная в номер из ресторана гостиницы – тоже.

– Ты что-то знаешь? – настороженно поинтересовался бывший чемпион. – Откомментировал он, вроде бы, прилично и теперь наслаждался отдыхом. А то никак не отпускало! Будто суперсерию отыграл!

– Догадываюсь. А если кто и узнает наверняка – так это твой новый друг Ребров. Так что звони ему. Сюда зови. Разговор предстоит не для чужих ушей! Кстати, напхни ему о командировочном бланке. Он ведь тебе его так и не отдал?

– Успеет еще.

– Еще один такой жаркий денек – и он про него напрочь забудет. Или потеряет. Вот и повод есть!

– Так ведь ночь на дворе!

– Он же в прямом эфире выступал. Поторопись, пока домой не успел. Мол, ждем – не дождемся. Как влюбленные!

– Все же... Как-то неудобно. У человека позади такой день!

– Он же собирается на Олимпиаде работать? Там таких денечков будет под завязку!

В полупустом салоне самолета – шестичасовым рейсом из столицы на Урал летало мало народу, пассажиры предпочитали второй ранний рейс, десятичасовой либо который под вечер – их места оказались рядом. И оба поняли – не случайно.

– Подполковник Маркаров. Александр Сергеевич – представился младший по возрасту.

– Инспектор ЦК КПСС Пьянков. Джон Григорьевич – ответил тот, что постарше. – По хоккейным делам?

– По ним, родимым!

Военный раскрыл новенький, черный как смоль, дипломат с металлическими замками, достал оранжевый несессер с дорожным набором из фляжки в четверть литра и двух миниатюрных стаканчиков.

– Сейчас поесть принесут. Не возражаете – для разминки?

– Только если по чуть-чуть.

– Да тут много и не помещается. Разлив армянский – «Ахтамар». Не пожалеете!

– Ну, как говорится...

– За успех нашего безнадежно-го дела?

– А вот на это, молодой человек, у нас с вами прав нет! Безнадежными дела делают только безнадежные люди...

Тарелку закуски под стопку водки Ребров умял моментально – за день поесть толком не удалось. А питерский сразу взял быка за рога.

– Ситуация с турниром напряженная – сам видишь. Кстати, очень толково всё телезрителю разъяснил. Сжато, по делу, доступно каждому дураку.

– Нам времени дают от трех до четырех минут. А надо еще было про футбол, волейбол, плавание рассказать. Так что – не до жиру!

– Вот и хорошо: народу лишней вес с лапшой на ушах – ни к чему. И какой мы должны сделать вывод по Мемориалу? Ситуацию, как она есть, на тормозах не спустят – башку на отсечение отдам!

– Что из этого следует? – уралец не совсем понимал, чего от него хотят. Не стал бы этот жучара из-за капитановского командировочного экстренно его выдерживать.

– Ты согласен, что мы, журналисты, должны на шаг быть впереди остальных в любой ситуации?

– И?

– От тебя сейчас многое зависит. Свои люди в аэропорту есть?

– Предположим.

– Из Москвы должны будут прилететь крупные шишки. Отследить сможешь?

– Попробую.

– Удастся – вперед всех узнаем, что произойдет. Держи в курсе. И тогда мы будем на коне!

– Что-то, кроме самого хоккея, намечается?

– Обязательно! Не кроме, а вокруг. Все может круто поменяться. Большие люди в отпускной сезон по провинциям не станут мотаться. Только если припрет!

ПЕРСОНАЛИИ НА БАЛУ УДАЧИ

*«...Есть два рычага, которыми можно двигать людей – страх и личный интерес...»
Наполеон Бонапарт.*

Им вовек бы не сойтись, кабы не этот турнир! Неумолимые обстоятельства непреодолимой силы толкнули навстречу друг другу этих очень разных и по профессиям, и по судьбам, и по характерам людей. Чтобы сплести в тугую морально-нравственный узел.

Маркаров

У Сашки жизнь складывалась как по маслу. Женился на третьем курсе военного училища – на дочке генерала Генштаба. Распределился в Германию, где за пять лет благополучно дорос до капитана. В Москве его ждала майорская звезда и перевод в дикорпус: безупречный послужной список, завидный рост по службе, классическая семья – двое детей – годовков, мальчик и девочка, что радовало тестя-генерала больше всего. Плюс уверенные немецкий и английский. Пару лет с небольшим пришлось покантоваться в штабе Московского военного округа, но тесть если пообещал! Вскоре последовало назначение военным атташе в Швецию, а затем еще вторая звезда украсила погоны. Мечталось и о третьей... И вдруг тридцатилетний подполковник... влюбился. По-настоящему! Впервые в жизни!

К тому времени мало что осталось в личности карьерного офицера Александра Сергеевича Маркарова от мальчика Арика из ничем не выделявшейся армянской семьи «московского разлива» – как любил пошутить в застолье отец. Папа Саркис был товароведом овощной базы «Горплодоовощторга», мама Роксана – учительницей иностранных языков в обычной московской школе. Был, правда, в родне дядя Гриша – полковник КГБ, которого в детстве звали Грегор, но виделись с ним и его семьей нечасто – в столице разница в общественном положении неизменно накладывает отпечаток на взаимоотношения даже среди родственников. Нет, двоюродный брат матери не чурался Маркаровых! Но они и сами понимали: по мере увеличения звезд на погонах в гостеприимный дом чекиста все чаще стали наведываться люди из таких слоев общества! А тут – плодовоовощбаза, учительница...

Жили Маркаровы спокойно, сытно и далеко не заглядывали. Арик-Армен учился прилежно,

особенно давались иностранные языки и физкультура – крепким рос, накачанным, на первенстве Москвы среди юношей призером стал по тяжелой атлетике – килограммчики второго взрослого разряда поднимал. Но вот кем станет, когда вырастет? Никто особенно не задумывался, да и сам только в восьмом классе вдруг сказал однажды за ужином:

– У нас пацаны хотят в военное училище поступать. Но туда лучше после Суворовского идти...

– Вот это да! Очень вовремя! После хрущевского «миллиона двести»^{*12}? – схватился за голову отец. – Сколько тех суворовских осталось – ты хоть знаешь? Там конкуренция – как в Кремль! Внуки маршалов с генералами да дети полковников Генштаба в очередь стоят! Особенно в столице. Кому там безродный армянин сдался?!

– А дядя Гриша на что? – попробовал огрызнуться сын.

– А что он сможет? Тоже не генерал – давно ли третью звездочку на погон заимел? Вспомни, каким он всю жизнь был? Поди, все еще собственной тени боится – как все они там, в органах.

– Значит, не одобряешь?

– Не лень – попробуй! Но я тебе заранее неблагоприятную картину рисую. Чтоб не удивлялся, когда обломают по полной.

– Не шуми, папа-джан, – как всегда спокойно вмешалась мама. – В военное училище можно и после окончания школы поступить – к чему пороть горячку? Как в любое учебное заведение. Только хорошо подготовиться придется! Есть еще время собрать информацию – в какое по профилю училище, что за требования будут? Такие же парни, как наш, поступают – и нормально себе становятся офицерами. Военное образование – одно из лучших, если не самое лучшее. Это я как педагог точно знаю. Потому что на танцы-шманцы с уроков не сбежишь, дурака валять времени нет – казарменное положение,

¹² Сокращение на треть армии и флота по закону от 13–15 января 1960 г. «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР».

пригляд взрослых круглые сутки. В жизни очень может пригодиться. А припрет потом снять погони – тоже не очень большая проблема. Зато знания и навыки в голове на всю жизнь останутся. Или ты ему теплое местечко на своей базе приготовил? Фасовщиком? Экспедитором? Может, грузчиком? Ты скажи, скажи, не стесняйся!

– Похоже, это вам стремно, что я... Плохо кормлю, пою, одеваю? А дача в Серебряном бору? А машина в экспортном исполнении?

– Ой, не начинай... Мы же о будущем говорим.

И тут вмешалась в разговор до сих пор не проронившая ни слова бабушка Арушан.

Она вообще всегда была немногословна – как и подобает воспитанной восточной женщине. Даже овдовев несколько лет назад – дед Арирка внезапно скончался от инфаркта, хотя на здоровье никогда не жаловался: всю войну с винтовкой прошел и до последнего вздоха оставался солдатом, ни одного стоны от него родня не слышала... Даже тогда Арушан проронила лишь пару скупых слезинок, тихо прошептала над гробом «жди, скоро увидимся!» и уверенно отвела протянутые к ней руки родных. Ушла с кладбища в родном Ленинкане с гордо распрямленной спиной! Большая черная птица...

Струдом уговорили ее переехать в Москву к сыну. Здесь она быстро освоилась с домашним хозяйством – «не могу чужой хлеб задарма есть», в семейные дела не вмешивалась, разве что обращались к ней за советом изредка. А тут... Вдруг... Поэтому все разом замолкли.

– Я вот что скажу. Офицер из него получится – если характером в дедушку Рубена пойдет. Это от нас всех зависит, и от него самого – в первую очередь. Только вот какое дело. Посмотрим на вопрос трезво. Как в свое время с Грегором поступили. А не получится, что его в армии чуркой дразнить будут? В русской армии надо быть русским! Фамилия наша непосвященному уху мало что говорит. А

кадровикам забот меньше. Имя с отчеством при получении паспорта должны стать русскими. Тут связей Грегора за глаза хватит – не станут в загсе лишних вопросов задавать полковнику Маркарову Григорию Федоровичу, урожденному Фаизовичу. Без слов всё поймут. Москва, не деревня!

– А как же в школе... – было встряла с вопросом мама.

– А школа с нового учебного года должна быть другая. И подальше от сегодняшней. Где его как Армена знают. И не смотрите на меня так! Армян от этого меньше не становится!

Ингрид – или, как все ее звали, Инга обучала военного атташе, наряду с другими новичками дипкорпуса, ускоренному курсу шведского. При знакомстве она по-мужски протянула крепкую руку первой и представилась сухо-официально:

– Лыовяли! Можно для простоты Лы.

«Эта столба, поди, любовникам счет потеряла! Раз не замужем – при таких-то статях!» – мелькнуло в сознании Маркарова. Очень уж была вызывающе хороша собой двадцатиднолетняя переводчица! Рост – так рост! Стрижка «под мальчика» только подчеркивала изящный носик, лебединый изворот шейки, а уж коралловый блеск безупречных зубок... Натренированная летящая походка легкоатлетки – «четыреста с барьерами, в гладком беге – эстафета четыре по сто, второй этап – где силовая борьба»; серые нордические глаза выражали спокойное превосходство над окружающими, особенно – над мужчинами! Шведы запросто признавали в ней свою: никакого акцента, безупречное произношение, легкий накатанный выговор даже в непростом для северян Европы французском – пять языков знала эта лингвистка. И только срывающееся временами словечко «куррат»¹³ выдавало в ней уроженку университетского городка Тарту – пригорода столицы Эстонии.

¹³ Черт (эстонск.).

Маркарова она ошеломила сразу, бесповоротно! Но была при этом холодна и абсолютно неприступна: общение – только по делу, в пределах поставленных руководством задач – язык, в рамках языка – география и экономика Швеции, вскользь – общее положение дел в Скандинавии. Эта полурусская-полуэстонка со старших классов воспитывалась в Стокгольме в семье чиновника Внешторга СССР и образование завершила в обычной шведской школе. Так что в систему обучения военного советника органично вошли также знакомство с местными традициями, обычаями, кухней. Когда она успевала бывать дома – для Маркарова долго оставалось загадкой. Да и наличествовали ли вообще муж, дети? Коллеги говорили, что родители ее уже давно вернулись на Родину – хлебные места не даются навечно. Про личную жизнь красавицы не судачили ввиду полного отсутствия информации – не видали, не слыхали – кругом все не в курсе. Что для посольских – редкое дело.

На службе Ингрид появлялась всегда раньше атташе и успевала, помимо обязанностей переводчика, много еще чего. Он в ее занятость верил на слово: с занятиями подстраивался под удобный для Лы график, с лишними разговорами не лез... И все больше увязал. Так что даже иногда забывал, зачем пригласил ее в кабинет. Да просто чтобы она впорхнула своей неземной походкой, села напротив, развернув блокнот – и вскинула свои обалденные, с поволокой, глаза!

Так тянулись долгие два года. Маркаров извелся вконец. Его переполняли острейшие эмоции, которых он в себе даже не подозревал – то чувство разочарования и досады – «да что я, мальчик, что ли?: до каких пор будет тянуться эта чертова мука-неопределенность?!». То его охватывало временное затишье – когда Инга уезжала в командировки. Не видеть ее пару-тройку дней уже было некоторым облегчением! Где-то

он услышал интересную фразу: «Будьте осторожны с желаниями – они имеют обыкновение осуществяться». Уж не про него ли речь? А если по большому счету – готов он пойти на крутые изменения в судьбе? И что это на самом деле с ним происходит: просто увлечение, жажда обладания – или все же... ЛЮБОВЬ? А определиться было бы не лишним. Один неосторожный шаг... Ведь бездна дна не имеет! Только дай себе волю – такое закрутится! Нет, с этим надо как-то решать. Законная-то половина чем плоха? Очень себе ничего – вон как мужики плятятся, когда они появляются вместе на протокольных мероприятиях. И язык местный, весьма непростой без всяких инструкторов-учителей подучила, и работу себе нашла вполне респектабельную – в цветочном магазине товароведом. Всегда аккуратно подкрашена, подтянута, со вкусом одета – не то что некоторые посольские жены-клуши, раздобревшие от безделья да сладкой жизни. Нет, Маркаров, ты дуришь! Пора уняться!

Но стоило Инге появиться, взглянуть на него с привычной искрой вызова и соблазна в глазах – и он снова с головой падал в сладкий омут! Когда в голове туман, а в брюках становится тесно – ясно почему! Принялся было истязать себя конным спортом. Стипль-чез просто обязан был выбить дурь из головы – препятствия предьявляются и всаднику, и лошади высокие требования – только зазевайся! Первое время помогало – напряжение не покидало все два тренировочных часа, проведенные на ипподроме. Но потом на совесть тренированное тело – в училище удалось осилить мастерский норматив по военному троеборью¹⁴ – уловило алгоритм действий и само диктовало режим движений, оставляя освободившейся голове простор для дум и мечтаний. Ну ничего не помогало, хоть режь!

¹⁴ Стрельба из автомата Калашникова, метание гранаты Ф-1 на точность и дальность, преодоление «полосы препятствий» с полной выкладкой: протывогаз, автомат, подсумок и два магазина.

Чем бы все закончилось – один Бог ведает. Если бы не случай, подаривший им обоим целых два года счастья! Однажды их вдвоем отправили проверить подготовку к визиту больших московских гостей. На величественный, под стать Версалю, дворец Дроттингхольм им отвели целых три дня. В маленьком чистеньком пригороде Стокгольма намечалась встреча «без галстуков» советских руководителей с королевской четой Швеции. В этой монаршей резиденции венценосная семья фактически и жила, особенно летом: Королевский Дворец в Стокгольме на острове Стадхольмен традиционно служил лишь для официальных приемов да еще как привлекательный и для иностранцев, и для шведских провинциалов туристический объект. Вдоволь наглядевшись на ритуал смены караулов – красавец к красавцу в голубых мундирах, подчеркивающих атлетическую статью шведского народа, нафотографировавшись с ними от души, тургруппы дружно отправлялись поглазеть на внутреннее убранство дворца. Практичные скандинавы поставили экскурсии на поток, и Дворец кормил сам себя. Любопытствующих стали пускать даже в дни важных мероприятий – знающий гид всегда сможет проложить маршрут таким образом, чтобы разношерстная публика не столкнулась, упаси Один¹⁵, с какой-нибудь официальной делегацией.

Прием в загородной резиденции рассматривался как факт особого расположения, и готовиться к такому мероприятию потребовалось непомерно тщательно. Всем диппредставительством пахали! На долю Маркарова и Лыовяли оставалось не так уж и много – фактически навести лоск на уже проделанную коллегами работу: вовремя ли доставят цветы, хватит ли места зевакам, коих набирается в подобных случаях обязательно много, в полном ли порядке подъездные пути и пути отхода-отъезда. Хотя охрана по послед-

¹⁵ Верховный скандинавский Бог.

нему пункту так всех построила – лучше не придумаешь!

Проверка заняла совсем немного времени – у шведов порядок в крови, немцы позавидовать могут! Осталась куча свободного времени, и они вдвоем поехали прокатиться на уютном комфортабельном пароме вдоль побережья – наслаждаться видами просторов Балтики. Мимо трехпалубника проплывали малюсенькие обжитые островки – буквально всего-то домик с телевизионной антенной на крыше, лодка, кормой опущенная в море за недостатком суши – и больше ничего! Где такое еще увидишь? По берегам возникали, будто в сказках Астрид Линдгрэн, игрушечные городки, где все дома – многоцветные, разноэтажные. И везде – ярко украшенные иллюминацией набережные с многочисленными яхтами, шхунами, моторными и весельными лодками.

Закат ударил в панорамный иллюминатор ресторана, когда Ингрид вдруг взяла его руку в свою:

– Хватит мучиться, офицер! Пошли!..

Обратный ночной путь морем они преодолели, не выходя из каюты... Первое мгновение близости просто обожгло его! Неужели?

– Да! Да! – почти что выкрикнула желанная, выстрадавшая, неземная Лы. – Ты у меня – первый!

– Как же так? Почему... так... долго?

Но красавица уже взяла себя в руки. Нарочито-буднично констатировала:

– Просто до сих пор не попадался достойный экземплярчик! Ты не очень-то нос задирай, военный!

– Да я...

– Молчи... Все, что ты скажешь сейчас, будет во вред... Все испортишь!.. Лучше молчи!

А ему и сказать было нечего. Лежал, обняв эту драгоценную девочку – и страшно боялся причинить ей новую боль. Опустошенный. Счастливый. Каким никогда не был!

Посольство – маленькая деревяня. Где секреты утаить – и пытаться нечего. Особенно – от службы безопасности. Эти люди общались с земляками только по крайней необходимости, одевались неприметно и даже обедали отдельно от остальных.

Им обоим пришлось так шифроваться – куда там профессиональным разведчикам! Встречаться тайком ни в столице, да и в самой Швеции можно было даже не мечтать: номера посольских машин знает каждый полицейский – сразу в сводку попадешь. На личном транспорте, даже если бы он и был, передвигаться не рекомендовалось – и из соображений безопасности, и по многим другим причинам. Пешком? На общественном транспорте? Точно на своих напорешься, или на польских, чешских, любых других дипломатов-социалов – а это все равно что по радио объявить. В ход пошли ночные поезда. Инге отчитываться перед домашними было не нужно – за отсутствием таковых. Жена Александра привыкла к внезапным отлучкам мужа – работа такая, все равно посвящать не станет. Да и надо оно ей? Меньше знаешь...

Шести часов с небольшим в один конец за глаза хватало, чтобы проскользнуть в любую соседнюю страну. Благодаря диппаспортам это проблем не составляло – пограничники и таможенники проверяли документы по ходу движения состава, без задержки, и никому-то пассажиры были не интересны. Тем более что влюбленные ехали всегда в разных купе, а то и в соседних вагонах. Драйв обострял нервную систему, придавая свиданиям особенную остроту.

Для первого выездного события наметили тихий Брюгге в соседней Бельгии. Вырваться удалось пополудни в пятницу, под ноябрьские праздники – когда младший персонал драил посольство в ожидании всевозможных визитов и сотрудники только мешали полотерам, доводящим дубовый паркет

до немыслимого блеска, уборщикам на стремянках, протиравшим от пыли люстры, зеркала, посуду на полках и стеллажах.

Читать карты профессиональному военному было не впервой – всю Восточную Германию по ним объездил на бронетранспортерах во главе взвода-роты, и Маркаров легко, по памяти отыскал неприметную частную гостиничку о двух этажах на набережной Спиноларей рядом со старинной таверной на шхуне, пришвартованной прямо к причалу. Здесь была воссоздана самая что ни на есть пиратская обстановка! Создатели дали волю фантазии на полную мощь! Увидеть такую обстановку – уже большая экзотика даже для привыкших к различным чудесам Швеции российских дипломатов. Столики и сиденья были в виде анкерок¹⁶. Официантки бесшумно лавировали мимо деревянных битенгов¹⁷, окрашенных в яркие тона от алого до сине-желтого. В настоящем камине мягко потрескивали дырчатые серо-коричневые хлопья с красными всполохами березовых поленьев... В приятном полумраке бардового бархата обивки и плотных штор с ламбрекенами и витыми золотыми шнурами мягко сияли электрические лампочки в форме свечек, вмонтированных в стены из грубого серого камня – и мерцали они как натурально-восковые... Зато меню – на все вкусы, никакого аскетизма, на любой, самый капризный тут была представлена и традиционная скандинавская кухня из морепродуктов, и китайская, и восточно-европейская с латиноамериканской. Основательно проголодавшиеся любовники заказали куропатку в белом вине, к которой подавались на отдельном блюде дольки тушеного картофеля, фруктовое суфле... К каждому блюду предлагался особый сорт вина... Они и его попробовали – больно уж заковыристое название попало, не упомнишь.

¹⁶ Бочонки для хранения пресной воды (морской термин).

¹⁷ Одиночные тумбы для крепления троса на палубе (морской термин).

Поэтому вскоре каждый перешел на свое любимое: Инга предпочла ледяное «Шабли», Маркаров после сотки шведского «Абсолюта» для бодрости заказал под десерт дорожущее коллекционное «Проекко» – типа отечественного шампанского. Целую бутылку. Гулять так гулять!

Опознать их здесь не смог бы никто даже при огромном желании. Инга была в неприметном джинсовом костюмчике, которому еще на стадии сотворения портные и производители ткани придали вид основательно-потертый – будто целую вечность ношенный. Приметные свои волосы убрала в скромненькую косыночку – ну прямо девочка-студенточка! Маркаров тоже облачился в джинсы и свитер, хорошо подчеркивающий его атлетические плечи – какой там дипломат? Докер из соседней верфи! И с долговязым турком-официантом, и между собой говорили только на английском – поди распознай, что за парочка впорхнула сюда поужинать-закусить!

Сладостная ночь пролетела как миг. Досыпали в ранней электричке уже вдвоем, не скрываясь – кроме привычно встающих с рассветом крестьян других людей там не могло быть по определению. Но с вокзала в Стокгольме добирались из предосторожности порознь – кавалер ради этого прошел через три вагона и только затем ступил на перрон, когда любимой уже и след простыл.

Следующим в их романтической истории стал Амстердам. Выехали на этот раз тоже в пятницу, но уже глубокой ночью и прибыли на место только под утро. Ради такого случая Маркаров купил билеты в двухместное купе, где они воссоединились перед самой отправкой поезда вроде как каждый сам по себе. Те же полторы тысячи километров по ухоженной Европе, те же шесть часов – но только вместе! Так что и спали урывками между страстными объятиями, и не заметили, как оказались на

голландской территории: проверку документов тактичные стражи осуществляли через щель приоткрытой двери купе – чтобы не тревожить сон пассажиров. Культура!

Прежде чем завалиться на целый день в недорогой отель, решили прогуляться. Потом Маркаров пытался вспомнить, что же осталось в памяти от этой пешеходной экскурсии? Ну не тюльпаны же! И ничего толком не всплывало. Разве что Смалсте-Уйс – самый узкий дом в мире с фасадом шириной в обычную дверь. Да еще какое-то фельтикультяпистое здание с огромным ангелом в абсиде¹⁸.

Прежде чем попрощаться перед расставанием на целый день, он осторожно задал вопрос:

– Я тебя, поди, утомял? Но ты же понимаешь...

Она не позволила ему продолжить.

– Что за комплексы. Куррат! «Ты больше, чем просят, даешь», – ответила подруга любимой строкой из обожаемого ею Пастернака.

Эта строка не шла из головы, пока добирался до дома. «Неужто и правда? Значит, я кое-что могу!»

Неизвестно, насколько долго продолжались бы эти экстремальные вылазки, если бы ни одна знаменательная встреча. Пожалуй что, назвать ее случайной язык не повернется – тот же Один влюбленным в помощь! Посольство организовало встречу с набирающим известность шведским скульптором Свидбергом. С дальним, понятное дело, прицелом – может, сваяет что-нито по заказу великой державы? Пока не забронзовел, или в Америку не уехал. Для прикрытия решено было организовать культпоход с семьями. Маркаровская половина идти не пожелала – «Да видала я его работы!, мура какая-то». Александр и не спорил – взял детей, как это сделали другие, и по ходу вернисажа они как бы самопроизвольно оказались с Ингой рядом. Скульптуры были и

¹⁸ Полукруглый выступ в стене (архитектурный термин).

правда так себе, на вкус любителей абстракционизма – но разве в этом было дело для них двоих? Целых три часа вместе! Когда осмотр подходил к завершению, одна из дам-культуроведов, преувеличенно вздохнув как будто от восторга, задала автору дежурный вопрос:

– Здесь все ваше выставлено? Наверное, в мастерской еще много незавершенки?

– Как у любого творца! – добродушно отвечивал гигант Йохан в грубом шерстяном свитере под самое горло. – Если найдутся желающие...

Ингу как что-то подтолкнуло.

– И когда это можно сделать?

Швед молча протянул визитку с множеством телефонов. Терпеливо объяснил:

– Это – мой парижский телефон, следующий – что в Нью-Йорке. Дома меня легче застать по первому в этом перечне.

Она дозвонилась, не откладывая, на следующий же день. Галантный Свидберг пригласил на обед в уютный подвал-ресторанчик.

– Вы пришли одна? А где ваш мужчина?

– Куррат! Кого вы имеете в виду? На экскурсии было много мужчин – насторожилась Лы.

– Вы можете ввести в заблуждение кого угодно, но только не художника. Как вы оба временами касались друг друга трепетными пальцами! А взгляды... Мы, люди творческих профессий, пожизненно обречены на одиночество и поэтому остро чувствуем счастье других. Вы не задумывались, почему так неустроены в жизни – с точки зрения практичного разума – писатели-прозаики, и тем более – поэты? А композиторы? Возьмите хоть судьбу вашего Чайковского. Да и мы, кто глину месит – не исключение. Потому что душа не терпит раздвоения. Либо вся уходит в труд над созданием образов, либо...

– Либо?

– Либо лучше писать речи политикам. С холодным носом и

строго по проверенным фактам. Или стругать бюсты вождей. Другого не дано! Хоть один из создателей гимнов написал приличную оперу? Или – популярную песню? Чтоб исполняли не только по радио, а и в застолье? Разве что гимны...

– Да уж... Нарисовали картинку...

– Не стану морочить вам голову. Вы ведь не за этим пришли, верно? Давайте о конкретном. Послезавтра улетаю в Америку – готовится моя персональная выставка в галерее Каstellи в Нью-Йорке. Я вообще люблю там пожить, в этом шумном городе-муравейнике – потому и квартирку себе прикупил в самом что ни на есть отсталом Бронксе. Где всё без мишуры. Хорошая прививка от скуки в выхолощенном цивилизацией Стокгольме. Там кипит такая жизнь! А здесь можно на ходу уснуть – и ничего! Не заметишь. И никто не заметит.

– В Россию бы вас. В Сибирь.

– Никак не решусь. Не люблю холода. Кутаться в шкуры – не моя стезя. А после Штатов определенно заверну в Париж, в свою мансарду на бульваре Клиши – как раз напротив Мулен-Руж. Бывали?

– Один раз. Давно...

– Рекомендую. Там программы меняются регулярно, но неизменным остается великий канкан этой знаменитой на весь мир «Красной мельницы» на самом высоком парижском холме Монмартр. И никому он не надоедает уже скоро век!

– Учту. Может быть, в отпуске...

– Я – не рекламный агент. И не дистрибьютор, имеющий процент от каждого отмотивированного свежего клиента. Просто... Буду до конца откровенным – вы мне симпатичны. Как и ваш друг. Это были самые одухотворенные лица из всей вашей посольской группы. Давайте о деле – если не возражаете. Оно мне представляется обоюдовыгодным. В поездке пробуду

с месяц, может – больше. Но есть небольшая проблема. Кто-то же должен кормить моего Рыжего?!

– Рыжий – это... сын? Для внуков вроде как рановато...

– В мои сорок с довеском? Если бы вовремя постараться... Но у шведов это не принято. Мы женимся обычно ближе к тридцать – когда можем обеспечить семью, обзаведемся приличным жильем. Как у русских принято говорить – когда встаем на ноги. А я швед – до мозга костей, как говорят русские. Поэтому Рыжий – это...

– Кот? Я правильно угадала?

– Отдаю должное проницательности дипломата. Рыжий здоровый, неприхотливый, кастрированный, все прививки сделаны. Обычно за ним следит в мое отсутствие жена. Бывшая. Но и она сейчас в отъезде. В Карловых Варах. Вот и хочу это деликатное занятие поручить вам. Есть ведь кому помочь, не правда ли?

– Ну, если доверяете... У нас дома в Эстонии была кошка Бригитта, в нашей семье о ней как раз я и заботилась. Кое-что помню.

– Не верить русским диппредставителям? У меня в голове все устроено рационально-правильно.

Они стали бывать в мастерской практически каждый день – и не только ради гладкого, как лошадка, дорожного абиссинца. Ухаживали строго по инструкции – незнакомую пищу этот зверина отвергал начисто. И был совершенно спокоен как удав. Совсем не докучал ни по какому поводу. Свидания пролетали мгновенно, хотя удавалось выкроить когда по два, по три, а иногда и по пять часов кряду. Благо расположена мастерская была на верхнем этаже внушительного здания постройки девятнадцатого века на холме Мариенберг, в самом сердце шведской столицы, откуда до их резиденции на Гервельгатен, 31 ходу – меньше десяти минут. Опасность разоблачения постепенно перестала тяготить обоих. Легенда заботы о скульпторском коте в интересах

дела была сама по себе хороша как прикрытие – на перспективу отношений в рамках программы сотрудничества с мастерами культуры: кому еще захочется возиться? И вообще... Пока все идет как надо – какие беспокойства?! Бдительность постепенно притуплялась. За что пришлось вскоре поплатиться обоим. Человек такое существо: пока тревога на душе, он всегда готов к отпору, потому что постоянно настороже. А как наступит нирвана расслабления...

Они и потом, после возвращения Свидберга из поездки, навещались к нему запросто. И с котом подружились, и с хозяином. А Йохан Свидберг, всё понимающий мудрый творец, вскоре после приветственной чашки чая с крекерами забирался себе на верхотуру по гигантской стремянке – лепить голову очередной скульптуре, оставляя им в распоряжение боковую комнату для хранения эскизов с широченной королевской кроватью «Корно бай карпе дием» – всегда аккуратно заправленной, со свежими простынями и взбитыми умелой рукой подушками. В подарок скульптору были интеллектуальные беседы об искусстве, политике, любви...

Незаметно подкралась юбилейная дата Ингрид. Ее двадцатипятилетие Александр решил отпраздновать на широкую ногу. Именно в Брюгге – месте их первого выездного свидания. На этот раз он по телефону-автомату – чтобы не засекали – заказал номер в дорогом отеле «Botaniek». Отель расположился в особняке восемнадцатого века в самом центре – в пятидесяти метрах от одного из каналов, которыми так славится старинный город.

Их ждал богато сервированный стол с роскошным букетом ярко-синих гортензий в огромной хрустальной вазе – под цвет платья юбилярши из тонкого кружева особого плетения «Валансьен», со стоячим воротником «Альберт» с отогнутыми уголками, подчеркивавшим высокую точеную шей-

ку. Традиционно аскетичная в нарядах Инга позволила себе на этот раз неслыханную вольность: бюсгальтер пуш-ап с поролоновыми прокладками плюс бриллиантовые сережки от «Тиффани» – подарок родителей, переданный через знакомых из торгового представительства как раз накануне даты. Куда только подевалась спортивного сложения девчонка-златовласка? Принцесса голубых кровей... Мисс Мира торжественно ввел под руку в зал затянутый в безупречный смокинг сияющий красавец кавалер! Их выход, как им казалось, подействовал на всех в торжественном мраморном зале ресторана! Даже музыка стала звучать будто на полтона ниже. Именинница и правда завораживающе влияла на окружение – взоры не только мужчин, но и их спутниц не уставали сопровождать эту пару весь вечер.

– Венеру Милосскую рядом с тобой никто бы и не заметил!

Лы ухмыльнулась одними губами:

– Да она – мелочь рядом со мной! Там росту-то всего – 164 сантиметра!

– А во всем остальном? Тоже, конечно, уступает?

– А все прочие параметры у нас один в один: объемы груди, талии и бедер соответственно 86-69-93! Так что ты, милый, от истины недалеко!

На этот раз они ели совсем немного, скорее – символично. Запивали блюда только шампанским «Вдова Клико». Танцевали одни вальсы. Казалось, это волшебство не завершится никогда! Но под самый конец... Маркаров спиной ощутил острый, колючий взгляд из-за колонны. Стараясь не привлечь внимание, из-под плеча коротко взглянул... Ошибка исключалась! Именно этот мрачный тип, одетый – в отличие от разнаряженных посетителей – во все серое, дважды попадался ему на пути в мастерскую друга-шведа. Конечно, «топтун» был одет в разные дни иначе и мало чем от-

личался от обычных прохожих шведской столицы. Но взгляд этот – острый, немигающее-злобный – спутать было невозможно!

Почувяв опасность, даже моллюск захлопывает раковину. Будто пытаешься вылезти из строительной пены, а она, сволочь, все засасывает и засасывает без перспектив освободиться из затвердевающих объятий! Александр решил ничего не говорить подруге – не хватало еще испортить ей настроение в этот знаменательный день. Они вышли на крытую веранду полюбоваться на мерцающие огоньки судов – и неторопливо плывущих по каналу, и стоящих у дебаркадеров: многие европейцы и здесь, и в соседней Голландии использовали отработавшие свой век баржи, катера, шхуны как постоянное жилье. Мягкий лунный свет – как на полотнах Куинжи – придавал картине неземной колорит.

Но влюбленные понимают без слов! Инга увидела, как вцепился побелевшими пальцами в подоконник ее спутник.

– Что-то случилось?

Ну как он мог заронить в ее сердце тревогу?!

– С чего ты взяла? Наверное, я чуть-чуть ревную тебя к взглядам, которые весь вечер бросают на тебя посторонние мужчины. Ну, просто раздевают глазами! Так бы и набросились – дай им волю!

– Только секс по любви обостряет любовь к сексу. Ты не знал? С чего это им вдруг... приспичило?

– Сама придумала?

– Да нет – слышала где-то.

– А я вот вспомнил, что говорила Грета Гарбо: «Секс благотворно воздействует на кожу». Так что для здоровья он полезен в любом случае.

– Может, я слишком ярко оделась сегодня? Не находишь?..

– Раз уж мы цитируем великих... Плисецкая считает, что одежда диктует поведение. Сегодня у нас с тобой все органично!

– Если бы мы с тобой сейчас были в Версале, я бы предложила

тебе заключить с плящимися мужиками Версальский мир.

– И он так же моментально бы устарел, как и тот, что от 1919 года. Ты всегда будешь вызывать восхищение! И я – только один из них!

Вызов из Москвы воследовал чуть ли не на следующий день. Офицер понял, что сие означает. Все завертелось с ужасающей скоростью! Как ни старался, Александр так и не сумел повидать Ингу – любимая как будто растворилась в пространстве. Посол не удостоил прощанием – всю процедуру поручил советнику по персоналу. Тот как будто был затянута в броню.

– Из личных вещей ничего не забыли? Самолет вечером, билеты на себя и семью получите в бюро пропусков. Виза ваша закрыта сегодняшним днем. Так что...

– Что что?.. Может, все-таки объясните?

– Не полномочен. Счастливого пути! Не провожаю. Пропуск в посольство и удостоверение атташе сдадите на выходе охраны.

Перевод из дипкорпуса в Министерство обороны произошел не менее стремительно. На незначительную, по прежним меркам, подполковничью должность. Все будто воды в рот набрали: и домашние с обеих сторон, и даже жена – она-то вообще не проронила ни слова. Будто все шло в плановом режиме! Это как раз и вселяло леденящий ужас. «Я что для всех – прокаженный? Преступник, кому и помилование не светит?». Со знакомым кадровиком-однокурсником удалось-таки перекинуться словечком.

– Что мне шьют? Ты-то хоть скажи!

– Да ничего страшного. Кажется, морально-бытовое разложение. Не бойсь – за это не расстреливают. Скоро все забудут. Только ты, это... Больше не спотыкайся...

«Значит, так! Теперь начнут проверять поминутно, каждый

шаг – под контролем. И любое отклонение, любой недочет – как новое лыко в строку!»

Полет со спецзаданием на Урал стал его первым шансом вернуть утраченное доверие.

Пьянков

Джоном отец Пьянкова называл под впечатлением поездки на стажировку в Америку как слесарь-наладчик – перед пуском автозавода с американским оборудованием. Нижегородский мужичок – на все руки мастер по самым различным железкам – возивший на «Виллисе» всю войну командующего фронтом и потому целехоньким вернувшейся с войны, потом долго щеголял различными американскими словечками. Типа «ребята-чилдринята», «пойдем на хаус»... С годами вся эта мишура подзабылась, Нижний превратился в Горький, Первый автосборочный завод стал ГАЗом, старшие дети Машка и Алексей, произведенные еще до Великой Отечественной, подросли и в столицу подались, зажили своими семьями. А младший-последыш так и остался жить с родителями.

После окончания политеха Джон, к которому странное имячко никак не прилипало и поэтому все звали его Димкой, попал, как и многие послевоенные выпускники-инженеры, конечно же, на Горьковский автозавод. Но не легковушки собирать и модернизировать, а трудиться в той части предприятия, где было фактически другое производство – оборонное. Страна переводила армию на новую технику. Еще далеко было – целых полтора десятка лет – до создания БТР-60 в различных модификациях: начинали с БТР-152, потом появился БТРП – плавающий. Процесс востребовал свежие молодые силы. Колесная бронетехника давалась непросто – мозговой штурм наличествовал с утра до ночи, без счета рабочих часов. В КБ засиживались, бывало, и до утра – когда прорезывалась свежая мысль. Чертежи, ма-

кеты, споры в папиросном дыму до хрипоты! Готовых решений ждать было неоткуда. Одним из этих талантливых технарей и стал Димка. Никакого другого занятия он не искал и не мечтал ни о чем другом. Быт обеспечивали родители: он и не помнил, что ел, когда; что нужно сегодня надеть на работу – мать к утру приготовит. У него голова раскалывалась от идей, придумок, спал урывками – скорей бы на завод. Сколотилась хорошая группочка толковых ребят – их не нужно было мотивировать, уговаривать – сами рвались на передовой край техники. Отцы сражались, такую войничу выиграли в основном на тягловой силе – что ж мы, их подведем? О карьере никто не думал – не до этого было. Вот сочинить новый узел – это да! Чтоб все ахнули! Димка был не из последних. Мечтал: вот-вот сойдет с конвейера первый образец изделия – прокачусь одним из первых! Может, и пострелять на полигоне дадут. А чё?!

Однако судьба уготовила ему совсем другой зигзаг. Энергичного парня через год рекомендовали в партию и кооптировали в комитет ВЛКСМ предприятия. Еще через год он этот комитет возглавил. Надеялся, что это – ненадолго. Охота было назад, в КБ. Вроде и почву в парткоме подготовил – удерживать не стали, раз такое производственное рвение у парня. Другие как вцепятся в кресло – пушкой не вышибешь. А этот... Молодец, что сказать. Настоящая заводская косточка. Потомственная!

Однако на городской конференции, неожиданно для него самого – никаких предварительных бесед не было – в списке балотирующихся в бюро прозвучала и фамилия Пьянкова. Как закономерный результат – избрание первым секретарем горкома комсомола.

Он и там думал о заводе. Ну, разве можно сравнивать то живое дело, которым он занимался, на кого учился – и все эти заседания, отчеты? Пока молодой – ладно. Но

так ведь и отстать можно! Техническая мысль не стоит на месте. Не придумал ты – внедрил кто-то другой! Это не «Войну и мир» писать – без Льва Николаевича фиг бы кто справился! А в науке, и особенно – в технике! Сегодня ты – кругом голова и рационализатор, а завтра – как все. Ладно бы не хуже всех! Пьянков и на митинге по поводу пуска первой машины чувствовал себя уже не то что бы чужим – но уже не совсем своим. В кабину юркнул совсем незнакомый паренек и как дал скорость со старта! А комсомольскому вожаку только и оставалось, что хлопать на трибуне в пиджаке да в галстучке. Как бы он с радостью поменял этот прикид на спецовочку промасленную. Да где там!..

Ой, как не хотелось превращаться из инженера в заседателя. По каждому поводу, да и без тянулся в свое КБ. А там уже начались изменения: соратники кто в цеха ушел – задумки внедрять. Двое ребят за диссеры засели. Появились новые парнишки – из того же политеха. Те держались кучкой, на предшественников поглядывали с опаской – признают ли? Не та уже была атмосфера: и обедали все только в заводской столовой, никаких тебе термосов-бутербродов. И режим предприятия соблюдали неукоснительно – приходили и уходили вовремя, после утреннего и вечернего гудков.

В Первых он подзадержался на целых восемь лет. Когда ровесники-аппаратчики – и даже те, что младше его годами – стали обходить в чинах, пришло решение вернуться на завод – пока не забыли, что есть такой инженер Пьянков. Но тут его пригласили поработать в отделе промышленности обкома КПСС – курировать так хорошо знакомый ему ГАЗ. Очень хороший скачок в карьере, считалось, для только что разменявшего четвертый десяток! «Далеко пойдет!» – говорили соратники по горкому, да и кореша с завода отнесли к новому назначению с понимани-

ем. Кое-кто и завидовал: то все у родителей обитал, а тут квартиру сразу дали в обкомовском доме. Хоть и холостой – а двухкомнатную. Глядишь – высоко взлетит наш Пьянков, здороваться бы не перестал. Из обкома и в директора путь налажен. С таким-то богатым прошлым!

Но в обкоме картина с карьерным ростом повторилась – другие становились заведующими отделами, уходили в райкомы и горкомы на секретарские должности, а Джон как к стулу прирос. Опять, в который уже раз, потянуло на завод – освободилась должность замглавного инженера с перспективой на место постаревшего главного. И тут Пьянкова – уже отца двоих детей-погодок, шагнувшего на пятый десяток, двинули в ЦК – опять же инструктором. Квартиру дали пусть не на Котельнической набережной, но просторную, с высокими потолками, в четыре комнаты и предбанником, в котором можно запросто жить. И месторасположение солидное – на Соколе. В соседях по лестничной клетке – генерал двухзвездный, два адмирала, директора крупных предприятий. Тонированные автомашины по утрам в очередь выстраивались – как на параде. Теперь он по роду занятий курировал и свое родное предприятие, и родственные ему на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Уже с высоты, можно сказать, птичьего полета.

И снова – двенадцать лет без движения. Была уже ослабевающая мысль снова что-то поискать на родной Волге – но начальство не дремало и опять повысило засидевшегося ветерана. На этот раз – на инспекторскую должность. Особых перспектив в карьере Джон к тому времени уже не строил. И вот – надо же... Открылась вакансия заместителя заведующего отделом. Однако вопрос что-то очень уж долго не утрясался, заставляя теряться в догадках, пересматривая, как кадры старой кинохроники, всю прошедшую жизнь. Где

наследил? Когда? С кем, как? Неужто?..

Была, была в биографии опытного аппаратчика одна закавыка. Джон долго не знал, даже совсем не подозревал, что проклятая людомания*¹⁹ спала себе до поры в башке и вдруг разыграла при определенных обстоятельствах. Да так мощно!

Случилось это уже в Москве. В один прекрасный день отправили его руководителем тургруппы во Францию. По Болгариям-Венгриям он еще в комсомоле накачался, в одной ГДР был раза четыре, но теперь... Первая поездка в капстрану. Видать, его личная засекреченность изрядно выдохлась – потому и отправили. Да еще с таким маршрутом: три дня в Париже, остальные десять – в городке Грасс на Лазурном берегу, известном как столица мировой парфюмерии. К поручению отнесся, как всегда, ответственно: готовился, тщательно изучая справочники, путеводители. Мельком отметил – у них там, помимо моря, полно всяких казино. Но это уж лишнее – отмел он крамольную мыслишку! Да и откуда деньги у советских людей на безумные затеи? Вряд ли кто-то даже тайком осмелится втянуть себя в капиталистический разврат! Это ж, если вскроется – пятно на всю жизнь! И потом... Далеко не всех в такие поездки пускают – даже за свои кровные. Сознательность проверяли в райкомах партии, собеседование проводили грамотные товарищи – прежде чем разрешали путевку профсоюзную купить.

В столице Франции все показилось по плану: прямо с самолета автобус с русскоязычным гидом сразу отвез на Эйфелеву башню, билеты куда были куплены заранее – так что и в очереди стоять не пришлось. С башни – на обзорную экскурсию по Сене на речном трамвайчике, к вечеру успели в Лувр – и только потом поехали заселяться в гостиницу. Плановый ужин – и все повалились спать

¹⁹ Болезненная тяга к азартным играм.

как убитые. За день так напутешествовались! Наутро – Монмартр с его художниками и оттуда сразу – в Версаль. Там находились до икоты по всему великолепию французских королей с уникальным ландшафтом английского парка, церквам, музеям и вернулись в гостиницу опять под вечер – настоялся их автобус в плотных парижских пробках, будь они не ладны! На третий день с обеда – отъезд в Грасс, так что на магазины осталось всего часа три – не разбежишься. Когда группа села в автобус – все только и мечтали об отдыхе. «Если так дальше пойдет, мне и наблюдать ни за кем не придется!» – про себя подумал руководитель. Хотя нештатного «наблюдателя» вычислил сразу – бойкий мужичок, притворно-любезный, безликий какой-то – через пять минут в толпе встретишь – не узнаешь; и по-французски чешет гладко.

Он-то в Грассе и пригодился, этот Федоровский. Или как там его на самом деле... По приезду обнаружилась накладка, которую сходу не исправишь: оказывается, где-то кто-то там напутал, и их группу в отеле ждали только через два дня. Пьянков не растерялся. И хотя утро было совсем раннее – шестьсот с лишним километров их автобус пропилил за двенадцать часов – решение принял тут же в соответствии с инструктажем, полученным в соответствующем месте.

– Отдыхайте, товарищи. Мы сейчас разберемся. – И, уже обращаясь к Федоровскому, командным тоном приказал:

– Вы – со мной. Нужен переводчик.

По справочнику они быстро нашли отделение компартии Франции – небольшой особнячок на бульваре Луи Барту. Таксист оказался коммунистом и денег с них не взял.

– На беспокойтесь, мсье. Решайте свою проблему. Я вас подожду. Вы же впервые в Грассе? Тем более! Я тут – всю жизнь. Отец

воевал в Нормандии, брат – в России, авиамехаником в эскадрилье Нормандия-Неман. Оба не вернулись! Так что в честь их памяти...

Французские коммунисты проблему решили мигром. Руководитель партии по Грассу мсье Равиньон с полчаса поговорил по телефону – и к зданию стали слетаться малолитражки.

– «Мерседесов» от нас не ждите – коммунисты зарабатывают на хлеб своими руками. Но «Рено», «Пежо», «Трабанты» есть практически у всех. Русским не придется далеко ходить пешком. Вы будете жить в семьях французов уже через час. Бесплатно! А с этого буржуйского отеля мы получим всё, что вы заплатили – до последнего франка! И раздадим вашим людям уже дня через три. Мой кузен – видный в городе адвокат, я ему это поручу. Хотя он и не коммунист, но голлист – завзятый. Хотя сегодня в маки²⁰ записывай! Его влияния будет вполне достаточно!

Пару дней Пьянков не знал покоя – внезапно посещал расселенных подопечных, расспрашивал, не случилось ли чего неожиданно? А они-то были довольнехоньки! На черта сдался этот отель, где за каждый чих платить пришлось бы. Тут у всех свои сады, виноградники – винище льется рекой за французско-советскую дружбу, вместо воды сидр хлещем, свежими яблочками закусываем!

– Смотрите, товарищи: чтобы никто не напился, еще чего не сотворил непотребного, – наставлял для порядка Джон, хотя видел, что все складывается нормально, люди в группе вполне адекватные.

А вот на третий день... Наступило 14 июля – День взятия Бастилии. Французы этот праздник обожают! Жак Равиньон, у которого квартировал Пьянков, собрал множество друзей, и все вместе на трех машинах поехали в дальнюю бухту. Джон думал, что наконец-то порыбачит, но французы все взяли с собой – и рыбу, и сырое

²⁰ Движение сопротивления фашистам во Второй мировой войне под руководством генерала де Голля.

мясо, и овощи с фруктами. Мангал под шашлыки, костерок под уху – это-то было все как дома, в России. Под «Совиньон» прошлогоднего урожая русский руководитель наконец-то расслабился, вместе со всеми пел «Марсельезу», «Подмосковные вечера»... И сам не заметил, как к ночи, развезя семьи по домам, мужчины их группы оказались... в казино. Один из французов четко произнес по-русски: «новичкам везет!» – и усадил Джона за рулетку. Пьянков к тому моменту был уже крепко во хмелю и, махнув на страхи рукой, поставил фишек на сумму в сто франков на Зеро. Шарик покатался и шлепнулся точно в нолик. Крупье пододвинул лопаточкой фишек в три раза больше. Пьянков попробовал еще разок – и выигрыш удвоился. Потом он стал ставить скупое: что-то проигрывал, что-то выигрывал, но к уходу домой ему в карман упало целых пятьсот франков! Понятно, что домой такую суммищу тащить было нельзя – устанешь объясняться, и он быстро все спустил на подарки домашним и друзьям задолго до отъезда.

Вспоминая этот вечер, он всегда внутренне холодел. Это что ж творится! Другим наказывал – а сам? А вдруг из группы там кто-то был? Пока молчат. Никуда не вызывают. Ладно, проехали. Так и параноиком можно стать!

Лишних разговоров так и не возникло, и Джон окончательно успокоился. С кем не бывает? Пока случайно не узнал, что подпольных казино и в родной столице – пруд пруди! И не очень-то скрываются – спокойно себе существуют под личиной залов игровых автоматов, клубных ресторанчиков за городом... Знать-то, кому-то они нужны. А то бы давно позакрывали! Скоро и сам оказался в одном из таких злчных мест. И – пошло-поехало. Он и не предполагал, что таится в нем такой азарт, такая страсть! Головы, впрочем, не терял – огромных сумм не спу-

скал, хорошо оглядывался, когда приезжал на такси в неприметном костюме, с кепкой, надвинутой на глаза. Язык, само собой, держал за зубами крепко – понимал, чем все может кончиться, коли на работе узнают. И раз за разом с наслаждением погружался в атмосферу тихо постукивающего шарика, приятного уху шелеста карт, ванильно-яблочного вкуса виски... Жене все же пришлось признаться в порыве откровенности. Татьяна – доцент столичного вуза, кандидат философии, все поняла без объяснений.

– Согласись – такая сервильность приятней, чем у тебя на службе. Ты же весь как натянутый нерв. Так и в инсульте свалиться недолго!

– Мудрено что-то...

– Сервильность – это рабская привычка. Угодливость, если хочешь.

А когда через год снова оказался во Франции, уже сам, без группы. И ноги сами привели его в знаковое заведение...

Неужто все же прознали? Не в этом ли все дело? Чего ж так долго тянут, козлы безрогие? Не мальчик ведь уже! И тут, как черт из табакерки, выскочила эта щекотливая командировка. Почему именно его? Никто ничего не объяснил. Но прозрачно намекнули – результат должен быть **НУЖНЫМ!**

Рамштейн

Что «пятый пункт» – не только плод досужих пересудов, Мишка Рамштейн почувствовал перед самым выпуском. Как по паспорту – Моисеем – его никто никогда и не называл. Ни дома, ни на улице, ни потом в институте. В родной Умани все знали «конюшню Лейбы». Расположенная на окраине местечка, она исправно служила всем нуждающимся в извозе – что телегами, что бричками на конной тяге. Сам Лейба был кузнецом неслыханной мощи – лошадей ковал прямо со всадником: тому и спешиваться не приходилось – загнет

огромной ручищей лошастью ногу, молча сорвет старое копыто – и давай вколачивать гвоздь за гвоздем, вынимая их изо рта. А та стоит – не шелохнется: животные не хуже людей подчиняются силе, если она всамделишная! Напивался временами похлеще русских и украинских соседей – тогда вся слободка пряталась: бил каждого, кто появится на пути, смертным боем. Перечить ему могла в такие моменты только жена Рахиль.

– Мишигенер!^{*21} – причитала она. – Снова маланские мансы на мои седины!

– Замолчи свой старый рот! Хватит коники строить! – не оставался в долгу Лейба. Но Рахиль это не останавливало.

– Оставь мене жить! Ему на кладбище давно прогулы ставят. Босьяк! Опять взялся делать базар!

Эта-то удаль и вышла кузнецу боком. Однажды въехал во двор солидный господин в гусарской форме, молча показал рукой в лайковой перчатке на правую ногу захромавшей лошади. Лейба по привычке, сноровисто завершив работу, протянул ладонь для оплаты. И – получил нагайкой по лицу:

– Перебьешься, харя жидовская! За честь должен почитать...

Фразу офицер договорить не успел – страшной силы удар снес его с коня. За «жида» на их улице лупили хоть кого! Городовой себе такого не позволял! А Лейба молча повернулся и ушел в кузню. Через час выглянул – как там нахал, очухался? А тот лежал уже бездыханный!

Восемь лет Акатуйской каторги сломают кого угодно. Вернулся богатырь исхудавший, немощный, да вскоре и ушел на тот свет от чахотки. Понятно, что дело сразу после ареста перешло к старшему сыну Миرونу. Тот с двумя младшими братьями сходил на Гражданскую, вернулся без них, один, вместо правой ступни – деревяшка, но детишек строгал исправно – Иосиф, Земель и Моисей выпрыг-

²¹ Дурак, юродивый, сумасшедший (идиш).

нули на свет один за другим, да еще две девчонки – Майка с Розкой – появились уже с разницей в два года. Вроде зажили как люди. И опять – война...

От немцев бежали срочно. Иосиф с Земелем ушли на войну, наказав Мишке сберечь семью.

– Мы будем биться за всех за вас. А ты один остаешься в семье мужиком – строго приказал старший. – И, чтоб когда вернемся, все были в целостности и сохранности! Смотри у меня!

Подвод и лошадей хватало. Корма взяли с собой достаточно – как оно будет там, в дороге? Один Господь знает! Оставшихся лошадок раздали соседям задарма – чтоб поспешали: после войны сочтемся, коль живы будем.

Колонна беженцев растянулась на несколько километров. Целый день было тихо. Шли и ехали молча, стараясь подальше уйти от настигавшего фронта. Привал наметили только на ночь – от греха подальше. К вечеру появился в небе легкрылый разведчик «Арадо» с крестами на крыльях: шустренько облетел несчастных вдоль-поперек, снизился чуть ли ни на голову – летчик даже приветственно помахал рукой обеспокоенным людям.

– Немцы – нация уважительная! – сказал кто-то из слободских. – Станут они на стариков да баб с детишками боеприпасы тратить!

Но следом, через часок, появилась двойка «Фоккеров». Деловито, как машинка «Зингер», которую мать, несмотря на увещевания, упрямо погрузила на телегу, прострочили колонну короткими очередями – и деловито убралась. Еле успели оттащить убитых на обочину, перепрячь лошадей, перевязать и погрузить на телеги раненых – как налетела четверка двухмоторных бомбардировщиков «Дорнье»! Эти бомбы бросали прицельно, экономно – целя в гуцу толпы и гужевого транспорта. Словно прибирались

у себя на заднем дворе, паскуды! Моисей-Мишка, силой пошедший в деда, впервые в свои девятнадцать почувствовал беспомощность. Ну что тут сделаешь против этих железных машин!

Свой бег-исход Рамштейны остановили аж в Подмосковье: лошадей пришлось бросить на первой же железнодорожной станции вместе с излишком скарба – взяли столько, сколько смогли унести. А много ли удалось взвалить на загорбок девчонкам, слабой ногами матери, да еще бабка, с годами ставшая придурковатой, да отец со своей культяшкой? Еду всю отдали Мишке, остальные на себе тащили только носильное – что полегче. Так и пробирались с полмесяца, пока не осели в деревне Драньково Егорьевского района.

На постой председатель колхоза определил к одинокой вдове Аграфене – та еле управлялась с большим огородом и домищем в три подъезда. Когда-то здесь жил купец-богачей, сосланный под раскулачивание в Сибирь, а семья вдовы быстро оскудела домочадцами после сталинских репрессий – кого расстреляли, кого сослали... Никто бабуле давно не помогал – а тут такое семейство припожаловало!

– Теперь заживем! – весело причитала она. – Как в давешние времена! А то дом без людей – что коробок без спичек.

Радовался и председатель. Мужики-то, считай, все кто в армию, кто в ополчение подались – Москву отстаивать. Кому урожай убирать? А тут и кузнец, и коневод, и женщины, знающие толк в фураже, умеющие что платяшко с пальтом, что упряжь конскую спроворить!

После осаженной четверти самогона председатель втолковывал засыпающему за столом Миرونу:

– Ты, мил человек, не бойсь! Мишку твоего на фронт я не отдам! Он мне во как позарез самому нужен! Забронирую – что твой танк! У меня шуряк в райвоенко-

мате письмоводителем. Что настрочит – то и будет! Шесть классов образования имеет! Только б твой сам на рожон не полез. Они ж, молодые – ухари! Тут отцовское слово должно осадить! Он хоть у тебя послушный?

Мирон только согласно кивал головой: от выпитого, от щедрой закуски, отвыкший за время драпа от разносолов, он еле удерживал себя на скамейке. Упасть перед начальством на пол и захрапеть во всю силу – это каждый дурак сумеет. Но не он же, глава большого клана!

– А что не нашей веры вы – наплюй! Где она, та вера? Попов расстригли, колокола снимали. В церкви теперь – почта, а наш батюшка, которому всем Егорьевском ручку целовали вместе с попадьей на праздники, на той почте – начальником. На мациклете почище военкома носится! В партию вот вступил – и как приняли? Да и сам я, по рождению – мордвин, да кто об этом помнит? Митяй – он везде Митяй. А зять мой, Мозгут – и вовсе татарин. На заводе в городе робит мастером. Бигеев ему фамилия. Известный в районе человек! Да толку нам в деревне от него! Вот с пшеничкой бы вовремя управиться. Фронт-то кормить надо! Думаю, на тот год под рожь все пустим. Без белого хлеба обойтись легко, а вот без черняшки... Да ты, я вижу, спишь, болезный? Ложись прям на лавку! У нас тут запросто.

Мишка в деревне освоился легко. Стоило ему привычно вспрыгнуть на выделенного колхозного жеребчика и наметом пролететь по селу к водопою, местные пацаны без сговору поняли – среди них появился новый верховод. Даже отсидевший по малолетке в колонии ухарь Данила – главарь во всех затеях драньковской шпаны – мрачно процедил сквозь прокуренные зубы:

– Такой вмажет – хрен очухаешься! Мышцы брюшного прессы – как у борца в цирке. Так что,

если кто и хочет залупаться – без меня. Я – пас. Скажет кому рыло начистить – не сумлевайтесь. Исполню без треску и пыли!

А девчата деревенские... Только и делали, что гадали – кому ж достанется такой... кучерявенький? Все равно кто-то да охомукает – не век же ему одному куковать!

У Мишки и без всего этого забот хватало: колхозный табун – на нем; помочь отцу в кузне – кто ж еще? За сестренками и Рахилью тоже пригляд нужен: малым на дойку вставать в четыре утра и топтать на ферму по темноте аж три километра – кто провожать должен, вдруг лихие люди обидеть захотят? Бабке опять лекарства нужно вовремя принимать – ни черта уже не помнит старая. А с семи и дотемна сам крутился на работе, зарабатывая трудовни, почитай, на полсемьи – мать, как и бабушку, полностью оставили на иждивении: пусть себе кошеварят на всех – вечером, как соберутся – всё мигом умнут, сколько ни наготовь. Обжились быстро – чуть погода завели коровенку. Мишке еще забот прибавилось – для нее косить-стоговать тоже пришлось самому – ныла кулья у отца в непривычном климате, да и годочки набежали – куда ж от них.

Конечно, на рыбалку он нацелился сразу. Их Цна была мелковата даже по летнему времени, поэтому гонял верхом на Орлике к рыбхозу, на Гуслицу – там и толстолобик водился, и белый амур пополам с карасем, окунем, щукой. По военному времени семья зажила недурно – был бы хлеб со спичками в магазине, остальное сами спроворим. Председатель не наврал – повестки обходили дом Рамштейнов стороной, тревожиться нужды не было.

А потом пошли похорошки. На Иосифа – из под немецкого города Тильзита, что в Восточной Пруссии. На Земеля – из самого Берлина. Сложили головы свои буйные старшие сыновья Мирона! Один Мишка и остался основным

кормильцем. Думал – ну что ж, такова судьба! Пока девчонки окончательно не вырастут – семья так и будет на нем. Надолго эта затея! Потому и не женился – до того ли? Вековущек по деревне хватало – крепко война повыкосила егорьевских мужиков! То у одной заночует, то у другой – так и ходил по рукам, как переходящий Красный вымпел. Народ понимал – жизнь свое берет. Не осуждали. Да никто комсомольских собраний в ту пору и не проводил – не до того было.

А когда наконец-то закончилась проклятущая бойня...

– Пора тебе, сына, и о себе подумать – сказал как-то за ужином отец. Не навовсе же при матерной юбке ошиваться. Люди вон... учиться норовят.

– Да куда ж мне? Не помню, когда и книжку в руках держал. Да и поздновато со школярами тягаться – кой годик-то набежал.

– Управишься! Школьным знаниям грош цена в базарный день против твоих. Инженером надо становиться – за братьев своих, за нас всех. В навозе копать любой сможет. Девки вон подросли, разневестились – скоро повыдадим, не засидятся. За Майкой, сам знаешь, агроном ухлестывает, Розка тоже не промах – председателем племяш вокруг нея как пчела над улем жужжит. Прокормимся! И тебя поддержим, коли нуждишка припрет. Вдовьи могилки тоже изобиходим – царство небесное рабам божьим Аграфене и Рахили! А тебе – пора. Мужики не дело под отцовской крышей всю жизнь обитать!

Год к тому разговору не возвращались. Откровенно говоря, боялся Мишка Москвы. Как побывал с председателем один раз – так и напугался этой шумной городской жизни: множеству машин, милиционеров в белых кителях, народ расфуфыренный вышагивает с гордым видом... Нехрен деревенскому там делать!

Но тут в Долгопрудном – всего то полтора верста от Егорьевска

– открыли МФТИ – факультет МГУ с профилем «Прикладные физика и математика». Школьный учитель месяцок позанимался с великовозрастным учеником и выдал вердикт:

– Пойдет! Мозги сахаром не выросли от сельской жизни. Ты еще Сталинским стипендиатом станешь!

Как в воду глядел! Вступительные экзамены – без проблем. Тут же – койка в общежитии. Не хватало до стипендии – а железнодорожная станция зачем? Пару тройку ночей поразгружал вагоны – и порядок! Плюсом еще сестрички навещали – уже замужние, детные: то Майка гостинцев привезет – сало там, фрукты-овощи, мясо вяленое, сырочки, колбаску домашнего изготовления. То Розка навестит. Ну а рыбалка и в Долгопрудном была – здесь Мишка в помощи не нуждался.

Вскорости увлекся новомодной затеей – канадским хоккеем. На коньках стоять он еще в Драньково научился – не сложна наука. А тут секцию открыли при институте – с профессиональным тренером, с раздевалкой при корте-коробке, с душем! Не приходилось в общежитии в очереди стоять, чтоб помыться – пара рожков на этаж что для парней, что для девчонок – ажник за час занимали, чтоб до ночи управиться. Из Рамштейна получился неплохой центр нападения: силовых стычек не чурался, скоростешка приличная, ручищи – что у молотобойца, крестьянские! Через годик на студенческом первенстве Мособласти вошли в «троечку»! Им тогда всем к стипендии накинули по пятидесятке – как-никак новый вуз засветился среди призеров. Ну а на третьем курсе отличник Рамштейн и вправду стал Сталинским стипендиатом!

Казалось бы, жизнь расстилает перед Мишкой любые горизонты – пробуй, добивайся, твори, взлетай! Кабы не гадская штука политика... Только-только создалось государство Израиль – а уж лидер его, бывшая киевская училка Гол-

да Меир ляпнула на весь белый свет:

– Мы будем воздействовать на СССР через русских евреев!

И понеслась телега по ухабам! Сняли секретаря горкома партии – якобы по его просьбе в связи с ухудшившимся состоянием здоровья. Да на нем пахать можно было! Вон как гирей махал на городском празднике в парке культуры – что левой, что правой. Молодым фору на спор давал!

Стал редеть преподавательский корпус в институте – и тоже за счет евреев. На общем собрании перед началом учебного года розовощекая комсомолка-активистка верещала с трибуны:

– А всем ли можно доверять в нашем коллективе? Ведь мы идем на оборонные предприятия! А вдруг произойдет утечка информации к врагам социализма?

Вот ведь нравилась она Мишке, эта Зойка. Целовались с ней как-то на танцах в общежитии: былобрысая, курносенькая, на велике лихо гоняла – тоже из деревенских. Он тогда даже подумал: что, судьба? Вместе и распределимся, и квартиру двум спецам раньше дадут.

Конечно, сразу после собрания она сразу прильнула ему под бочок.

– Ты не подумай чего, я ж не совсем тупая – мне выступить в комитете комсомола поручили. Я к тебе очень хорошо отношусь. Да ты и сам знаешь. И к друзьям твоим – Эмилю, Захару, Соломону. Хоть и городские – не то что ты. Мальчишки они еще, куда им до такого! Хоть и вместе с тобой на коньках гоняют. Ты ж – совсем другое дело!

– А вот Эмка от тебя ехидную поговорочку услышал. Своими ушами.

– Какую еще?

– «Наши ряды жидеют». Весело, да?!

Успокоение приносил хоккей. Засадишь банку – и все назад, в оборону! Перехватишь шайбу – все вперед! Распасуешь вправо-влево, пуганешь вратаря соперни-

ков корпусом – и под штангу ему! Шейте мешочки, сливайте воду! Тут не до мрачных мыслей о будущем.

Тренер пропивал всю получку, порой засыпал на скамейке и все чаще перепоручал свои функции Рамштейну.

– У тя, паря, мозги – инженерские! Хорошо поляну сечешь! А я что? Пять классов, дальше – коридор. В тренера ни в жисть не выпустили бы, кабы не посажали старших со стадиона. Да и о покое подумать пора – вот-вот попросят. На кого секцию оставить? Я б – на тебя. Если б спросили. Ты для порядка об энтим подумывай. Мы тут, на льду, от всяких мутных дел ой как далеки! А временочки настают смурные для вашего брата. Кто б подумал, когда воевали – кто тут русский, кто узбек, кто яврей – особенно перед атакой. Пулю бы не словить да на штык фашистский не напоротся! Без друзьяков бывало – не обойтись! И вот на тебе, началось...

Как бы Мишку эти дела практически не касались: друзья оставались друзьями, преподы не цеплялись, судили на экзаменах объективно. Пока не напоролся на случайно подслушанный разговор. Понес в деканат как староста потока журнал для ежемесячной проверки. На минутку задержался перед зеркалом в коридоре: галстук посредине, прическа в порядке, ботинки начищены.

– Не знаю, как и быть – услышал он хорошо знакомый голос методистки Натальи Сергеевны. Поначалу обрадовался – замутилось у них на уборке картошки по осени, хорошие остались воспоминания. А тут... когда вслушался...

– На вот, сама почитай – обращалась она к невидимой себе-седнице. – Ответ с завода «Светлана» по поводу преддипломной практики пришел. Я было подумала – ошибка: почему мы запрос отправили на пятерых, а в ответе-подтверждении только четыре фамилии. Решила перезвонить. И знаешь что услышала? «Вы там с

Моисеями сами сперва разберитесь, нам своих девать некуда!» Нашли, блин, инвалида пятой группы. Попробую на Урал направить – там вроде с этими делами построже, не то что в Питере этом сраном.

Они тогда с тренером напились вдрыбадан. По инициативе Рамштейна в этот раз. Взял три бутылки беленькой, круг сала, что из дома привезли, рыбку собственно-го копчения, буханку черняшки, маслица сливочного прикупил. У Корнея Степановича запасов дома отродясь не водилось – кроме банки соленых огурцов на подоконнике да пары луковиц ничего бы не нашлось. И эти пригодились, пошли в дело. Убого жил ветеран – в подсобке при стадионе, без удобств. Благо хватало их на спортсооружении с избытком. Бобыльствовал с самого конца войны. Пока воевал на фронтах, жена вильнула хвостом и упорхнула с московским интендантом в южные края с концами. Так и осталась где-то невенчанная, а сам Соколов по документам – женатым. Деток не завели – отложили на после войны. Дооткладывались...

Первую осадили молчком. На второй разговорились.

– Так и буду теперь мыкаться – вроде прокаженного?! Что скажешь, тренер?

Тот помолчал. Налили еще по стакану.

– Так и не ответишь? Нечего сказать?

– Да есть чего. Хорошего мало. Для меня. С понедельника в больницу отвозят. В Москву. Видать – надолго. Нашли там что-то, чего наши резать не умеют. Я уж и бумагу настрочил начальству – мол, оставляю надолго все хозяйство на тебя. Вдруг инвалидом выйду? Дело-то бросать нельзя. Ты давай, наливай. Чё ее жалеть? Сучков в Расее много – еще нагонят! Вот в Норвегии мы попили водочки в ихнем городе Киркенесе! А эта что? Говно голимое! Там вообще... Лыжи у дома стоят – никто не

скоммуниздит. Столбики вдоль дорог: чтоб, если кто что потерял – было куда покласть. А у нас?

Хоронили тренера в Долгопрудном. Бывшая прискакала – ухоженная, полная, вся в черном шифоне. Глаза вроде заплаканные – под шляпой с вуалью не разберешь, куда зыркает. Сунулась было тоже гроб нести – парни не дали. Упокоили наставника тихо, без речей. А эта бегом в горисполком наладилась – документы оформлять: развод задним числом, прописку подмосковную... Больше от Степаныха ничего и не осталось – ни добра, ни имущества. На поминки сунуться побоялась. Правильно поступила – там бы ей насовали полное лукошко. Стервозе.

Мишка в институт так и не вернулся. Переселился в каморку Корнея, ничего оттуда не убрал. Будто вместе они зажили. Иногда вслух советовался – как да что? На ходу учиться приходилось. Длилось это недолго. Дали комнату в двухкомнатной квартире – как раз новый дом пустили. Фотку тренера повесил на видном месте. Ценный был человек, правильный. Со стержнем!

С годами и в Подмоскovie появился клуб высшей лиги. Сколачивали его всей округой – с бору по сосенке. Три ученика Рамштейна попали в основной состав. А вскоре, когда на чемпионате РСФСР «Химик» завоевал право играть с грандами советского хоккея, тренера из Долгопрудного кооптировали в руководящий штаб. Сначала – на вторые роли, потом вышел и на главную.

Годы не щадили МихМиха – как звали его ученики. Это коснулось не только здоровья. Вдруг открылся джеталаг – синдром смены часовых поясов. Рамштейн сразу невзлюбил полеты на самолетах – больно уж утомляли все эти ожидания в аэропортах, взлеты-посадки. Да и то сказать – впервые сел в летающую машину в возрасте за тридцать. И сразу всплыли кар-

тинки из прошлого – пикирующие немецкие таракелки, противно свистящие бомбы, крики раненых, всхрапы лошадей... Постарался видения отогнать – когда это было! А тут еще и новая напасть – плохо засыпал в гостиницах, на раскатку приходил разбитый, и только борьба на льду отвлекала от всех этих бед. Там-то он включался на всю мощь и забывал обо всем на свете: только вперед, к победе! Не щадя ни себя, ни соперника! Старался не поддаваться слабостям, которые никак не отпускали стареющего наставника. Полетов почему-то по-прежнему боялся, хоть тресни! Не успокаивала и статистика – мол, на один миллион всего 0,62 вероятности происшествия. Поездка на автомобиле куда опасней! Ему-то самому много ли надо? Одно утешение – сообразить ни черта не успеешь, когда грохнешься. Да еще в одной умной книжке вычитал: японцы описали странную психологическую зависимость под названием «хикимори» – некое расстройство социальной адаптации, стремление изолироваться от общества. И – как производное от этой болячки – все то, что с ним происходило. Может, и вправду засело что-то вредное в подкорке – а оттуда пушкой не вышибешь!

О проблемах своих ни с кем не говорил – ни на работе, ни дома, в семье. Внешне выглядел по-прежнему молодцом – всегда подтянутый, выбритый до синевы, в любимой клубной паре, стрелка на брюках – обрезать можно. И, только оставшись наедине с собой, отпускал вожжи. Но – чтоб никто не видел и знать не знал!

Субуханов

Вилька родился натуральным блондином. Бабушка Фарида места себе не находила. Какой позор для традиционной татарской семьи! В сторону невестки смотреть не хотела.

– Фахише²² прибудная. Все в их роду такие! Выбрал дурак Ахметка на свою башку!

²² Шлюха (тат.).

К внуку тоже никак не могла привыкнуть.

– Кому такой гарип²³ сдался! Глаза б не глядели!

Конечно, от малыша это отношение главы рода старательно скрывали. До поры до времени. Отец, как и дед с Гражданской, с Отечественной тоже не вернулся. Мать вскоре укатила из родной Бугульмы куда-то по вербовке на Дальний Восток – только-только сын в школу пошел. И пришлось именно Фариде Багаутдиновне поднимать внука – куда ж подеваться?! Кисмет!²⁴

Рано или поздно Вилен все же почувствовал этот родственный холодок. И твердо решил: стану военным – и все мне будет по барабану. В войсках наплевать, кто ты – Иванович или Ахметович. Если здоровья много, кулак как кулак, и в башке есть мозги – прорвемся! Всерьез занялся боксом – призером стал на первенстве города среди пацанов.

А потом и хоккеем с мячом – для шайбиста мощи не хватало, зато скорости – хоть отбавляй! А еще пропадал в Доме пионеров – кажется, все кружки перепробовал. Особенно притянул авиационный: там всему подряд учили – и строгать, и паять, и клеить. Его модель биплана только так летала на городских соревнованиях!

Настала пора идти в военкомат. Многие от армии косили, а Вилька – с радостью!

– Вилен Ахметович! – тепло поглядел на него майор. – Есть возможность поступать в Одесское военно-техническое училище войск ПВО. Одно место нам по разнарядке пришло. Мы вот посоветовались – вы лучше всех подходите. В большинстве своем призывники еще малахольные какие-то. А тут парень – что надо: самостоятельный, крепкий. Руки умелые. Плавать, опять же, умеет получше других. Попробуем?

Вилька только об одном подумал: «Ну все, хоккей, прощай!» А губы уже сами выговаривали:

– Согласен!

Оказалось, напрасно он с хоккеем попрощался. Вышло как раз все наоборот.

Служить лейтенанта Субуханова отправили... в Заполярье. Шахтерский поселок Хальмер-Ю даже на картах обозначался отдельно от Воркуты, хотя административно подчинялся этому известному на всю страну северному городу с мощнейшим угольным комбинатом «Воркутауголь», снабжавшим топливом не только Кольский полуостров и все остальные Севера – 14 стран с радостью закупали воркутинский уголек! С точки зрения стратегической Министерство обороны выбрало для РЛС место идеальное – далеко простреливал радар пространство над Северным Ледовитым океаном. Да и из соображений секретности – тоже: попасть в Хальмер-Ю можно было только по узкоколейной железной дороге аж за 60 километров от Воркуты. Откуда там было взяться постороннему соглядатаю, если в пяти тысячном поселке все не только знали друг друга по именам – собак и кошек по кличкам отличали соседских. А вот новоприбывшему в поселок сразу бросалось в глаза удивительное за многие тысячи километров от морей и океанов наличие молодых людей в военноморской форме. И только огромный белый шар Радиолокационной станции на возвышающейся среди тундры сопке все объяснял без слов!

Субуханова назначение поначалу совсем не вдохновило. Моряк, называется! Только под краном и поплескаться! Но приказ есть приказ. «Ладно, годик-другой перекантуюсь – и потребую перевод. Сразу как-то неудобно». Рядовым морячкам-старшинам любых статей хоть бы что – срочная быстро проскочит, а здесь сытно, служба нетрудная, да и не укачивает! Все равно что на заводике где-нибудь: заранее все известно – ни тревог тебе, ни накачек. Знай-выполняй

приказы – и будет тебе счастье! Зато потом можно всю жизнь врать про моря и океаны – поди проверь, коль все засекречено. Подписку о неразглашении не напрасно отбирали еще на приписном пункте! Офицерская молодежь тоже не планировала продолжительность службы на этих северах – не для того учились на мореманов! То есть, Вилен был – как все.

Только вот... Однажды состоялся у него задушевный разговор с мичманом Свартидисом – за заслуженный, по общему мнению, возраст – под сорок, да за раннюю седину его прозвали пахан. А как иначе, если матросне – кругом двадцать, да и офицерскому корпусу тоже до тридцатчика еще – ого-го! Солидный мичман говорил неторопливо – знал: слушать будут в три уха каждый хоть о чем. Не всякого и достаивал личной беседы – внимание еще нужно было заслужить! Этот вещевик котировался куда как круче, чем все остальные офицеры, за исключением разве что самого главного – капитана третьего ранга Смолина. Тот вообще был наособицу: ни с кем продолжительно не общался – кроме как по службе; не говорил, а приказывал; не поучал, а грозил строго наказывать за неисполнение либо за нерадивость; возражений не терпел, чужих мнений до конца не выслушивал. Прямо что твой адмирал!

С мичманом Субуханов растолковался как-то вечером случайно – вместе оказались у винного прилавка в магазине рядом с частью, мичман и предложил:

– А чё ее разглядывать? Не баба же. Пойдем ко мне в каптерку. Там и закусь разогреем на плиточке. Не колбаской же холодной зажевывать!

Как полштофа «Старорусской» опустело, мичман затянулся тахим самосадам!

– Из дома табачок присылают, из под Анапы. Я всякие там «Примы»-«Беломоры» не уважаю.

– Я вообще ну курю. Противно!

²³ Урод (тат.).

²⁴ Судьба, участь (тат.).

– И не начинай. Я войну краешком зацепил, на Балтике. Там все смолили. Нонеча вам не давеча. Ну, как служба, литер? Освоился?

– Да ничё вроде...

– Вы вот всё, молодежь, мечтаете отсюда наяриться. А я скажу тебе – напрасно. Ты в походах через туманы не блондал, когда все ждешь – то ли торпеду тебе в бочину засядят, то ли сам на мину нарвешься. И всё – кранты! Не суша – не окопаешься. И сестричка милосердия над тобой не поворачивает.

– Да к то ж война!

– Не скажи! Мы водные просторы так этим дерьмом нашипиговали – на сто лет вперед хватит. Лежит такая сука себе на глубине, пока не надумает всплыть. А потревожь ее, попробуй! Спасу от нее нет никому! Ни подводному крейсеру, ни прогулочной яхточке. На любом море! Хоть Белом, хоть Черном, хоть на серо-буро-малиновом. Попортили мы мировой океан! Да и немцы с англичанами – тоже. Во-евать давно не воюем, а жахает где только и сколько – никто не ведает. А здесь – благодать. С другой стороны взять. Я вот всего мичманок, звездочки две – и те не разглядеть без очков. А получаю поболее любого каплея на океанской посудине. Опять же – выслуга льготная. В сорок с малым хвостиком выйдет мне полный пенсион – еще столько же годков смогу у себя дома рыбку полавливать, красоток на ялике прогуливать – и ни о чем не жалеть! Благодать! А вам бы все куда подальше отседова! Ты на нашего Смолина не гляди. Он здесь не случайно – москвич, там связей – до неба! Надолго не задержится. У него задача-задач – подобрать себе смену среди вас, молодняка. Кто рвется отседова – скатертью дорога! Кто с умом службу понимает – его-то местечко и займет. Без шума и пыли до такого же кап-три допрыгает – вот тогда выбирай себе радость в любой точке Союза! Где потеплей да пожирней. А кого-то за те же шесть-семь лет сактируют по здоровью, или за-

гонят туда, где только спиться от дикости. Опять же тут – снабжение! Северный завоз! Отдай – и не грехи! У меня сеструха в поселке Москвич под Серпуховом обитает. Дак они там за каждым куском мяса в Москву мотаются – в магазинах-то шаром покати, один «Завтрак туриста»! Который кошка тутошняя жрать застесняется. А чтоб лососька тихоокеанского, какого и во Владике не каждый день надываешь, или там колбасочки твердокопчененькой – и не мечтай! За этим и в столице в очередях давятся! Есть о чем подумать, лейтенант. Хотя – ты молодой, тебе видней, как жизнь строить. Ну, давай ее докончим, проклятую. Не назавтра же оставлять!

А когда собрались расходиться, мичман как бы между прочим добавил:

– Ну и еще одно соображение поимей себе в мозг. Я – грек, ты – татарин. Хоть и белобрысый как финн. Ты где нито греков с татарами в адмиралах видел? Армия с флотом – для русских да хохлов. Кадровики об наши имена-отчества вместе с фамилиями спотыкаются и откладывают личные дела куда подальше. Потому как адмирал Смолин – это да! А адмирал Свартидис, или там Субуханов – это для кинокомедии о морской жизни. Чтоб зритель животики порвал и еще попросил!

Точку в раздумьях о перспективах в Заполярье за Вилена поставил отпуск. Он год мечтал об Одессе: как растянется с парой пива и воблочкой где-нибудь на пляже под Крыжановкой, а кругом – праздная толпа: девочки в панамочках, музыка играет, катерочки белоснежные шныряют туда-сюда! И никуда тебе не надо: лежи на песочке, и всех-то забот – чтоб нос не обгорел. Стоношил за компанию такого же лейтенанта, рыжего как огонь Ваньку Стрельчука: тот был тамбовский, Черного моря вовсе не нюхал – в Питере учился. А там разве вволю поплаваешь-позагараешь?

Шустрый Ванька в первый же день снял двух девчонок – черненькую Радочку для Вильки и рыженькую Валечку для себя, любимого.

– Мы с ней такой пожар устроим – небесам жарко будет! А вы, ребята, крутите черно-белое кино – абы пленки хватило!

Две недели безумного секса под коньяк с фруктами со свежей рыбкой с лимана проскочили как сон. Девчонки отдыхали на премию, полученную на ВДНХ – за высокие показатели на ниве сельскохозяйственного труда. Передовики! Когда настала пора прощаться, Вилькина подруга предложила поехать к ней, в Кишинев.

– Тут на электричке – три часа езды за три рубля. Отпуск-то у некоторых немеряный – не то что у виноградарей.

– Дак как-то...

– Чего забоялся – аж уши торчком? Как у нашего пса Пирата. Только еще хвостом по земле не стучишь. Думаешь, женить тебя с порога зачнут? Это – моя забота. Я еще сто раз подумаю, надо ли мне тебя на долгие годы-то. Примут как родного, не вздрагивай. Мы живем в совхоз-училище «Гратиешты» – это пригород столицы Молдавии. На Гидегич съездим. Такое озеро – другого берега не видать! Никакого моря не нужно!

Его и правда восприняли будто давнего знакомого. Сразу видно – гостям в этой семье рады. Большой дом с тенистым садом, огромный огород – целая плантация. С утра все утягивались на работу: мать София Ивановна – в полеводческую бригаду; отец Петр Сидорович – в машинно-тракторный цех, на бульдозер; обе сестры – на винзавод. Собирались только к вечеру за громадным столом под раскидистым платаном и до ночи ужинали – с разговорами, песнями, вином, что лилось рекой. Песен перепели – куда там артистам! Вот тут-то Субуханов и втрескался по уши... в Радину сестру Марийку. Все, что наличествовало у младшей, у той было ярче, законченной, со-

вершенной! И рост – на голову выше, и тонкая точеная фигурка, и ярчайшие удивительные глаза безумной глубины. Ну и не проблема, что совсем скоро тридцатчик грянет. Что замужем побывала и сынку уже десять годиков – летом в школе-интернате в пионерлагере жил, чтоб старшим не мешать. Зато Машенька – она была совсем не против, чтобы он так ласково называл ее в минуты стремительно нахлынувшей близости – целый инженер-технолог виноделия, с высшим образованием! А сколько всего знает!

Таких умных женщин Вилен вообще еще не встречал. Марийка потащила его на экскурсию в подвалы совхоза. Сразу подвела к бочке с непонятным названием «Аи». Нацедила здоровенный бокал. И пока Вилька вкушал волшебный нектар...

– «Я сидел у окна в переполненном зале/Где-то пели смычки о любви/Я послал тебе черную розу в бокале/Золотого, как небо, Аи»...

– Сама придумала? Красиво! Или кто из ваших?

– Дурашка! Это ж Блок! Класику знать надо!..

Ночью его будто в башку торкнуло.

– Пойдешь за меня?

– А что? Позовешь? Пойду!

Расписали их на следующий день: в страду деревенским не пристало ждать испытательных сроков – в сельсовете это понимали. Да еще жених – заезжий, на службу торопится. Еще неделя безумной страсти – а уж и на Севера пора.

– Бери только самое необходимое. Остальное там купим.

– Где – там? – обдала его будто холодным душем любимая. – Я никуда не собираюсь. Это ты езжай-увольняйся. На кой толковому мужику служба дурацкая сдалась! Ты видишь, как люди здесь живут? А вы там? От мороза прячетесь – как воробьи под стрехой. Миллионов тоже не платят – с твоими-то погонами. Пока до наших доходов

дорастешь – состаришься! Да с твоими руками в совхозе цены не будет! Вон как форсунки нам за просто перенастроил. А то главный инженер и за опытом куда-то ездил, и специалистов из Москвы приглашали – все не то. Тут и раздумывать нечего!

Так Субуханов обзавелся «южными» – так на северах называли принудительную плату за детей. Потому как дорогая по весне родила второго сына и тут же подала на алименты – ввиду раздельного проживания с супругом.

– Не ты первый, не ты последний – успокаивал его мичман Свартидис. – Тут многие из длинных наших отпусков возвращаются эдаким макарон. – Бабы на югах не дуры от северных получек отщипнуть. Шахтеров поспрашай – почитай, каждый второй – алиментщик. Потому и вкальвают тут подолгу: и себе остается вдосталь, и детишек заочно есть на что растить.

Конечно, Вилен не простил вероломства – вскоре их развели. Но алименты остались. Сына он так никогда и не увидел. Да и его ли это был сын? Поди разберись через всю страну!

С досугом в Хальмер-Ю был откровенный напряг. Не зря же в переводе с коми это название означало то ли «река в Долине смерти», то ли просто «Долина смерти» – кто как толковал. Одни говорили, что тут когда-то крупное стадо оленей замерзло в лютый мороз – отсюда и имечко страшное пошло. По другой версии, сюда свозили мертвяков – что людей, что оленей. Когда нашли коксующийся уголь, разработчики Печорского угольного бассейна топонимику в расчет брать не стали – прагматичные были покорители северных просторов. Понагнали сколько надо заключенных со всей страны, пробрили штреки, понастроили жилья. Потом ОЛП²⁵ сняли, объявили оргнабор из людей вольных – и пошли давать на гора топливо без

²⁵ Отдельный лагерный пункт.

оглядки на историческое прошлое! Хоть летом в полярный день – когда светло круглые сутки, хоть в непроглядную темень зимой – чуть светало с двенадцати часов до трех.

В случае с Виленом как раз это самое отсутствие нормального, традиционного для средних широт свободного времяпрепровождения сыграло в качестве дополнительного фактора в решении остаться здесь подольше. Морозы действительно стояли лютые – за тридцать с гаком при шквалистом ветре зимой, которая – «девять месяцев в году, а остальное – лето». В короткие летние месяцы поселок будто вымирал – шахта работала вполсилы, потому как работники – кто в Сочи, кто в Крыму. Спорт здесь развивали исключительно в спортзалах – коль на улицу не очень-то заманишь. Да кино в Доме культуры с танцами по выходным. В хоккее с мячом энтузиасты поигрывали – в основном мальчишки, которым все нипочем. Они и в активированные дни с улицы не уходили, хотя уроки здесь отменяли при температуре минус тридцать три. Субуханов тоже попробовал было – да куда там! Мерз с непривычки, да еще каждый раз одеваться надо было как на зимовку, чтобы не задубеть. Больше собираешься, чем на коньках катишь. А хотелось... И юность вспомнить, и себя в форме блости. В Воркуте вон бассейнов настроили, народ валом пер – как бы хорошо было! Но кто ж это будет затевать в Хальмер-Ю? Ясно, что шахта когда-то выработается – и зачем тут оставаться людям?

Однако нам втором году службы появились в его подчинении два паренька из Воркуты – за юношескую команду города на первенстве Коми АССР по хоккею с шайбой чемпионское звание два года подряд отстаивали. Оба будто из под одного штампа вышли: светловолосые, курносые, голубоглазые, высоченные, в плечах ширококонькие, улыбочивые, на редкость воспитанные. И фамилия на двоих одна – Тороповы. Все их сразу за

братьев стали держать – а они и не спорили. Братья – так братья. Хотя Колька был Филиппович, а Сашка – Изъюрович. Да только кто ж парнишек-новобранцев по отчету кличет? Командиру своему они объяснили как то в часы самоподготовки, что среди коми нации Тороповых – что среди русских Кузнецовых. Больше – только Поповых. Этих-то, считай – каждый пятый. Очень они понравились Субуханову: слова лишнего ни от одного не услышишь, любое задание – досрочно и на отлично, в руках все горит в лучшем смысле слова – как раз под призыв закончили Воркутинский горный техникум по специальности ПГС²⁶. «Старики» на них не наезжали – попробуй эту парочку задень! Мало что друг за дружку горой, так еще и выучка ледовая: Колька – вратарь, Сашка – центральный нападающий. Любой сдачу так отвесит – устанешь зубы с полу собирать!

Эти-то друзья, узнав про хоккейную страсть командира, сами и предложили. Слово взял Сашка, он в этом тандеме лидировал – как и положено центральному.

– Товарищ лейтенант! Разрешите обратиться по, как бы это выразиться... Ну, по личному вопросу?

– Слушаю, Торопов! Излагай свою проблему. Дома что-то произошло?

– Не-а. Дома всё в порядке. Да она и – не проблема, как вы выразились. Мы тут с другом рядом с частью пустырь присмотрели. Хорошо бы корт там построить! Мы сами управимся, в личное время. От вас – разрешение приступить к работам за пределами месторасположения. Пара-тройка часов днем, пока не стемнело – и через неделю сооружение будет в норме.

– А материалы, техника?

– Поищем у мичманов – там же есть и доска, и гвозди, и инструменты. Вот грейдер бы для вертикальной планировки раздобыть. Мы думаем – где-нибудь в поселке у строителей поискать. С Ва-

²⁶ «Промышленное и гражданское строительство».

шей помощью. Сами за рычагами управимся – на производственной практике приходилось. Все равно же все местным останется, когда мы уйдем на дембель. И тратиться почти что не придется.

– Правильно говорить – «когда уволимся в запас». Дембель бывает только после войны, ему предшествует мобилизация.

– Виноват. Учту.

– Хорошее дело задумали, парни. Поговорю с начальством. Должны одобрить.

Замполит Сысоев было затянул свою привычную волюнку:

– Лишь бы от службы отлынивать! Что только не придумают эти молодые! Только хоккея нам и не хватало!

Субуханов было уже приуныл. Если замполит не понимает... Но тут в разговор бесцеремонно, как он всегда это делал, вклинился командир. Смолин смотрел на замполита в упор долго, испытывающе. От его немигающего взгляда кому угодно становилось неуютно.

– Сколько Вам до пенсии, капитан-лейтенант?

– В смысле...

– Лет, месяцев, дней. Поди, строгий учет ведете?

– Не понял, товарищ командир.

– Я давно заметил, что для вас радар – это куча железа с напичканной в него электроникой. А для меня, прежде всего – это люди! Если им служится весело, вдохновенно – они и в тяжелый момент не подведут. Если бы вам поручили отвечать не только за моральную, но и за физическую подготовку – как бы вы отнеслись к идее возведения корта? Можете не отвечать! Слушайте мой приказ, товарищи офицеры: к строительству спортивного сооружения под названием корт приступить немедленно! Ответственным назначаю лейтенанта Субуханова. Общее идейное и политико-воспитательное руководство – капитан-лейтенант Сысоев.

– Есть! – вытянулись в струнку оба.

– И не забудьте позвать на торжественное открытие! С оркестром, трибуной. Понадобится – и салют запустим! Я приглашу руководство шахты, поселка. Проведем короткий митинг, а затем – матч! По всем правилам! Судей пригласим из Воркуты, а уж игроки – ваша забота. Всех, кто в состоянии стоять на коньках – на лед! Одежда, экипировка – моя забота. За дело!

Так появилась в жизни Вилена команда. Оказалось, Ванька Стрельчук в Питере в училище неплохо в защите натренировался. Еще один лейтенант играл до призыва в Саратове. Давненько, но кое-что умел. Привлекли недостающих до нужного количества – чтоб двухсторонку разыгрывать – из поселка: молодых парней с шахты, несколько старшеклассников. И уже через год на первенстве Воркуты их команда под названием «Звезда Хальмер-Ю» оказалась в первой пятерке – из двадцати коллективов! Субуханову удалось организовать выезд на армейский турнир в Сыктывкар – столицу республики. «Звезда» в названии открывала право участия в ведомственных соревнованиях. Ну а то, что в финансирование команды впряглись на паях и военные, и первичная организация ДСО «Труд» шахты «Хальмер-Ю», а поездки безпроблемно оплачивал горспорткомитет Воркуты – дело житейское. Была бы польза для общего дела!

Ушли в запас «братья» Тороповы, Субуханов стал старшим лейтенантом: затея с хоккеем возвысила его в глазах Смолина – отсюда и досрочное присвоение звания. Командир все чаще склонялся к мысли, что замена ему в лице этого старлея вполне возможна – скоро наиграется в свои игры, повзрослеет. Тогда и посмотрим. Вон как за новое для себя дело взялся! С огоньком в глазах! И на службу это никак не повлияло – на все время хватит, если с умом организовать свою жизнь!

А команда все чаще и чаще выигрывала различные первенства.

По всему выходило, что никуда Вилену из Заполярья не надо. Все шло по накатанной – служба органично сочеталась со спортом на общественных началах. Сам он уже в матчах не играл – есть кому. У него другие задачи прорезались – пришлось закоперщику начать осваивать тренерские навыки: новички постоянно приходили – в основном школьники либо шахтеры, отслужившие в армии. Всех обучать надо! Помогали вести занятия, опять же без оплаты, школьный учитель физкультуры и физорганизатор шахты – у них и образование соответствующее имелось, и навыки. Хотя ни в каком штате «Звезда Хальмер-Ю» не значилась, Вилен все равно почитали за начальника. Он и сам к этой роли стал привыкать: приосанился, завел привычку зачастую перебивать подчиненных привязавшимся словечком «пardonьте». В случае недовольства покрикивал: «Кончайте мне туту Муму трахать – ее Герасим утопил, когда вы еще не родились!» А когда из их «Звезды» стали утягивать способных в команды мастеров... Сперва в пределах Коми республики: в интинский «Шахтер» класса «Б» пригласили сначала вратаря, потом – опорного защитника. Затем в Пензенский СКА второй лиги класса «А» взяли нападающего, и сразу поставили в основной состав. В конце концов, имя неплохого спорторганизатора, морского старлея Субуханова докатилась и до Москвы. Результат не заставил себя ждать – властные люди рассусоливать не привыкли. Последовал вызов в столицу и назначение помощником Главного тренера ЦСКА по подготовке резервов. С новой звездочкой на погонах.

Вилен сунулся было на тренировку ведущего состава – на светил мирового класса поглядеть воочию. Да и познакомиться. Подкатился было к Тройчаку.

– Ты – Владлен, я – Вилен. От одного корня, ленинского, произошли наши имена. Ты капитан

– я капитан. Может, подскажешь кое-что?

И – нарвался!

– Мне с резервными время терять незачем! – холодноотреагировал вратарь. И таким льдом блеснули его глаза!

Сразу уловил новоиспеченный тренерок – они, хоть теперь и одноклубники... Да вот расположились на разных этажах величественного ЦСКА. И звезды на его плечах – далеко не те. Потому что – маленькие. Это – Москва. Тут ниже полковника-то, или там чемпиона мира, Олимпийских игр – за людей не считают.

И уж совсем для него вышло удивительным последнее задание.

– Повезете, капитан, на Урал команду на предсезонку – турнирчик памяти ВВС, – напутствовал один из руководителей клуба подполковник Наваковский – в прошлом чемпион мира по классической борьбе. – Не отвлекать же занятых людей такой чепухой. Зима впереди. Там и будем за медали биться. А это так – разминка перед сезоном.

То, что этим делом занимался человек даже не из хоккейного мира, лишний раз подчеркивало – мура этот турнир. Значения ему никто особого не придает.

ОРГМЕРЫ

«... Жизнь – как езда на велосипеде: чтобы держать равновесие, нужно двигаться...»
Альберт Эйнштейн

Времени на раскачку у спецкомандированных из столицы не было. Наскоро поселившись, они сразу направились в гостинице каждый по своему направлению...

Маркаров справился удивительно быстро. Перед отправкой его проинформировали – главный тренер ЦСКА об эту пору всегда восстанавливает убывающее с возрастом здоровье в санатории. В своей любимой Пицунде. А с этим свеженазначенным капитанчиком церемониться совсем ни к чему.

– Капитан Субуханов?

– Я – капитан-лейтенант!

– Велика разница! Не обижайтесь – мы на суше. Буду краток! Есть мнение – подполковник многозначительно стрельнул указательным пальцем в потолок. Рассматривайте это в качестве приказа. Сборная не должна проиграть предсезонный турнир! Не имеет права. Понятно?

– Пусть выигрывает, кто ж против? Тройчака им уже отдали. Остальных ведущих игроков туда сами не берут.

– Вы, я вижу, не совсем правильно оцениваете обстановку. Все понимаю – назначение недавнее, определиться с приоритетами времени не хватило. Но представить себе последствия... скажем так – необдуманных действий – вы, мне кажется, в состоянии. Пойдет такой резонанс! И эти самые последствия могут стать... как бы это помягче выразиться – просто непредсказуемыми! Отсюда – суть: не только Тройчак встает в ворота сборной – это не обсуждается. Второе. Первой тройке пора отдохнуть – и так весь прошедший сезон на себе вытащила! А мы им отдых, реабилитацию прервали. Поэтому сегодня же отправляете их в Москву. Вопросы есть?

– А как же...

– Никаких как же! – уже совсем другим, повышенным голосом скомандовал Маркаров. – Я что, неясно выразился? Повторите приказ Министерства обороны!

– Да понятно все...

– А что, на флоте не принято рапортовать, как положено по Уставу? Совсем развинтились!

– Есть! – вытянулся Субуханов.

– Вот так-то лучше! Выполнять! Встретимся на игре.

Инспектору предстояла более щекотливая задача. Поначалу ему долго не открывали. Хотел было уже справиться у дежурной по этажу, как послышались шаркающие шаги. Рамштейн недоуменно уставился на раннего гостя. Посвященные знали – до десяти его тревожить нельзя – давление

разыграется. А по местному времени московские десять – это все двенадцать. Сейчас который час? Опаньки! Только-только к девяти стрелки приближаются!

Как был – в домашней пижаме, в сланцах на босу ногу, с всклокоченной со сна заметно поредевшей за последние годы шевелюрой – он недовольно пробурчал:

– Дверью ошиблись?

– Тысяча извинений, Моисеей Миронович! Конечно, лучше было бы попозже... Учитывая ваш возраст, заслуги, титулы. Хотя подумал, каюсь, что вы уже – в полной боевой.

– Откуда такая бесцеремонность? Мы знакомы?

– Как бы это сказать... Приблизительно... Хожу на все матчи «Химика», могли меня видеть на гостевой трибуне.

– Я больше на лед привык смотреть. Чем обязан?

– Для начала позвольте представиться: инспектор ЦК КПСС Джон Григорьевич Пьянков.

– ЦК КПСС? По мою душу?

– Мы что, так и будем стоять в дверях?

– Проходите. Извините – не прибрано. На ранние визиты не рассчитывал.

Номер у заслуженного тренера СССР был более чем скромным. Пришлось гостю усесться на небольшой диванчик, хозяин пристроился на кончике стула, всей позой давая понять, что к продолжительной беседе не готов, да и не настроен вовсе. Пьянков решил играть с козырей – а то старик заупрямится, его потом не переубедишь.

– Вы давно не получали вестей от сестры?

– От которой? – заметно встревожился Рамштейн. – Если та, что в Риге... Так недавно перезванивались... Майя Михайловна третьего дня была жива-здорова.

– Михайловна? Да, я же забыл. Вы ведь тоже в быту – Михал Михалыч. Не о ней речь. Да ладно вам настораживаться! Ничего страшного не произошло. Мы же

оба понимаем, что речь идет о Розе Моисеевне, которая не только сохранила в неприкосновенности имя-отчество и живет уже три года на Земле Обетованной. В девичестве – тоже Рамштейн.

– Должен разочаровать. Я уже имел беседу в соответствующем месте, где в письменном и устном виде тоже заявил, что к переезду своей сестры Ставронской отношусь отрицательно и никаких взаимоотношений ни с ней, ни с ее семьей не поддерживаю. Вы должны быть в курсе, раз специально из Москвы с этими разговорами приехали. Извините, мне действительно пора одеваться – у команды через два часа раскатка, а я еще маковой росинки во рту не держал. Потом будет не до этого.

– Да Бог с ней, со Ставронской. Что взять с пожилой женщины? Ну, нравится ей за бугром – пусть остатки жизни коротает, как хочет. А вот племянничек ваш...

– Миша? Что с ним?

– Был Миша – да весь вышел. Извините за каламбур. Теперь он Мошэ. К слову, смешно сказать, Иваныч. А вот фамилию отца сменил на мамину. Теперь, как и вы – стопроцентный Рамштейн, если позволите...

– И все же – что с ним? Не томите, прошу... как человек человека.

– Да все нормально. Для него. Но – не для вас, уважаемый. Подсуропил он – по молодости, по глупости, конечно... А, может, о дяде даже и не подумал. Хотя вы и не поддерживаете, как говорите... Но вот ваш зять, живущий в замечательном городе Риге, с ним в переписке состоит! Конечно, можно предположить, что сестра тоже каким-то образом об этом не ведает. Хотя, согласитесь – вряд ли. Если оставаться реалистами. Будем считать, что и вправду лично вы мало что знаете. Так что не обессудьте – посвящу. Племянник Мошэ сразу после воинской службы в недружественной нам армии Израиля...

– Да, мы что-то слышали краем уха, что он якобы устроился на

работу в охрану аэропорта Бен-Гурион в Тель-Авиве. Мальчику надо же на что-то жить?

– Ну, «саль киту»²⁷ они всей семьей получали исправно. Подчеркиваю – всей семьей. Не об этом речь сейчас. Да, побыл он в аэропорту... Недолго. А сейчас племянник Ваш – уже в Моссаде!²⁸ Редкая удача для алима²⁹ – не правда ли?

– Ну, так он же здоровенный малый – центровым в баскетбол играл. Не посуду же ему в ресторане отца мыть?!

– Вот и играл бы себе! Кстати, его приглашали в клуб «Маккаби». Так ведь нет... А Моссад, знаете ли, постоянно ищет подходы к видным деятелям из держав социализма. Во время пребывания оных в третьих странах. Вы-то уж у нас заметный – куда больше! И что мы имеем в сухом остатке? Невыездом за рубеж вам это светит! Не я это решаю – упаси Господи! Мое дело – предупредить. Или, если хотите – раскрыть глаза на происходящее. Из лучших, поверьте, побуждений.

– Гаррота какая-то³⁰ получается... Из лучших побуждений... разумеется.

– Не преувеличивайте, Моисей Миронович! Я же не требую от вас отчета о гемотрансфузии, которую всю применяют в командах мастеров. Не моего, как говорится, ума...

– Если уж так интересно – могу посвятить. Мы разные методы используем: например, иглоукалывание, да много чего. А мудреное слово гемотрансфузия, которое было произнесено с такой легкостью для неспециалиста – это всего-навсего переливание крови. Это никем не запрещено! Уж для ясности, если позволите: красные кровяные тельца теста – не больше стакана, как правило – обрабатываются кислородом. В конце сезона, когда работоспособность от перегрузок, естественно, сни-

²⁷ Денежное пособие репатриантам.

²⁸ Политическая разведка.

²⁹ Репатриант

³⁰ От испанского слова garrote – закручивание: орудие казни в Средневековье путем удушения – петля с палкой, которой палач, закручивая, умерщвлял жертву.

жается, взятая кровь вводится назад. В результате мышцы начинают работать активнее. Можем не только спортсменам порекомендовать. Вам, например. Я тоже, грешный, не отказываюсь временами. Хотя... Это уже дело медиков, мое – тренировать. Но, коли речь зашла... Данная процедура также хорошо снимает как боль, так и усталость. Или взять яд живых скорпионов: люди их ужас как опасаются! Однако в малых количествах он действует как энергетик, позволяющий побороть сонливость – особенно ценно после перелетов через океан, где разница в полсутки. Да много всякого... Другой вопрос – во имя чего? Черчилля как-то спросили – за что они сражаются?

– И что он ответил?

– Прочитую по памяти: «перестанем сражаться – тогда узнаете!»

– Сам-то сэр Сэнджерст Уинстон Леонард Черчилль – вовсе не образец для подражания: с треском провалился на вступительных экзаменах в военную академию и пошел служить в кавалерию, где конкурса не было.

– Не нам его судить. Тем более что этот поступок в молодости ничего не изменил – Черчилль остался Черчиллем.

– Интересный человек наш заслуженный тренер! Если такие интеллектуальные беседы ведутся и со спортсменами – за их мозги можно не переживать. Не случайно, видимо, отчество Мирон вам досталось при рождении – по греческой системе ценностей означает Благоухающий. Знания – как из рога изобилия. Я понимаю – сказывается незаконченно техническое образование. А я вот по той же шкале – Бодрствующий. И тоже – по отчеству. Опять же – в прошлом технарь. Как и вы. Чудесное совпадение – не находите?

– Чудеса нельзя приводить в доказательство. Это, простите, уже – из Талмуда.

– Да Бог с ним, с Талмудом. Вы еще, того гляди, в махровом

антисемитизме вот-вот меня обвините. Здоровье-то то как, не пошаливает? К предельному сроку практически подходите. Может, трудно уже такой вот образ жизни соблюдать? Перелеты, гостиницы всякие... Могли бы уральцы и покруше номерок подобрать. Эх, не ценим мы заслуженных людей! Ладно, хоть клопы еще по полу не шуршат.

– Моя хорошая знакомая, народная артистка Фаина Раневская как-то сказала: «Здоровье – это когда у вас каждый день болит в другом месте». Вот доживете до моих седин...

Инспектор явно стал терять терпение.

– Конечно, с умным человеком интересно поговорить. Но куда все же ведет наша дискуссия? Мы так легко придем к выводу, что и золото – совсем не драгоценность, а всего лишь – химический элемент таблицы Менделеева под номером семьдесят девять. Надо ли тогда биться за золотые медали на чемпионатах? Лучше давайте, как говорил великий Рабле, «вернемся к нашим баранам».

– Не трудитесь. Я все давно понял. Что от меня требуется?

ФИНАЛ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

«... Не смешон ли тот, кто зажжет свой дом, желая выжить из него тараканов...»

Иван Крылов

На послематчевой пресс-конференции второго игрового дня тон среди представителей средств массовой информации задавал Левитин.

– «Комсомольскую правду» интересует не только странный результат сегодняшней игры. Хотя не совсем понятно – зачем «Химик» откровенно слил матч местному «Авто» и как ЦСКА вдруг оказался без ведущих игроков. Но это, коллеги, если не будет возражений, мы вполне можем обсудить и попозже. У меня накопился более серьезный вопрос: что делают здесь внезапно появившиеся функционеры из Минобороны и ЦК партии? Как это связано непо-

средственно с Мемориалом – вот что хотелось бы услышать в первую очередь!

В зале стало шумно. Председатель областного спорткомитета попытался навести тень на плетень:

– Откуда у «Комсомолки» такие сведения? Нам об этом ничего не известно!

Левитин в ответ поддал жару.

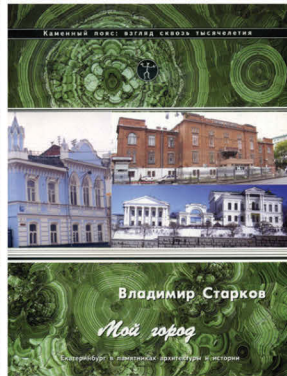
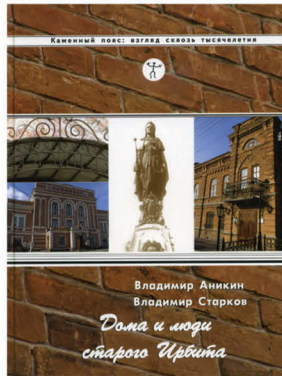
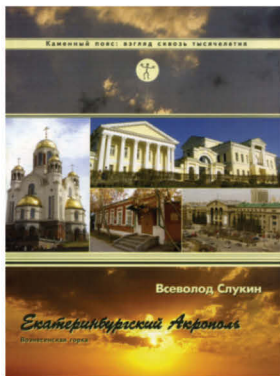
– Начальство чиновникам принято знать в лицо. Товарищи Пьянков и Маркаров находятся в этом зале и ни от кого не скрываются.

Ребров в вечернем эфире местных «Новостей» и в сюжете на программу «Время» тоже не пожелал скрывать удивление. «Химик», наконец перестроив тактику – играли по принципу «бей-беги», не забываясь об обороне – с трудом свел игру вничью с хозяевами турнира. При такой-то разнице в классе! О потерях ЦСКА перед завтрашним решающим матчем решил пока умолчать – зачем бежать вперед паровоза?! Будет день – будет пицца!

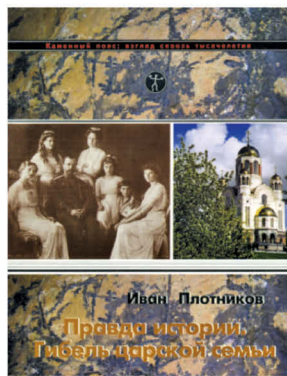
Болельщики не проведешь. Они поняли, что их – предали! Перед заключительной игрой «Сборная СССР-ЦСКА» билеты массово стали возвращать в кассу. Вечером во Дворце спорта была занята разве что треть мест. Матч прошел при гробовой тишине.

Ребров сюжеты ни для своих, ни на Москву делать не стал. Ограничился устной информацией: «Мемориал памяти погибших на Урале четверть века назад хоккеистов ВВС завершился победой сборной страны, обыгравшей в решающем матче ЦСКА со счетом 2:0». Ни о том, что армейцы сражались двумя тройками вместо трех, ни о переводе знаменитого вратаря под знамена сборной – ни слова. Ни-че-го! После драки...

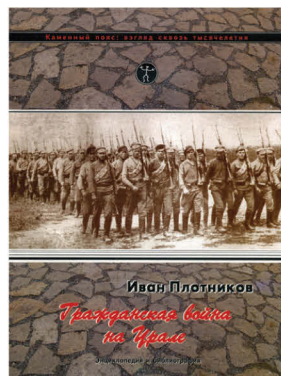
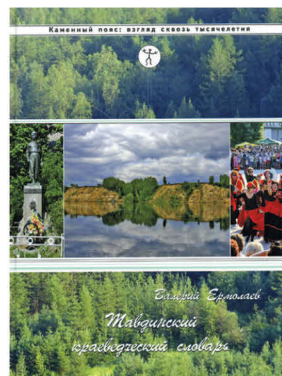
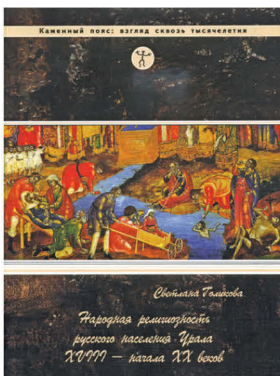
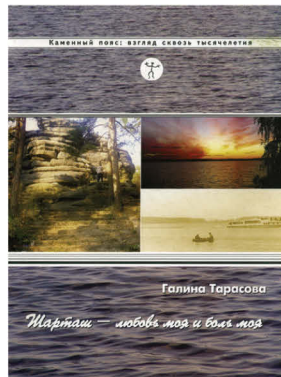
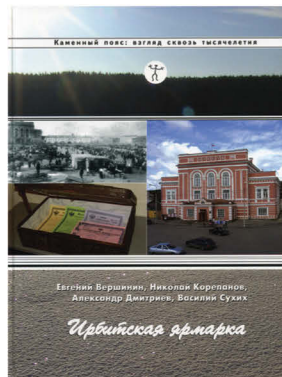

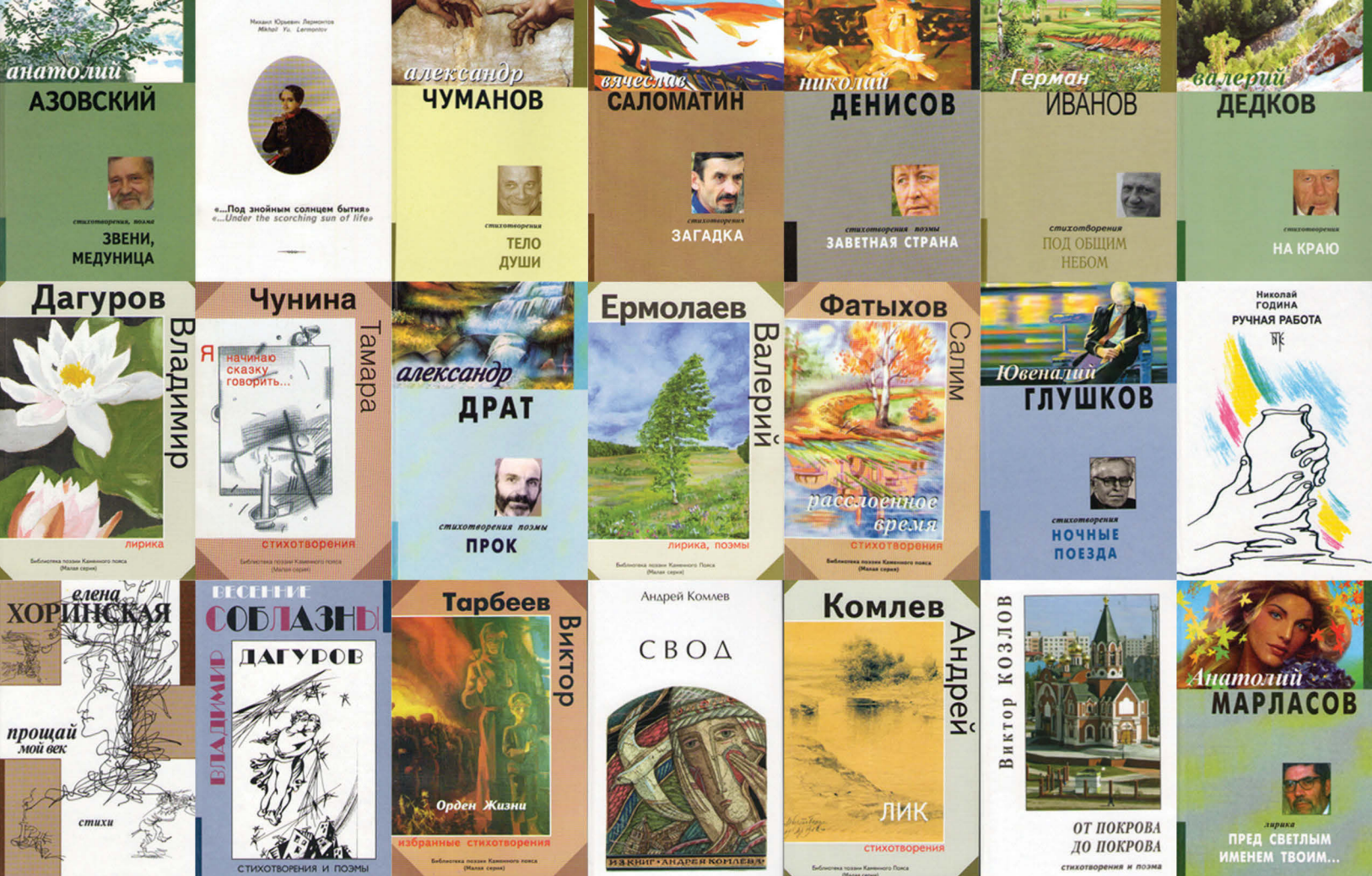

Серия
«Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»

Издательство «Банк культурной информации»
E-mail: ukbkin@gmail.com

БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ КАМЕННОГО ПОЯСА

ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

E-mail: ukbkin@gmail.com

